КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 204
Тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru,

а также
в Издательском доме «МИРС» по адресу:
199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
e-mail: mirs@ropryal.ru, sales-mirs@yandex.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать в Издательском доме «МИРС» и С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным адресам, а также на сайте:

http://spbmirs.ru/magazine/

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

С сентября 2007 года Высшая аттестационная комиссия Министерства образования и науки Российской Федерации включила журнал «Мир русского слова» в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки и доставки журнала за пределами СНГ обращайтесь к нашим дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22; факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского, 39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47; факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20; тел./факс (495) 152-54-81; тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы"»
127015, г. Москва, а/я 2; тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15; mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 21б, Международный центр научной и технической информации; тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41, +7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ"»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая общественная организация «Ассоциация выпускников советских и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая общественная организация «Общество выпускников советских и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24; ruskistudenticg@yahoo.com

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

МИРС

№ 1 2013

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ
«МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель
Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Редакционный совет:
Л. А. Вербицкая
В. В. Воробьев
Л. П. Клобукова
Ю. Е. Прохоров
Е. Е. Юрков
В. М. Шаклеин
С. Н. Голубев

Адрес редакции:
199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-32, 320-68-62
факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru

Издательский дом «МИРС»

[официальные материалы]

4 План мероприятий РОПРЯЛ на 2013 год
5 План мероприятий МАПРЯЛ на 2013 год

[лингвистические заметки]

8 И. В. Нефёдов, Т. П. Нефёдова
Отражение системности лексики русского языка
в первом толковом словаре советской эпохи
14 Т. П. Млечко
Диаспора: деривационные процессы на фоне эволюции феномена
24 В. М. Грязнова
Говор казаков-некрасовцев:
обращенность к прошлым языковым эпохам
32 И. В. Желябова
Способы развития значения имени существительного
в говоре казаков-некрасовцев

[лингвокультурология]

37 А. Д. Шмелев
Русский язык и русская культура:
точки соприкосновения и методы изучения
43 И. В. Зыкова
Фразеологический знак: к вопросу об объеме его культурной памяти
50 Н. А. Астафьева
Национально-культурные особенности лексико-семантического поля
«сутки» в современном русском языке на фоне финского языка
(по данным толковых словарей)
56 Л. Н. Третьякова
Военный концепт «шинель»
в языковой картине мира русского человека

[культура речи]

60 С. Э. Зверев
Военная риторика Московского государства

Главный редактор:
К. А. Рогова

Оригинал-макет:
М. С. Шишков

Над журналом работали:
Редакторы:
Т. Б. Авлова, Д. А. Щукина
Корректор:
Н. В. Лутц
Перевод аннотаций:
К. А. Кузьмина
Вып. редактор:
М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (свидетельство ПИ № 77–5399 от 11.09.2000)
ISSN 1811–1629

Тираж 5 000 экз.

Подписано в печать 20.03.2013
Отпечатано в типографии «Инфо Ол», Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д. 1

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи не возвращаются

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается

Материалы с краткой аннотацией и списком ключевых слов просьба представлять только в электронном виде. Требования к оформлению статей: http://www.spbmirs.ru/magazine/rules.html

[взаимосвязь литературы и языка]

66 Круглый стол
«Российские писатели в осмыслении жизни современной России»
77 К. А. Рогова
О «петербургском тексте» в современной художественной литературе (опыт анализа целого текста)
86 Н. Г. Бабенко
Новая страница Петербургского текста: поэтика повести Елены Чижовой «Время женщин»
92 Н. А. Афанасьева
Лексикографическое описание традиционных поэтических образов: к постановке проблемы

[методика преподавания русского языка]

98 Т. Н. Солдатенкова, В. А. Жеребов
Традиции и инновации в РКИ: подход Множественного интеллекта

[представляем новые книги. рецензии]

106 И. А. Мартьянова
Человек с «Видеорядом» (Смирнов И. П. Видеоряд. Историческая семантика кино. — СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2009)
108 Н. В. Кузнецова
Мы такие разные... И все-таки мы вместе! (Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: Коллективная монография / Т. И. Попова, И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова и др.; Под ред. Т. И. Поповой. — СПб.: Эйдос, 2012. — 224 с.)
109 В. И. Коньков —
Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: Коллективная монография / Т. И. Попова, И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова и др.; Под ред. Т. И. Поповой. — СПб.: Эйдос, 2012. — 224 с.
110 М. Д. Зиновьева, К. А. Рогова
Филологические заметки о новой книге для чтения «Мелодия Чайковского: русская проза конца XX — начала XXI века»

[хроника]

23 XVI Иннокентьевские чтения: «Россия и Китай: вербализация культурных и духовных смыслов (к 110-летию русской литературы в Китае)»
59 Памятные даты. Январь–декабрь 2013 года
113 XVII Международная конференция «Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве»

[россия... народы, языки, культуры]

114 Рязань

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ РОПРЯЛ НА 2013 ГОД

№	*Наименование мероприятий*	*Место проведения*	*Сроки*
1.	Семинар «Русское культурное пространство»	Центр международного образования МГУ имени М. В. Ломоносова	18 апреля 2103 года
2.	III Международная научно-практическая конференция «Теория и практика формирования коммуникативной культуры: традиции и инновации»	Кузбасская государственная педагогическая академия	18 апреля 2013 года
3.	Фестиваль русского языка	Башкирский государственный университет	Октябрь 2013 года
4.	Всероссийская научно-практическая конференция «Русский язык и культура в ареале международных отношений»	ИТиМО (Дагестан, Махачкала)	Июнь 2013 года

Продолжается прием заявок от членов «РОПРЯЛ» на включение мероприятий в план 2013 года

ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ МАПРЯЛ НА 2013 ГОД

№	*Страна*	*Сроки проведения*	*Место проведения и организаторы*	*Название и статус*
1.	Сербия, г. Белград	11–12 января	Славистическое общество Сербии, Белградский университет	Международный научно-образовательный форум «V белградская встреча славянских русистов: Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении» (в рамках 51-й встречи славистов Сербии) ***Ежегодная***
2.	Словакия, г. Ружомберк	март	Ассоциация словацких русистов, Институт русско-словацких культурных исследований — Католический университет в РУЖОМБЕРКЕ, Методический центр в Братиславе, Панъевропейский университет	Россия 2013: на весенней трибуне учителей-русистов.
3.	Эстония, г. Таллин	5–6 апреля	Эстонская ассоциация преподавателей русского языка и литературы	Международная конференция преподавателей РКИ
4.	Украина, г. Днепропетровск	18–19 апреля	Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (УАПРЯЛ), Министерство образования и науки, молодежи и спорта Украины, Днепропетровский национальный университет им. О. Гончара	VI Международная научная конференция «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках»
5.	США, г Вашингтон	24–28 апреля	Американские советы по международному образованию: АСПРЯЛ/АКСЕЛС	Праздник русской словесности в рамках II Всемирного фестиваля русского языка; Научная конференция «Специфика преподавания русского языка на продвинутом этапе: язык — учащийся — методика»
6.	Китай, г. Пекин	1–2 июня	Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Второй Пекинский институт иностранных языков (BISU)	Международная научная конференция «Преподавание русского языка в условиях интернационализации образования»

7.	Германия, г. Магдебург	2–5 мая	Институт зарубежных филологий Магдебургского университета им. Отто фон Герике, Общество «Русский язык и многоязычие» при Общенемецком объединении «Иностранные языки»	Международный симпозиум «Русский язык как иностранный в школе и в вузе — немецкий и международный опыт» (в рамках Года Германии в России и России в Германии 2012/2013 год)
		4 мая		***Заседание президиума МАПРЯЛ***
8.	Тайвань (Китай), г. Тайбей	4–5 мая	факультет славянских языков Государственного университета Чжэнчжи	V международная конференция «Современные проблемы славянской филологии: славянские языки в современном мире»
9.	Казахстан, г. Алматы	17–18 мая	Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Кафедра общего языкознания и иностранной филологии Учебно-экспериментальная лаборатория «Казахский язык: социо- и психолингвистические исследования» Казахстанское общественное объединение преподавателей русского языка и литературы (КАЗПРЯЛ) Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования	XVI Международная научно-теоретическая конференция «Язык и глобализация» ***Ежегодная***
10.	Польша, г. Лодзь	6–7 июня	Польская ассоциация учителей и преподавателей русского языка Варшавский университет	Третий Общепольский Фестиваль русской песни для учеников средних школ
11.	Украина, г. Ялта	8–11 июня	Украинская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (УАПРЯЛ),	Международная научно-практическая конференция «Русский язык в поликультурном мире» ***Ежегодная***
12.	Сербия, г. Белград	10–11 июня	Славистическое общество Сербии, Белградский университет	Научная конференция «Русское зарубежье и славянский мир: культурологический аспект»
13.	Польша, г. Варшава	29–30 июня	Польская ассоциация учителей и преподавателей русского языка Варшавский университет	Первый Международный Форум учителей русского языка Западной и Восточной Европы
14.	Испания, г. Гранада, г. Альмунекар	1–6 июля	Гранадский университет (Исследовательская группа «Славистика, кавказология и типология языков» отделения славянской филологии), Удмуртский государственный университет (Центр испанского языка и культуры).	Международный научно-практический семинар «Актуальные вопросы русско-испанского и испано-русского перевода»

15.	Казахстан, г. Алматы	25–27 сентября	Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстанское общественное объединение преподавателей русского языка и литературы	Международная научно-теоретическая конференция «Русское языкознание: теория и лингводидактика», посвященная 85-летию профессора Л. А. Шеляховской
16.	Болгария, г. Шумен	сентябрь	Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского Центр русистики при ШУ Общество русистов Болгарии	Международная научная очно-заочная конференция «Русистика в новой лингвокультурной ситуации» Мастер-класс для учителей Мастер-класс для студентов По поводу 40-летия основания русистики в Шуменском университете
17.	Словакия, г. Братислава	3–6 октября	Ассоциация русистов Словакии	VI Братиславские встречи
18.	Кыргызстан, г. Бишкек, Иссык-Куль	сентябрь–октябрь	Ассоциация русистов Кыргызстана, Институт регионального славяноведения КРСУ, Институт языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики, Российский центр науки и культуры в Бишкеке	I Международный Айтматовский Конгресс (под эгидой правительства Кыргызстана, при поддержке Национальной комиссии при ЮНЕСКО)
19.	Румыния, г. Бухарест	3–7 октября	Румынская ассоциация преподавателей русского языка и литературы, Бухарестский университет	Научно-практическая международная конференция «Русское слово и диалог культур в современном мире», посвященная 80-летию русистики в Бухарестском университете
		5 октября		***Заседание президиума МАПРЯЛ***
20.	Турция, г. Эрзрум	1–3 ноября	Эрзрумский университет имени Ататюрка, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили	Международная конференция «Актуальные проблемы русской филологии в поликультурном пространстве»
21.	Шри-Ланка, г. Коломбо	20–26 декабря	Университет Келания	Международный культурно-образовательный проект «Возвращение Андрея Тарковского» (к 50-летию пребывания режиссера в Шри-Ланке)
22.	Китай	уточняются	Китайская ассоциация преподавателей русского языка и литературы	уточняются
23.	уточняется	уточняются	МАПРЯЛ	Праздники русской словесности в рамках II Всемирного фестиваля русского языка
24.	уточняется	уточняются	МАПРЯЛ	Научно-практическая сессия «МАПРЯЛ — Русскому миру»

К 140-летию со дня рождения профессора Д. Н. Ушакова

И. В. Нефёдов, Т. П. Нефёдова

ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМНОСТИ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕРВОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

IGOR V. NEFEDOV, TATYANA P. NEFEDOVA
THE REFLECTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE LEXIS SYSTEMACY IN THE FIRST MONOLINGUAL EXPLANATORY DICTIONARY OF THE SOVIET EPOCH (DEVOTED TO THE 140-YEAR ANNIVERSARY OF PROFESSOR DMITRY N. USHAKOV)

В статье речь идёт о создании первого толкового словаря русского языка советской эпохи под редакцией профессора Д. Н. Ушакова. В процессе изложения материала подчёркивается основной принцип, положенный в основу создания четырёхтомного словаря, — принцип нормативности, заключающийся в системе стилистических и грамматических помет, в тонкой разработке лексических значений слова и их оттенков. Авторы статьи подчёркивают, что словарь Ушакова содействовал обогащению русского языка и оказал огромное влияние на дальнейшее развитие русской лексикографии.

Ключевые слова: толковый словарь, русский язык, принцип нормативности, системность лексики, лексическое значение, оттенок лексического значения, синонимы, омонимы, антонимы, неологизмы, стилистические пометы, фразеологизм, лексикография.

The article is devoted to the creation of the first monolingual explanatory dictionary of the Soviet epoch edited by professor Dmitry N. Ushakov. The main principal used while the dictionary creating is the principal of normativeness which implies a special system of stylistic and grammar notes and a particular description of word meanings and details of meanings. The authors emphasize that the Ushakov's dictionary furthered the enrichment of the Russian language and greatly affected the further development of Russian lexicography.

Keywords: monolingual explanatory dictionary, Russian language, principle of normativeness, lexis systemacy, lexical meaning, synonyms, homonyms, antonyms, neologisms, stylistic marks, phraseological units, lexicography.

Игорь Владиславович Нефёдов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и теории языка факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета
► igornef@yandex.ru

Татьяна Павловна Нефёдова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета

Дмитрий Николаевич Ушаков, один из талантливейших русских учёных-филологов, оставил яркий след в научной разработке диалектологии, лексикологии, лексикографии, фонетики, орфоэпии, орфографии, морфологии и других разделов науки о языке. Самым известным трудом Д. Н. Ушакова считается «Толковый словарь русского языка» (ТСРЯ), созданный в соавторстве с В. В. Виноградовым, Б. А. Лариным, С. И. Ожеговым, Г. О. Винокуром, Б. В. Томашевским. Д. Н. Ушаков возглавил работу над словарём, став его редактором, поэтому данный лексикографический труд обычно называют словарём Ушакова.

Профессор Ушаков использовал принцип нормативности, который заключался в системе стилистических и грамматических помет, в разработке лексических значений слова и их оттенков. Ушаков следовал в этом

направлении за академиком Я. К. Гротом, под редакцией которого в 1895 году вышел первый том «Словаря русского языка», составленный II отделением Императорской Академии наук. После смерти Я. К. Грота его преемники отошли от принципа нормативности. Ушаков же спустя несколько десятилетий положил этот принцип в основу создания первого толкового словаря русского языка советской эпохи, понимая, что многие слои современного ему общества нуждались именно в нормативном речевом руководстве. «Составители старались придать словарю характер образцового <...>, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык. <...> правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства <...>; кроме того, самый анализ значений и оттенков значений слов <...> более детальный, чем в старых академических словарях и в словаре Даля, даёт материал не только для теоретического изучения русской лексики, но, главное, для практического — с целью сознательного употребления в речи того или другого слова» [10, т. 1: 3].

Словарь Ушакова — первая удачная попытка создания толкового словаря нормативного типа. Словарь содействовал обогащению русского языка. Кроме слов, употреблявшихся в произведениях классической литературы от Пушкина до Горького, и общепринятого делового и научного языка XIX — начала XX века, в словарь включены новые слова, вошедшие в обиход в первой трети XX века, особенно после октябрьской революции 1917 года. Следует подчеркнуть, что толковый словарь Ушакова — лингвистический, а не энциклопедический. Об этом Д. Н. Ушаков писал не раз, подчёркивая, что в словаре толкуются лексические значения слов, а не описываются полностью какие-либо предметы или явления [Там же: 24].

После выхода «Толкового словаря русского языка» в свет началось его бурное обсуждение на учёных заседаниях в Институте языка и мышления в Ленинграде, на страницах большевистских газет и журналов. Словарь Ушакова обвиняли в критическом восприятии советской действительности, в поповском и мещанском идеологическом базисе, в буржуазном тоне содержания, в халтурности трактовки технических и научных терминов, называли словарь хулиганско-кабацким и похабным [4]. Конечно, в словарь были внесены вульгарные слова типа *кабак*, *харя*, *хреновина*, *сволочиться*, *блуд*, *дёрнуть* («выпить») и т. п., но не они составляли основу словарного фонда. Л. В. Щерба, один из немногих, в то непростое время высоко оценил работу лексикографического коллектива: «...словарь делает эпоху в лингвистике, это огромнейшее достижение, неизвестное западноевропейским словарям ...» [5].

Д. Н. Ушаков достойно защищал основные теоретические положения словаря. Так, обилие церковных слов Ушаков объяснял тем, что эти слова есть в произведениях русских классиков, и читатель должен их понимать. Просторечные и вульгарные слова помещены в словаре «не для их пропаганды, а для борьбы с ними путём разъяснения их стилистических качеств» [3: 238]. Лексические значения научных и технических слов, по справедливому мнению Д. Н. Ушакова, не должны противоречить науке и действительности, «но в то же время могут и не совпадать с научными определениями, так как могут не передавать всех научных признаков понятия» [10, т. 1: 24].

В словаре Ушакова, безусловно, есть недостатки. По нашему мнению, с позиции современности — это обилие коммунистической общеполитической лексики с цитатами из трудов Ленина, Сталина, но, как справедливо отметил профессор М. В. Панов, Д. Н. Ушакову и его коллегам *приходилось* давать навязанные характеристики политических терминов. «Словарь был создан в эпоху „диктатуры пролетариата“, но авторы сделали всё, чтобы он остался интеллектуально независимым, служил русскому языку, а не интересам партократии. Политическая терминология — вот та единственная область, где пришлось сделать уступку идеологическому натиску» [6: 9].

На конкретные языковые недостатки вполне корректно и аргументированно указывал В. В. Виноградов: 1) нет ясности в понимании

структуры слова и границ его значений; 2) часто отсутствует смысловая перспектива в развитии и последовательности значений слова; 3) в большинстве случаев не разграничены свободные значения слова и значения фразеологически связанные; 4) часто не различаются значение и употребление слова; 5) стилистические пометы бывают произвольные и непоследовательные [3: 238–239]. Однако и при этих недостатках словарь Ушакова, по мнению Виноградова, представлял собой «в высшей степени ценное справочное пособие по современному русскому языку» [Там же: 239].

Словарь отличается точностью семантического анализа слова, ясностью и достаточностью толкования лексических значений, чётким их разграничением. Способы толкования значения слова разнообразны. Однако составители словаря стремились к краткости определений, поэтому наиболее часто используется отсылочный способ, например: «*Вскрывать* — несов. к вскрыть» [10, т. 1: 406]. «*Братолюбие* — отвлечённое существительное к *братолюбивый*» [Там же: 183]. Употребителен в словаре Ушакова отождествительный способ: «*Браток* — то же, что *братишка* во втором и третьем значении» [Там же]. Очень широко представлен синонимический способ: «*Произвол* — 1. Своеволие <...>, 2. Деспотизм. 3. Произвольность, необоснованность» [10, т. 3: 939]. Описательный способ (развёрнутое объяснение) используется реже: «*Вегетарианец* — 1. Тот, кто не ест мяса, питаясь только растительной пищей; последователь вегетарианства» [Там же, т. 1: 238]. Ещё реже используется описательно-синонимический способ: «*Резкий* — 5. Грубый, дерзкий, высказанный с обидной прямотой» [Там же, т. 3: 13–23]. Нередки тавтологические определения лексических значений слов: «*Духоборчество* — религиозное движение духоборцев» [Там же, т. 1: 815]. Тавтологические определения рассчитаны на то, что читатель может в словаре получить справку о значении любого слова, входящего в толкование, в данном случае — в СУ есть и слово *духоборец*. Встречается и родо-видовой способ толкования лексических значений слов: «*Насекомое*. Членистоногое животное с суставчатым телом: мухи, пчёлы, блохи, клопы, муравьи и др.» [Там же, т. 2: 422]. Таким образом, в словаре преобладают способы краткого толкования лексических значений слов, что обусловлено ограниченным объёмом словаря — четырьмя томами.

Объём словаря не позволил сделать обязательным наличие примеров из литературных произведений, однако подобных примеров достаточно много. В цитатах из русской классики реализуются конкретные лексические значения того или иного слова, и в то же самое время эти цитаты доставляют читателю истинное удовольствие, вызывая в нём чувство прекрасного. К слову *умный* приводится цитата из Пушкина: «И прекрасны вы некстати, и *умны* вы невпопад» [Там же, т. 1: 945]. При анализе союза *то* читаем: «А ты, красавица, божусь, лишь только замолчишь, *то* жду я не дождусь, чтоб начала ты снова». Крылов [Там же, т. 4: 717]. К слову *голова* в значении «верхняя часть тела человека или животного, состоящая из черепной коробки и лица» приводится цитата из Гоголя: «Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича — на редьку хвостом вверх» [Там же, т. 1: 586].

В словаре Ушакова много поговорок и пословиц, выражающих народную мудрость и иллюстрирующих лексические значения слов: Когда лень, всё идёт через пень [Там же, т. 2: 46]. Делу время, потехе час [Там же, т. 1: 681]. Умные речи приятно и слушать [Там же, т. 4: 945] и мн. др. Иллюстративный материал отражает синтагматические связи русской лексики, анализ которых впоследствии помог учёным выделить основные типы лексических значений слов (см.: [2]).

Словарь Ушакова отличается системностью в подаче лексического материала: слова расположены в алфавитном порядке, далее следует правописание слова, произношение (если в этом есть необходимость), ударение, грамматические свойства, этимология (если слово иностранное) и стилистические пометы, далее — толкование значения слова, примеры и фразеология. Многие слова, представленные в словаре, многозначные. Все значения слова тесно связаны между собой и образуют сложное семантическое единство — семантическую структуру слова. В словаре ука-

заны переносные значения слова с помощью пометы «перен.», указаны оттенки лексических значений (//), и это сделано более тщательно и скрупулёзно, чем в предшествующих толковых словарях, в том числе и в словаре под редакцией Я. К. Грота. В словарь включено много новых слов, появившихся в эпоху Первой мировой войны и особенно — в эпоху пролетарской революции. И в этом смысле словарь Ушакова — выдающийся исторический документ. Новые слова свидетельствуют о политических, экономических и в целом — об идеологических изменениях в советской России: *комсомол, комсомолец, ленинизм, ленинец, парторг, парторган, комячейка, конармия, колхоз, комбайн, хлебосдача, продразвёрстка, нэп, нэпман* и многие другие.

В словарь включено немало слов, у которых появились новые значения в период социалистического строительства, и нередко они даются как основные, вынужденно, в угоду коммунистической идеологии: «*Субботник* 1. Добровольное и бесплатное коллективное выполнение в сверхурочное время общественно-полезного трудового задания, происходившее первоначально по субботам (нов.). 2. Поминальная книга в монастырях для чтения по субботам (церк.). 3. Сектант, принадлежащий к сектам, празднующим субботу вместо воскресения» [10, т. 4: 576]. К слову в новом значении приводится в качестве иллюстративного материала цитата из Ленина и далее в квадратных скобках даётся историческая справка о том, что впервые субботник был проведён в Москве 10 мая 1919 года.

У слова *звено* появилось новое значение «составная часть пионерского отряда числом в 8–10 человек (нов.)» [Там же, т. 1: 1083]. Словарь Ушакова фиксирует не только новые значения, но и оттенки новых значений «*Звено* 3. Самая мелкая организационная ячейка в пехоте (воен., нов.) <...> // самая мелкая ячейка в производстве (нов., спец.) <...> // группа из трёх самолётов (авиац., нов.)» [Там же].

Приведённые выше примеры лексических и лексико-семантических неологизмов, а также многие другие, им подобные, показывают, как лингвистическая проблема номинации использовалась в целях формирования массового сознания и самого социалистического общества, становилась политической, идеологической проблемой [1: 101].

В словаре детально разработаны стилистические пометы, указывающие как на разновидности устной речи, так и письменной: разг., простореч., фам., детск., вульг., арго, школьн., обл.; — книжн., науч., тех., спец., газет., публиц., канц., офиц., поэт., нар.-поэт. В словаре имеется широкая система помет, указывающих на выразительные оттенки слов: бран., ирон., шутл., укор., торж., презрит., неодобрит., ритор., эвф. Пометы «нов.», «церк.-книжн.», «старин.», «устар.» указывают на историческую перспективу в словах современного языка. В словарных статьях указываются слова-антонимы (правда, нерегулярно), свидетельствующие о системных отношениях между словами: «*Добро* 1. Положительное начало в нравственности; *противоп. зло*»; *Плохой* 1. Лишённый положительных качеств <...>; *противоп. хороший*».

Важно отметить и такие словарные статьи, когда у заглавного слова назван антоним и это слово в одном из значений толкуется синонимическим способом. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи многозначности, антонимии и синонимии: «Активный <...> *противоп.* пассивный 1. Деятельный, энергичный» [10, т. 1: 24]. Однако подобные словарные статьи очень редки, гораздо чаще системные отношения в русской лексике раскрываются в словаре через связь многозначности и синонимии с помощью синонимического способа толкования лексических значений. Так, например, в первом томе ТСРЯ из 1000 слов, извлечённых методом сплошной выборки, 64 слова толкуются синонимическим способом: «Аккуратный <...> 1. Исполнительный, исправный» [Там же: 22]; «Аллегро <...> 1. Скоро, оживлённо» [Там же: 27]; «Азарт <...> 1. Запальчивость, задор» [Там же: 17].

Приведённые примеры представляют собой синонимические ряды, где заглавное слово является доминантой. Можно с уверенностью сказать, что в последующие десятилетия при научной разработке лексических синонимов учёные

активно использовали словарь, тем более, что в нём зачастую была указана и стилистическая окраска слов-синонимов, и оттенки их значений.

На системные отношения в русской лексике указывает и наличие слов-омонимов: «*Полька*[1] – женск. к поляк и *полька*[2] – танец, основанный на полушагах» [10, т. 3: 554]; «*Папа*[1] — отец и *папа*[2] — верховный глава католической церкви» [Там же: 35].

Из-за отсутствия в тридцатые годы XX века теоретической базы, которая позволила бы чётко дифференцировать многозначные слова и омонимы, а также омонимы лексические и омонимы грамматические, в словаре немало примеров, вызывающих вопросы с точки зрения современного состояния лингвистики. Так, на наш взгляд, необоснованно представлено у слова *баба* пятое лексическое значение «подвесной молот, тяжёлая чугунная гиря для забивания свай» [10, т. 1: 74]. У лексических значений слова *баба* «замужняя крестьянка», «жена», «вообще женщина» с *бабой-молотом* нет общих сем, поэтому слово *баба* в значении «молот» следует считать омонимом по отношению к слову *баба* в указанных выше значениях. Слова *печь* — глагол (печь пироги) и *печь* — существительное (лежать на печи) подаются как лексические омонимы, хотя это слова разных частей речи [Там же, т. 3: 251–252].

О системности в подаче словарного материала свидетельствует и обязательное наличие в конце словарной статьи фразеологизмов с толкованием их значений. Словарь Ушакова богат фразеологическими единицами, он послужил основой для специальных фразеологических словарей (см., напр.: [11: 24]). Так, со словом *играть* зафиксировано 17 ФЕ [9, т. 1: 1130]; со словом *вода* приводится 21 ФЕ [10, т. 1: 324]; со словом *голова* — 27 ФЕ [Там же: 587]. Обилие в словаре Ушакова фразеологических единиц расширяет наше представление о словарном богатстве русского языка, о его образности, экспрессивности и выразительности: *сулить золотые горы* [Там же: 597]; *комар носа не подточит* [10, т. 3: 455]; *и на солнце есть пятна* [Там же: 1094] и многие другие.

Безусловно, фразеологические единицы разнотипны: здесь и фразеологические единства, и фразеологические сращения, и фразеологические сочетания. Последние значительно отличаются от предшествующих двух и впоследствии были исключены из некоторых фразеологических словарей (см., напр.: [11]). Примеры типа *трескучий мороз* [9, т. 4: 789], *тьма кромешная* [Там же: 1524] свидетельствуют о том, что переносное значение имеет лишь одно слово (*трескучий, кромешный*). Это так называемые фразеологически связанные лексические значения, которые реализуются, соответственно, лишь в сочетании со словами *мороз* и *тьма (ад)*, сохраняющими своё собственное лексическое значение. Следовательно, это не фразеологические единицы, так как у них нет целостной фразеологической семантики. К фразеологическим единицам относятся фразеологические единства — *волк в овечьей шкуре* — «лицемер, человек, под маской добродетели скрывающий свои дурные намерения» [10, т. 1: 349]; фразеологические сращения — *как бог на душу положит* — «произвольно, беспорядочно» [Там же: 160]. Однако теория, связанная с типологией ФЕ в зависимости от степени семантической слитности их компонентов, появилась гораздо позже выхода Словаря Ушакова в свет.

В заключение хотелось бы обратить внимание ещё на одну яркую особенность словаря — на описание лексических значений служебных частей речи. Например, у частицы *ни* толкование лексических значений и их оттенков тесно связано с анализом типов предложения, в которых частица используется в русском языке; с её синтагматическими связями; с сочетанием с определёнными падежными формами существительных [10, т. 2: 569–570]. Таким образом, словарная статья позволяет сделать вывод о том, что лексическое значение частиц связано с морфологическими и синтаксическими особенностями русского языка.

Очень подробно описывается полисемия русских предлогов. Так, предлог *на* имеет 28 значений и 13 оттенков значений [Там же: 295–299]; предлог *с* — 23 значения и 17 оттенков [10, т. 4: 13–17]; предлог *в* — 21 значение и 16 оттенков [Там же, т. 1: 216–218]; *по* — 19 значений и 15 оттенков значений [Там же, т. 4: 315–318] и т. д. Впервые очень тонко и глубоко семантика служебных слов,

представляющих наиболее трудный объект лексикографии, была разработана в «Словаре русского языка» под редакцией Я. К. Грота. К сожалению, вышел только один том этого словаря на буквы А–Д. Словарь же Ушакова вышел полностью, в 4 томах, в нём описаны лексические значения всех наиболее употребительных служебных слов. Более того, показаны омонимические отношения между предлогами и частицами, например: «на[1] — предлог <...> на[2] — частица в сочетании со словом *тебе* или без него <...> на[3] — частица только в выражении *ни на есть*» [Там же, т. 2: 295–299].

В «Толковом словаре русского языка» представлены значения и некоторых морфем, причём описание лексических значений нередко являются в то же время и орфографическими правилами, например: «[*недо*]. Приставка, придающая значение неполноты, недостаточности действия, отсутствия в нём нужной меры, нормы, степени, напр., недоспать, недобор, недозрелый, недосмотреть за ребёнком и т. п. (не смешивать с отриц. «не», пишущимся отдельно перед глаголами с приставкой до, обозначающей законченность действия, напр., не доесть супа, не добежать, не дописывать, не досмотреть пьесы и т. п.)» [Там же: 494].

Правописание приставки *при* также связано с её лексическими значениями. Их в словаре — 12. В современных орфографических справочниках приводится, как правило, три-пять значений. Например, в «Справочнике по правописанию, произношению, литературному редактированию» Д. Э. Розенталя и др. приводится 5 значений приставки *при* [7: §32]. В «Русской грамматике» АН СССР в разделе «Словообразование» рассматриваются 6 значений этой приставки [8: 309, 368].

Своими лексическими значениями приставка *при-* отличается от приставки *пре-*. Следовательно, правописание некоторых приставок зависит от их лексического значения. Сегодня говорят в таких случаях о реализации дифференцирующего принципа написания некоторых приставок, но одним из источников теоретического обоснования этого принципа является, безусловно, словарь Ушакова.

Таким образом, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, изданный в 1935–1940 годах, являлся ещё и орфографическим справочником, что было очень актуально для 30–40-х и начала 50-х годов XX века и во многом остаётся актуальным и сегодня («во многом» — потому что в 1956 году были приняты новые орфографические правила).

Словарь Ушакова оказал огромное влияние на дальнейшее развитие русской лексикографии. Он стал необходимым этапом в создании как академических словарей, так и словарей-справочников современной эпохи. После «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова вышло немало других толковых словарей, но между «почти всеми этими словарями и словарём Ушакова проходит тонкая, но ясно ощутимая линия: от словаря Ушакова веет талантливостью. Поэтому в нём легко дышать. Его хочется читать <...> Чувствовать обаяние и мощь русского языка» [6: 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Введенская Л. А.* Русская лексикография. М.; Ростов н/Д., 2007.

2. *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–30.

3. *Виноградов В. В.* Толковые словари русского языка // Виноградов В. В. Избр. тр. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 206–242.

4. *Никитин О. В.* Забытые страницы из истории отечественной лексикографии 1920–1940-х годов. — URL: http//www.portal-slovo.ru/philology/44512.php

5. Ожегов — Ушакову, 1935, письмо № 21 // Никитин О. В. Забытые страницы из истории отечественной лексикографии 1920–1940-х годов. — URL: http//www.portal-slovo.ru/philology/44512.php

6. *Панов М. В.* «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова // Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.

7. *Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1999.

8. Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М., 1980.

9. Словарь. Московский журнал. — URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2003/02/01/slovar

10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1994.

11. Фразеологический словарь / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

Т. П. Млечко

ДИАСПОРА:
ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ФОНЕ ЭВОЛЮЦИИ ФЕНОМЕНА

TATYANA P. MLECHKO
DIASPORA: DERIVATIONAL PROCESSES AGAINST THE PHENOMENON OF EVOLUTION

В статье рассматривается современный процесс актуализации словообразовательной парадигмы лексической единицы *диаспора* в связи с эволюцией феномена диаспоры. Анализ научных текстов и публикаций о диаспоре в СМИ демонстрирует большое число дериватов, отсутствующих в словарях и лексикографических изданиях, но активно формирующих новое словообразовательное гнездо, которое содержит, в том числе, и конкурирующие варианты. В статье приводятся примеры словоупотребления новых единиц и случаи их тематической сочетаемости, обусловленной экстралингвистическими факторами.

Ключевые слова: диаспора, словообразовательная парадигма, продуктивные суффиксы, система языка.

The article deals with the current process of updating the derivational paradigm of the lexical unit "diaspora" in relation to the evolution of the phenomenon of diaspora. The analysis of the scientific texts and publications about diasporas in mass media has revealed a large number of derivatives that do not exist in dictionaries and lexicography studies, but actively participate in the formation of a new family of words which contains, among the other things, the competing options. The article provides the examples of using new units and cases of their thematic compatibility depending on the extralinguistic factors.

Keywords: diaspora, derivational paradigm, productive suffixes, system of language.

Татьяна Петровна Млечко

Доктор педагогики, профессор, ректор Славянского университета в Республике Молдова
► mlechko@yahoo.com

Известно немало случаев, когда слово представлено в речи не во всех своих потенциально возможных словоформах. Ресурс системы бывает не всегда или не сразу востребован. Толчок к семантической эволюции и реализации словообразовательных и морфологических потенций такой единицы нередко предопределен экстралингвистическими факторами.

Примером тому является слово ***диаспора***.

В словарях производные от этого слова не зафиксированы. Так, в ходе просмотра электронных словарей и иных справочных ресурсов были получены ответы: «искомое слово отсутствует» или «по этому запросу ничего не найдено», за исключением одного случая: о нем позже. Парадоксально, что при этом искомые словоформы уже достаточно давно стали появляться в специальной литературе по темам, связанным с диаспорой.

Наша цель — рассмотреть факты речевой актуализации потенциала системы языка на фоне эволюции понятия ***диаспора,*** материалом для чего служит обширная научная литература по проблемам диаспоры и соответствующие публикации в СМИ.

Популярность лексической единицы *диаспора* в обиходе зарубежных и российских ученых стала заметна в период развала СССР. Так, известный своими трудами по проблемам диаспоры американский ученый Р. Брубейкер отметил «лавинообразный интерес к диаспорам»[1] с конца 1980-х годов. По его подсчетам, «термин „диаспора“ и производные от него понятия встречались всего лишь один или два раза в год в названиях всех диссертаций в США 1970-х годов, примерно тринадцать раз в год в конце 1980-х годов, и почти 130 раз в одном лишь 2001 году. Лавинообразное использование слова „диаспора“ не ограничивается академической литературой. Поиск „Diaspora“ в „Гугле“ (Google.com) дает на сегодня свыше 11,4 млн ссылок на английском языке, а на русском — 6.2 миллиона»[2]. Добавим, защищены десятки диссертаций, рассматривающих проблемы диаспоры применительно к постсоветскому пространству.

Этническая мобилизация в период обретения союзными республиками суверенитета привела не только к заметному обособлению представителей одной лингвокультурной общности и их сплочению в стране проживания, но и к налаживанию внешних контактов. Не случайно появилось обозначение ***соэтники*** и широко распространенное — ***соотечественники***, обыгранное журналистами — из-за проживания этой категории за рубежами России, — до утрированного по смыслу обозначения ***внеотечественники***[3]. Эти тенденции все чаще стали квалифицироваться как отношения между диаспорой и исторической родиной. Таким образом, национальные меньшинства в своей стране стали, согласно традиционной схеме, именоваться диаспорой по отношению к стране своей национальной или культурно-языковой принадлежности. Действительно, основания для аналогии с классической диаспорой в этом случае есть, поскольку, согласно конвенциальному определению, *ДИАСПОРА* — часть этноса, проживающая на территории другого государства.

Однако есть основания и для сдержанного к этой аналогии отношения. «Диаспора — одна из форм существования этнического меньшинства, но последнее — не обязательно диаспора. <...> Меньшинства бывают разных типов и с разными статусами»[4].

Стремление разобраться в этом вопросе продемонстрировано многими исследователями. Судя по количеству публикаций, стремительно увеличившемуся по мере актуализации феномена диаспоры на рубеже второго и третьего тысячелетия, интерес к нему чрезвычайно возрос.

Одни пытаются разобраться в том, что есть вообще диаспора, не имеющая до сих пор ни строго научного, ни юридического определения. Другие используют слово *диаспора* как общепринятый и безальтернативный термин. Как отмечает Н. Космарская, «в русском академическом дискурсе термин „диаспора“ используется либо из стремления выдать желаемое за действительное, либо по инерции»[5]. Наконец, третьи пытаются термин привести в соответствие с трансформирующимся содержанием самого понятия, то есть уточнить его с помощью дополнительного слова, формируя таким образом термин в виде словосочетания. В этом плане весьма примечательна и лингвистическая сторона подбора определений к основному слову.

Особым разнообразием отличается исследовательский поиск уточнений применительно к ближнему, в частности к русскому, зарубежью.

Это связано в первую очередь с тем, что, в отличие от общепринятого представления о т.н. классической диаспоре, в анамнезе новой диаспоры, во-первых, отсутствует факт самого исхода, во-вторых, не абсолютна ее этническая составляющая. Первый довод базируется на том, что не стало того государства, которое до момента распада воспринималось как историческая родина, как общее отечество. «Слабость общепринятого определения диаспоры состоит в том, что оно основывается на перемещении (миграции) людей и исключает другой менее распространен-

ный случай образования диаспоры — перемещение государственных границ, в результате чего культурно-родственное население, проживавшее в одной стране, оказывается в двух или в нескольких странах, никуда не перемещаясь в пространстве»[6]. Именно по отношению к диаспорам, сложившимся таким образом, Р. Брубейкер в 1999 году вводит в обиход обозначение ***«диаспора катаклизма»***[7].

С учетом того, что лингвистическая задача статьи концентрируется на лексической единице *диаспора* и появившихся производных от неё, мы не включаем в обзор попытки иных обозначений этого феномена, хотя вариантов немало и они интересны по сути и по форме: **экспатриированные сообщества**, **трансграничные этнические группы, этнокультурные анклавы, субэтносы** и др.

В отношении второго довода важно то, что, в отличие от традиционного, этнически акцентированного, понимания диаспоры, русское зарубежье многонационально по своему составу. Отсюда вопрос отнюдь не лингвистического свойства о ее правильном названии: *российская диаспора* или *русская диаспора*? Одним из компромиссных ответов на него стало так своевременно появившееся обозначение *русский мир*.

«В российском экспертном сообществе в настоящее время создан терминологический коктейль из понятий „русская диаспора“, „российская диаспора“, „российские соотечественники“, „русскоязычные“, „россияне“, „соотечественники“, „Русский мир“, каждое из которых имеет право на существование. Большинство экспертов считают, что наиболее удачным является термин „Русский мир“, введенный в обращение П. Щедровицким»[8].

Известный российский этнолог В. Тишков однозначно квалифицирует диаспору как российскую: *традиционная российская диаспора и новые российские диаспоры.* Литература, осмысливающая феномен и понятие *российской* диаспоры, составляет отдельный и довольно внушительный блок. Показателен и целый ряд диссертационных работ, в названии которых фигурирует интересующее нас словосочетание: *Калинина Н. В.* **Российская диаспора** в странах СНГ: Политические аспекты проблемы (М., 2002); *Лобанов М. А.* **Российская диаспора** в ближнем зарубежье как фактор продвижения национальных интересов России (М., 2008); *Чибисов О. В.* Интеграция **российской диаспоры** в политический процесс стран СНГ (М., 2009) и др.

Другие авторы научных исследований используют определение *русская* диаспора. Примером тому одна из первых монографий по постсоветскому ареалу Н. М. Лебедевой «**Новая русская диаспора» (**М., 1997) и следующие диссертационные работы: *Савченко О. А.* **Русская диаспора** в Азербайджане: Проблемы этнокультурного развития (М., 2002); *Бутузов А. Г.* География **русской диаспоры** в XX веке: региональный аспект (М., 2002); *Нуркаев Р. В.* **Русская диаспора** в странах Прибалтики (М., 2009); *Свинчукова Е. Г.* Языковая картина мира **русской диаспоры** в Казахстане (М., 2011) и др.

В качестве альтернативных встречаются и другие названия, например, исследование Л. В. Золотовой «Государственная политика по поддержанию **русскоязычных диаспор** на постсоветском пространстве и содействию добровольному переселению соотечественников в Россию» (Ростов-на-Дону, 2009).

Многие исследователи слову *диаспора* предпочитают слово *зарубежье* — ближнее, дальнее, русское, российское.

Помимо этих принципиально важных определений, слово *диаспора* встречается в сочетании с целым рядом прилагательных, с той или иной стороны характеризующих диаспору или обозначающих основной признак той или иной ее разновидности.

Примеры.

В. Тишков: м***анифестная*** диаспора, т. е. заявляющая о себе, манифестирующая своё существование и интересы в отличие от миграционного потока как такового; в***раждующая*** диаспора в смысле взаимного неприятия старой и новых волн эмиграции[9]. П. Колсто: у***кореняющаяся*** диаспора[10].

Г. Шеффер выделяет следующие типы диаспор: диаспоры **с глубокими историческими корнями** (сюда относятся армянская, еврейская

и китайская); ***«дремлющие»*** диаспоры (американцы в Европе и в Азии и скандинавы в США), ***«молодые»*** диаспоры (их образуют греки, поляки и турки); ***«зарождающиеся»***, то есть находящиеся лишь в начальной стадии своего становления (их только начинают формировать корейцы, филиппинцы, а также русские в бывших советских республиках); ***«бездомные»***, то есть не имеющие «своего» государства (в эту категорию попадают диаспоры курдов, палестинцев и цыган); ***«этнонациональные»*** — самый распространенный тип диаспор. Их характерная особенность в том, что они чувствуют за спиной незримое присутствие «своего» государства; диаспоры ***«рассеянные»*** и диаспоры, **живущие компактно**[11].

По мере осмысления феномена *диаспора* и расширения вербального поля размышлений о ней возникла необходимость в словах, производных от слова *диаспора*.

В первую очередь это прилагательные.

В текстах встречается четыре варианта: ***диаспоральный, диаспорный, диаспорический*** и ***диаспоричный***. Важно разобраться в том, конкурирующие ли это между собой эквиваленты, синонимичные единицы или слова, явно различающиеся спецификой смыслов. Анализ контекстуальных словоупотреблений подсказывает пока еще только формирующийся ответ.

Исключение из ситуации «по этому запросу ничего не найдено», о котором говорилось выше, — единственное лексикографически зафиксированное орфографическим словарем на справочно-информационном портале Грамота.ру производное от *диаспора* прилагательное ***диаспоральный***.

ДИАСПОРАЛЬНЫЙ — количество упоминаний в Google на момент осени 2012 года составляет 41 200 примеров. Современный толковый словарь русского языка информирует: «-альн(ый), *суффикс.* Словообразовательная единица, образующая как качественные, так и относительные имена прилагательные с общим значением обладания признаком, качеством или свойством, названным словами, от которых соответствующие имена прилагательные образованы *(натурáльный, нормáльный, спектрáльный, театрáльный, фигурáльный и т. п.)*»[12].

Среди наиболее часто встречающихся в текстах такие, ставшие типичными, словосочетания: *диаспоральная политика, диаспоральное сознание, диаспоральная специфика, диаспоральные процессы, диаспоральное движение, диаспоральные стратегии, диаспоральный ресурс, диаспоральная тематика и др.*

Прилагательное широко используется в научных текстах.

Приведем примеры, которые не только демонстрируют включенность прилагательного *диаспоральный* в тексты, но и содержат актуальную информацию о дальнейшем осмыслении феномена диаспоры.

В работах С. С. Савоскула, одного из первых и наиболее авторитетных исследователей нового русского зарубежья, это слово используется, но в закавыченном варианте, что подчеркивает его новизну, нестандартность: «И у русского населения, твердо намеренного остаться в странах своего проживания, стали вырабатываться навыки ***„диаспорального“*** поведения и сознания»[13].

Позже в исследованиях слово стало привычным: «Главная особенность российской диаспоры состоит в многообразии составляющих ее ***диаспоральных сообществ***. Для представления их характеристик введены новые понятия: ***«диаспоральная прочность»*** (устойчивость сообщества ассимиляции)» и др. далее по тексту[14].

Слово фигурирует в названиях публикаций: *Градировский С.* Россия и постсоветские государства: искушение **диаспоральной политикой**[15], *Степанян А. А.* Этнообщина как продукт **диаспоральных процессов** (дис. ... канд. соц. наук. М., 2004) и т. д.

Также прилагательное *диаспоральный* встречается в СМИ.

> «В Армении будет создан **диаспоральный Сенат**?
>
> Президент Армении намерен внести поправки в Конституцию страны с тем, чтобы сделать парламент двухпалатным. Об этом заявила **министр Диаспоры** Армении Грануш Акопян в Калифорнии в рамках своего турне в США. По ее словам, в верхнюю палату Национального собрания войдут представители Диаспоры, что предоставит возмож-

ность армянам всего мира участвовать в процессе государственного управления»[16].

Поскольку мы анализируем эволюцию слова в связи с эволюцией понятия, то в приведенных примерах важна не только интересующая нас лексема, но и специфика понятия. За этим стоит также очень актуальная, фигурирующая, заметим, у разных ученых констатация, что диаспора — это не просто часть этноса, оказавшаяся на территории другого государства, которая автоматически обретает свой статус по одному этому факту. «***Диаспоральный статус*** русскоязычных сообществ выводится из приписывания им нескольких ключевых характеристик „настоящих" диаспор»[17]. Диаспора постепенно формируется из «миграционного материала» или ее становления не происходит. Отсюда и правомерность появления еще одного слова и тоже пока закавыченного в текстах, будто бы условно используемого для посвященных в тему.

Это абстрактное существительное — *ДИАСПОРАЛЬНОСТЬ,* образованное при помощи активного сегодня и традиционного для подобных случаев суффикса *-ость*. **«Суффикс -есть (-ость)** образует существительные со значением отвлеченного признака или состояния. Это имена существительные с отвлеченным значением, преимущественно употребляемые в стилях книжной речи и произведенные или производимые главным образом от имен прилагательных качественных и от причастий страдательного залога»[18].

Относительно слова *диаспоральность* можно констатировать, что оно обозначает наличие определенного перечня характерных признаков и их качественного наполнения, соответствующего статусу диаспоры.

Например, «проверка на «диаспоральность», где подразумеваются ключевые в данном контексте компоненты сознания и поведения русскоязычных[19]; также ставшее уже классическим высказывание Д. Клиффорда о «пульсации» и подвижности проявлений диаспоральности. «Набирающее мощные обороты в общественном дискурсе обсуждение ***диаспоральности.*** ...В то же время дополнительным фактором оживления ***диаспоральности*** является этнополитическая мобилизация интегрировавшихся потомков иммигрантов»[20].

Второе прилагательное, использующееся в научных трудах специалистов и в СМИ, — ***диаспорный***.

ДИАСПОРНЫЙ — 13 300 словоупотреблений в Google.

Его пунктирно вырисовывающееся значение — принадлежащий диаспоре, составляющий часть диаспоры: *диаспорное сообщество, диаспорная группа.*

Однако отдельные исследователи используют его как единственный вариант производного прилагательного от слова *диаспора*. В этом ряду, например, В. Тишков и доктор исторических наук, профессор Г. Н. Ким, цитаты из статей которых следуют далее.

> В. Тишков: «Калмыки — пример множественной ***диаспорной идентичности***: для многих из них родина — это каждая предыдущая страна исхода или несколько стран в зависимости от ситуации и выбора». «Россия создавала ***диаспорный материал*** в значительной мере для других стран, которые исторически возникли в последующие периоды»[21].
>
> Г. Н. Ким: «В ряде университетских центров США, Канады, Великобритании и других стран действуют научные центры, специализирующиеся на *диаспорной тематике.* ...Ассоциации и центры *диаспорных исследований* ежегодно проводят научные симпозиумы, конференции и другие форумы, на которых проводятся дискуссии по актуальным проблемам *диаспорной парадигмы*»[22].

Приверженцы этого варианта прилагательного используют его в самом широком диапазоне сочетаемости, в том числе в качестве определения к одушевленным субъектам: украинский *диаспорный историк* — занимающийся проблемами диаспоры; среди *диаспорных активистов* — из числа членов самой диаспоры; *диаспорный народ* — народ, имеющий диаспору, и т. д.

Примечательны тексты, в которых используются оба варианта прилагательных, что позволяет рассуждать об их смысловой дифференциации. Для русского языка характерна смыслоразличительная функция суффиксов: *артистичный — артистический, демократичный — демократический, человечный — человеческий* и др.

Так, в статье одного из основоположников современной теории диаспоры Г. Шеффера[23] находим: *диаспоральные* — исследования, организации, жизнь, коллективы; *диаспорные* — сообщества, группы. Однако текст переводной, поэтому можно только догадываться о причинах использования переводчиком того, а не иного варианта прилагательного и параллельно обоих. Возможно, в переводных двуязычных словарях предлагаются оба варианта прилагательного или же — ни одного.

Интересен, как доказательство конкуренции между двумя вариантами прилагательных, пример из СМИ, аналогичный по содержанию сообщению о ***диаспоральном Сенате*** Армении. «В Грузии будет создан „диаспорный парламент“, состоящий из 45 депутатов. Аппарат госминистра Грузии по делам диаспоры работает над законодательной инициативой о создании „диаспорного парламента“. Он будет существовать при аппарате госминистра»[24].

В качестве еще одного альтернативного варианта фигурирует прилагательное, созданное тоже по продуктивной в системе русского языка суффиксальной модели: *политический, экономический, утопический:*

ДИАСПОРИЧЕСКИЙ — 672 примера в Google.

Именно это прилагательное значится в числе **первых** упоминаний в специальных публикациях о феномене диаспоры на русском языке. В известной статье А. О. Милитарева «О содержании термина „диаспора“ (К разработке дефиниции)», автор пишет: «Прежде чем обсуждать вопрос о том, какое содержание следует вкладывать в понятие *диаспора* в современном этнокультурном и геополитическом контексте и какие из миграционных процессов новейшего времени следует считать ***диаспорическими (или диаспорными),*** стоило бы разобраться, что же такое „диаспора“ в традиционном и общепринятом смысле этого термина»[25].

В работах различных авторов, пишущих на русском языке, встречаем: *диаспорический синдром, диаспорический характер, диаспорическая этническая группа, диаспорический импульс, субъекты диаспорического мифотворчества* и т. д. и т. п.

Здесь уместно напомнить, что слово *диаспора* в русском языке используется еще в одном самостоятельном значении — как биологический термин, от которого в этой сфере образовано и используется соответствующее прилагательное, например ***диаспорические*** субклимаксы[26].

Можно предположить, что именно в силу аналогии с этим употреблением в качестве первого прилагательного от *диаспора* (этническая) система языка «выдала» — *диаспорический,* и, возможно, именно по той же причине оно постепенно отвергается узусом в отношении диаспоры этнической.

Следующий пример показывает дальнейший шаг на пути реализации деривационных возможностей системы. Это уже префиксальный вариант прилагательного и очередной суффиксальный вариант абстрактного существительного: «Для ***пост****диаспорического поколения* характерны как разные уровни *диаспорического сознания*, так и различная степень интеграции в художественную сцену постсоветской „основной территории“, что также определяет степень их ***„диаспоричности“***»[27].

Употребление варианта ***диаспоричность*** с тем же вторым суффиксом ***-ость,*** как и предыдущий вариант ***диаспоральность,*** опять закавычено по причине ощущаемой новизны, придуманности этого существительного. Оно вполне вписывается в систему, вернее, подсказано ею, и отсылает нас к примерам, ему подобным: *меланхоличность, статичность, первичность* и др. Однако, что касается частоты употребления, можно говорить пока о единичных случаях, как и по отношению к следующему деривату.

Это четвертый вариант прилагательного от слова *диаспора*.

ДИАСПОРИЧНЫЙ — 4 примера в Google.

Суффикс *-ич-н* — один из продуктивных в русской словообразовательной системе. Однако аналогичные прилагательные с таким суффиксом — *симпатичный, хаотичный, утопичный, архаичный* — как правило, качественные и имеют степени сравнения. Для такого суффикса данный случай подходит мало. Тем не менее примеры его употребления в прилагательном от слова *диаспора* встречаются и их следует упомянуть.

Интернет-форум: «Не хочется мне что-то с этой „диаспорой“ контактировать, не русский

я, что ли... Да и вообще, есть такое ощущение, что *не **„диаспоричный“** мы народ* какой-то, или внутренней дисциплины в нас нет, или родства не помним»; «...между ***диаспоричным*** и титульным этносами не наблюдается серьезной культурной дистанции»[28].

Итак, анализируя варианты, претендующие на нормативное закрепление в словообразовательном гнезде лексемы *диаспора,* мы упомянули два альтернативных существительных — *диаспоральность* и *диаспоричность*. Следующее в этом ряду слово — *диаспоризация.*

ДИАСПОРИЗАЦИЯ — популярная словообразовательная модель с суф. *-изаци(я)* со значением масштабного (массового) процесса преобразования, превращения, трансформации. Ср.: *демократизация, глобализация, колонизация, приватизация* и т. д.

«Продуктивный суффикс *-аци*(*я*), *-изаци*(*я*) для обозначения процесса, действия (соотносительный с суффиксами глаголов *-ировать*(*ся*), *-изировать*(*ся*), *-овать*(*ся*) и с суффиксами действующего лица *-атор*, *-изатор*): *рационализация, коллективизация.* Для современного языка характерно распространение сферы применения суффикса *-изаци*(*я*) и на русские основы: *военизация, советизация*»[29].

Примеры использования в научных текстах и публикациях в СМИ: «В последнюю группу выделятся русскоязычные, которые по своим групповым и/или индивидуальным характеристикам окажутся неспособны ни к миграции, ни к ***диаспоризации»***[30]. «Репатриация или диаспоризация? (к выстраиванию диаспоральной политики на постсоветском пространстве)»[31].

По модели слов, которыми в русском языке называют отдельные науки, появляется название междисциплинарного направления по изучению проблем диаспоры — *ДИАСПОРОЛОГИЯ.*

«Суффикс *-логи*(*я*) обозначает научную специальность или какую-нибудь сферу теории и практики: *психология, биология, космология, зоология, антропология* и т. п.»[32].

Приводя цифры и факты стремительно усиливающегося интереса к феномену диаспоры в современной науке, Г. Н. Ким озаглавливает свою статью «Диаспорология России и Казахстана» (2011), где пишет: «**Формирование диаспорологии как самостоятельной науки** относится к концу 20 века. то наглядный и яркий пример актуальности диаспорной парадигмы на современном этапе»[33].

Г. Шеффер в статье «Диаспоры в мировой политике», опубликованной на русском языке в 2003 году, пишет о формировании такого направления, но не дает ему названия[34].

После того как появилось название направления, естественным образом появилось и прилагательное от него *ДИАСПОРОЛОГИЧЕСКИЙ.* Оно регулярно используется, например, в исследованиях, посвященных зарубежным казахам[35].

Экстралингвистические факторы «пробудили» потенциал языковой матрицы, в результате чего стали появляться слова, которые даже не кажутся новыми, настолько органично и логично их появление в письменной и устной речи. «Дело не в личной изобретательности, хотя она и необходима для того, чтобы обнаружить и произнести слово, ранее не употреблявшееся в речи, но системно существующее в языке. Индивидуальная изобретательность проявляется в разности тех контекстов, речевых примеров, куда помещается данное слово, но само слово, как платоновская идея, существует объективно в системе языка, потому-то разные индивиды и могут приходить к нему одновременно и независимо друг от друга. Кстати, так и входят в язык многие новые слова — не столько путем распространения от одного реченосца к другим, сколько путем независимого зарождения в сознании и речи разных людей. По сути, новые слова входят в язык — из языка же, пользуясь говорящими как переносчиками лексических единиц из языковой системы в норму»[36].

Поскольку система предлагает целый набор аналогий, по образцу которых создаются новые слова, то налицо продемонстрированное нами появление и опробование параллельных вариантов. Помимо того, креативный подход авторов к форме выражения своих мыслей о диаспоре порождает целый ряд окказионализмов и оригинальных словосочетаний.

Таким примером может служить еще одно абстрактное существительное — ***диаспоризм.*** Созданное по аналогии со словами с суффиксом *-изм,* оно обозначает некое масштабное явление-процесс. «**Суффикс** *-изм* образует существительные, обозначающие состояния, качества, названия учений и общественных течений *(реал**изм**, фанат**изм**, роман**изм**, геро**изм**)*»[37]. В тексте научной работы встречаем: «Что опять же подтверждает возможности развития диаспоры как научной дефиниции и социального феномена, ведь ***диаспоризм*** не носит статичного характера, он вспыхивает и затухает в зависимости от меняющихся условий, что обуславливает появление новых форм диаспоры, а также глубокого изучения ее типов, начиная от „классической“ и заканчивая „новой“»[38].

Что касается словосочетаний, то они преимущественно индивидуально-авторские: *диаспора катаклизма, выброшенная на берег или десантированная диаспора (beached diaspora), невозможность диаспоры*, *тестирование на диаспору, диаспоральное «пиршество», антидиаспоральные рассуждения* и др. Так, с целью создания экспрессивно-оценочной единицы Н. Космарская использует актуальный для современного словообразования корневой сегмент *-мания*. «Мои коллеги пришли к выводу, что необходимо отмежеваться от господствующей в литературе „***диаспоромании***“»[39].

Отметим также факт, что результаты словотворчества от корня *диаспора* расширяют диапазон их применения. Так, «термин „***постдиаспора***“ стал использоваться применительно к поколению постсоветских художников и интеллектуалов, переместившихся на Запад в 90-е годы — после падения Берлинской стены. ... ***Постдиаспорическое*** поколение крайне неоднородно»[40].

Еще один пример. Библиотека электронных копий книг украинской диаспоры названа словом ***диаспориана***, опять-таки по аналогии — с *ленинианой, пушкинианой, шопенианой* и др.[41]

Завершая анализ эволюции понятия *диаспора* в новых геополитических реалиях, относящихся прежде всего к ареалу ближнего зарубежья, важно отметить два момента. Во-первых, неоднозначное отношение «*диаспоризуемых*», то есть приписываемых к диаспоре или формирующихся в диаспору, к данному статусу. Во-вторых, сопротивление термину и преодоление его рамок специалистами, которые пытаются преобразовать его различными способами «по причине **слабости и перегруженности** самого термина»[42].

В работе «*Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002),* показательной для нашего исследования в плане содержания и многообразия интересующих нас словоупотреблений, её автор Н. П. Космарская задается вопросом: «Каков же ***недиаспоральный*** интеграционный сценарий?»[43]. Ответ примечателен как в смысловом, так и в лингвистическом отношении, демонстрирующем новые словообразовательные «побеги на древе» главного слова в нашем исследовании. Итак, если не диаспора, то что?

«Скорее ***протодиаспора — не-диаспора,*** „***возможно-диаспора***“, „***потом-диаспора***“ и т. п.»[44], то есть то, чему еще предстоит — возможно, но не обязательно — стать диаспорой. Такое понимание процесса становится все более отчетливым в современных исследованиях, поскольку «„Мир“ или диаспора — это не просто сумма эмигрантов, выехавших с территории исторического государства в разные эпохи и в разные страны. Это близкие, но не совпадающие явления»[45].

Выводы

Актуализация интереса к феномену диаспоры, в связи с ростом в последние десятилетия его масштабов и значимости в современном мире, обусловила «лавинообразный поток» публикаций, авторами которых являются исследователи разных стран и в которых отражается многообразие аспектов рассмотрения этого феномена, подходов к нему, разброс точек зрения и дефиниций.

Экстралингвистические факторы «востребовали» тот ресурс системы языка, в котором заложены модели наполнения словообразовательной парадигмы. В результате, помимо лексикографически зафиксированного слова *диаспора,* появились его морфологические производные, различающиеся формантами и словообразовательными значениями, — отдельные слова и па-

раллельные варианты. В образовавшемся словообразовательном гнезде де-факто фигурируют: четыре прилагательных с различными суффиксами и недифференцированными значениями — *диаспоральный, диаспорный, диаспорический, диаспоричный* и еще одно от нового существительного — *диаспороогический*; пять существительных — *диаспоральность, диаспорность, диаспоризм, диаспоризация, диаспорология* и целый ряд окказиональных, в том числе префиксальных, образований — *диаспориана, постдиаспора, протодиаспора и др.*

Появление, причем в разных текстах и в большом количестве, этих дериватов от слова *диаспора,* не зафиксированных в лексикографической справочной литературе, еще раз свидетельствует о том, что «богатство языка — это его системность, которая интуитивно ощущается говорящими как творческая свобода, в том числе свобода словообразования»[46].

Необходимость уточнения характеристик разнообразных диаспор и множество их классификаций «проявились» на вербальном уровне подбором оригинальных определений к слову *диаспора*, а также созданием новых словосочетаний, которые позволяют точно и ярко выразить суть научных рефлексий относительно феномена диаспоры.

Введение этнологами, социологами, историками, политологами, журналистами и другими специалистами в научный оборот и в речевую практику слов, производных от *диаспора*, как и бытование самого этого ключевого слова, не отличается терминологической строгостью и упорядоченностью. Этого еще предстоит достичь.

В завершение отметим то факт, что, имея в своем распоряжении обширную и репрезентативную картотеку, мы преднамеренно ограничили выборку примеров для цитирования в настоящей работе публикациями тех авторов, чьи высказывания имеют принципиальное значение для хода научной дискуссии об эволюции феномена и понятия *диаспора*. Также обращение к одним и тем же источникам демонстрирует частотность/плотность употребления новых единиц в отдельно взятом тексте, то есть насущную потребность в них.

Итак, результат наблюдений на огромном текстовом материале позволяет констатировать появление нового словообразовательного гнезда и широкого тематического поля сочетаемости с входящими в него лексическими единицами.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Брубейкер Р.* «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2003. № 3.

[2] *Ким Г. Н.* Диаспорология России и Казахстана: мировой опыт и современное состояние. Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, КазНУ им. Аль-Фараби. — URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/21.shtml, http://www.fundeh.org/publications/articles/77/.

[3] Внеотечественники // Политический журнал. № 11 (188), 14 окт. 2008 г. — URL: www.fundeh.org/publications/articles/77/.

[4] *Космарская Н. П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006. С. 481.

[5] Там же. С. 501.

[6] *Тишков В. А.* Русский мир. — URL: http://valerytishkov.ru/

[7] *Брубейкер Р.* Указ. соч.

[8] *Гаврилов К. и др.* Невозможность диаспоры. Русские и русскоязычные в странах Евросоюза. — URL: http://www.fundeh.org/publications/articles/77/.

[9] *Тишков В. А.* Указ. соч.

[10] *Колсто П.* Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // Диаспоры. 2001. № 1. С 6–38.

[11] *Шеффер Г.* Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 162–184.

[12] *Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2000.*

[13] *Савоскул С. С.* Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М., 2001.

[14] *Спорышев П. П.* Российская диаспора как объект внешней политики России: Автореф. дис. ... канд. полит. наук, 2012.

[15] *Градировский С.* Россия и постсоветские государства: искушение диаспоральной политикой // Диаспоры. 1999. № 2–3.

[16] В Армении будет создан диаспоральный Сенат? — URL: http://www.regnum.ru/news/1370057.html.

[17] *Космарская Н. П.* Указ. соч. С. 177.

[18] *Виноградов В. В.* Русский язык. — URL: http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=3

[19] *Космарская Н. П.* Указ. соч. С. 487.

[20] *Ким А. С.* Диаспора как объект социальной политики (французский опыт для российских реалий). Политэкс, 2007. — URL: http://www.politex.info/content/view/116/30/; *Ким Г. Н.* Указ. соч.

[21] *Тишков В. А.* Указ. соч.

[22] *Ким Г. Н.* Указ. соч. С. 3.

[23] *Шеффер Г.* Указ. соч.

[24] В Грузии будет создан «диаспорный парламент». — http://www.freegeorgia.ge/index.php?menuid=49&id=1128&lang=3.

[25] *Милитарев А. О.* О содержании термина «диаспора» (К разработке дефиниции) // Диаспора. 1999. № 12. С. 24.

[26] *Разумовский С. М.* Закономерности динамики биоценозов. М., 1981.

[27] *Фикс Е.* Постдиаспора: констатация и предвосхищение // Художественный журнал. № 56. —http://xz.gif.ru/numbers/56/13/.

[28] Форумы: Armenian Hermit. — URL: http://ar-vest.livejournal.com/66038.htm; Artsah.info — URL: http://www.artsakh.info/forum/viewtopic.php?f=2&t=210.

[29] *Виноградов В. В.* Указ. соч.

[30] *Панарин С.* Русскоязычные у внешних границ России: вызовы и ответы (на примере Казахстана) // Диаспоры. 1999. № 2–3.

[31] *Калинина Н. В.* Репатриация или диаспоризация? (К выстраиванию диаспоральной политики на постсоветском пространстве). — URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2017.shtml.

[32] *Виноградов В. В.* Указ. соч.

[33] *Ким Г. Н.* Указ. соч.

[34] *Шеффер Г.* Указ. соч.

[35] *Ким Г. Н.* Указ. соч.

[36] *Эпштейн М.* Русский язык: система и свобода. — URL: http://magazines.russ.ru/nj/2008/250/ep10.html.

[37] *Ефремова Т. Ф.* Указ. соч.

[38] *Сандул Я.* Диаспора, как научная дефиниция: универсальность и неопределенность. — URL: http://www.hs-pr.ru/node/1098.

[39] *Космарская Н. П.* Указ. соч. С. 500.

[40] *Фикс Е.* Указ. соч.

[41] DIASPORIANA.ORG.UA — бібліотека електронних копій друкованих книг української діаспори, переважно давніх, всі книги доступні у форматі pdf або djvu.

[42] *Тишков В.* Русский мир: смысл и стратегия России. Повестка дня для России. М., 2009. С. 201.

[43] *Космарская Н. П.* Указ. соч. С. 487.

[44] Там же. С. 500.

[45] *Тишков В. А.* Указ. соч.

[46] *Эпштейн М.* Указ. соч.

[хроника]

Российское общество преподавателей русского языка и литературы,
Министерство образования, науки и молодежной политики Забайкальского края,
Забайкальский государственный университет, Факультет филологии и массовых коммуникаций,
Кафедра литературы, Читинская и Краснокаменская епархия, Хулуньбуирский институт (КНР, г. Хайлар)
4–6 октября 2013 года

проводят

XVI ИННОКЕНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: «РОССИЯ И КИТАЙ: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ СМЫСЛОВ (К 110-ЛЕТИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ)»

История изучения русской литературы в Китае ведет свой отсчет с 1903 года, когда впервые вышел перевод «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. Сегодня можно делать некоторые обобщения и намечать перспективы исследования вхождения русской литературы в социокультурное пространство Китая. Отношения европейского сознания с Востоком всегда были нелинейными. За сто десять лет освоения Китаем русской литературы наблюдались этапы взлетов (период 50-х годов) и катастроф («культурная революция»). Эти колебания можно объяснить излишней политизацией и социологизацией. Сегодня, когда идеология отходит на второй план, освоение литературного и культурного наследия представляется в совершенно ином ключе. Приоритетное значение приобретают эстетические, этические и духовные ценности. Художественный, исторический и публицистический текст предстает как средство их передачи, он призван аккумулировать национальную память, актуализировать культурные смыслы.

К обсуждению предлагаются следующие вопросы:

– русский язык, литература и культура в современном Китае;
– филологический анализ текста;
– текст и контекст в методике преподавания русского языка и литературы;

(Окончание на с. 55)

В. М. Грязнова

ГОВОР КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ:
ОБРАЩЕННОСТЬ К ПРОШЛЫМ ЯЗЫКОВЫМ ЭПОХАМ

VIOLETTA M. GRYAZNOVA

NEKRASOVITE COSSACKS' PATOIS: APPEAL TO THE PREVIOUS LANGUAGE PERIODS

В статье выявляются и описываются такие черты грамматической системы говора казаков-некрасовцев, которые демонстрируют архаичность говора. Выявляются и описываются: особенности семантики и морфологического выражения категории одушевленности/неодушевленности, архаические явления в ее функционировании; проявления континуальности грамматической семантики существительного: диффузность граммем женского/среднего рода, родовая синонимия, смена граммемы рода; специфика способов образования и частных значений форм степени имени прилагательного.

Ключевые слова: грамматическая система говора, семантика, казаки-некрасовцы.

The article covers the peculiarities of grammar system of Nekrasovite cossacks' patois to define the obsolete words. The peculiarities of semantics and morphological explication of animateness and inanimateness, archaic effects in its functioning are defined in the article as well as the explication of continuity of grammar semantics of the noun. The later one is manifested in diffusivity of feminine and neuter grammemes, gender synonyms, change of gender grammeme and specificity of degrees of adjective formation and special cases of degrees of adjective meanings.

Keywords: grammar system of patois, semantics, Nekrasovite Cossacks.

Среди различных социальных групп русского этноса, проживающих на Ставрополье, находится особая социально-конфессиональная группа — это казаки-некрасовцы. Этнокультурное своеобразие казаков-некрасовцев обусловлено тем, что в течение двух с половиной веков они проживали в Турции, в условиях неславянского окружения и в то же время сохранили русский язык, русскую культуру и обычаи: систему этнических констант, которая и является той призмой, сквозь которую человек смотрит на мир и которая определяет этничность сознания человека.

Этническая культура казаков-некрасовцев выявляет значительное количество архетипических представлений древнерусского человека и даже славянина о членении, категоризации, структурировании и оценивании окружающего мира, что обусловлено изоляцией культуры, в том числе и языка казаков-некрасовцев, от общенациональной культуры и общенационального русского языка, а также неосознанным противостоянием носителя русской культуры и языка чуждой неславянской культуре и языку.

Современные некрасовцы — это потомки донских казаков, участников булавинского восстания, которые под предводительством сподвижника К. Булавина

Виолетта Михайловна Грязнова

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета
► violetta-sgy@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Говор казаков-некрасовцев как исчезающий уникальный феномен архаической русской лингвокультуры» 2013 года, №13-04-00009)

станичного атамана станицы Есауловской Игната Некрасова покинули пределы России в августе 1708 г. и ушли на Кубань. По преданию, Игнат Некрасов увел с собой на Кубань несколько тысяч казаков, при которых были женщины и дети.

Позднее казаки переправились на лодках через Черное море на Дунай, в Добруджу, а в начале XIX в., после долгих скитаний, оказались в малоазиатских владениях Турции и поселились на берегу озера Маньяс (Майнос), недалеко от города Бандырма Балыкесирского уезда. Там они основали большое селение Майнос. Селение просуществовало с 20-х гг. XIX в. до возвращения потомков некрасовцев в Россию в середине XX в.

В течение двух с половиной веков жизни вне России некрасовцы сохранили черты материальной культуры, свойственные донским казакам в начале XVIII в. в части устройства жилища, внутреннего убранства дома, национальной одежды, украшений. В своем сознании некрасовцы всегда воспринимали русскую речь как способ и средство выражения их национального русского облика: Двести лет ф Турсии прожыли, а к туркам мы ни прилучилися. Мы платю сваю ни смянили и язык ни пъламали.

Возвращению некрасовцев из эмиграции предшествовала их долгая и упорная борьба. В начале XX в. часть их, не желая служить в турецкой армии, добилась разрешения уйти в Россию. В 1912–1913 гг. партия из 150 семей, около 500 человек, переселилась на Кубань, где их потомки живут до сих пор в хуторе Ново-Некрасовском Приморско-Ахтарского района Краснодарского края.

Вторая партия переселенцев в количестве 1000 человек в 1962 г. обосновалась в Ставропольском крае в поселках Левокумском, Новокумском, Бургун-Маджары и Кумская долина, где они живут и работают и сейчас.

Говор казаков-некрасовцев в течение двух с половиной веков бытовал в неславянской среде, в полной изоляции от материнской основы. В связи с этим возникает вопрос: как же развивалась грамматическая система говора, самая устойчивая часть общей системы систем любой формы национального языка? Продолжал ли подчиняться тенденциям и законам великорусского языка островной говор казаков-некрасовцев, не имеющий никаких связей с другими русскими говорами на протяжении нескольких столетий?

Анализ грамматической системы говора казаков-некрасовцев выявил в нем факты, которые демонстрируют **архаичность говора**. Покажем языковые факты в говоре, которые демонстрируют его архаичность, обращенность к прошлым языковым эпохам.

Исследование показало, что процессы, начавшиеся в грамматической системе говора в период его бытования в русской среде юга России, продолжались и в условиях изоляции говора от русскоязычной среды. В то же время характер протекания этих процессов: скорость, результаты, охват — зачастую являются специфичными, характерными только для говора казаков-некрасовцев.

1. Покажем это на таком участке грамматической системы имени существительного, как **лексико-грамматическая категория одушевленности/неодушевленности.**

В нашем материале встречаются архаические факты синтагматического проявления категории одушевленности/неодушевленности у существительных мужского рода единственного и множественного числа, называющих как лица, так и животных, птиц.

Так, у существительных мужского рода **единственного числа**, называющих лица, имеем как новые, так и старые формы винительного падежа: *Мы наймём **турягу**, а гъварим **чирак*** (=наемный рабочий)[1]. В одном высказывании находятся два одушевленных по семантическому признаку существительных, причем называющих один и тот же денотат, которые обладают то признаком одушевленности (***турягу*** — винительный падеж, отличный от именительного падежа), то признаком неодушевленности (***чирак*** — винительный падеж, равный именительному падежу). Полагаем, что форма винительного падежа лексемы ***чирак*** по парадигме неодушевленности обусловлена низким социальным статусом обозначаемого рода занятий человека, что является отголоском, «воспоминанием» о древнейшем этапе состояния категории одушевленности в древнерусском языке. Так, в берестяных грамотах XIV века неизвестный новгородец пишет: «*Пришли ми **цоловъкъ** на жерепцъ...*», обозначая формой В=И номинацию зависимого человека, слуги. Очевидно, специальное (морфологическое) маркирование категории одушевленности особой формой (В=Р) в случае употребления лексемы ***чирак*** в форме объекта могло восприниматься носителем говора как некорретное в социокультурном аспекте.

Архаических фактов синтагматического проявления категории одушевленности/неоду-

шевленности у существительных мужского рода в **форме множественного числа** в говоре казаков-некрасовцев гораздо больше, чем в форме единственного числа. Это обусловлено более поздним распространением омонимии В=Р в формах множественного числа. По мнению К. В. Горшковой и Г. А. Хабургаева, имена мужского рода с личным значением фиксируются в форме В=Р **множественного числа** с конца XIV века, в то время как аналогичные лексемы в форме В=Р **единственного числа** известны в памятниках XIII–XIV вв. [2: 215–216]. Названия животных и птиц до середины XVII века в формах В=Р множественного числа в памятниках вообще не встречаются.

Приведем примеры: это тексты с омонимичными формами В=И множественного числа существительных, называющих как лиц, так и животных и птиц.

> ***Турки*** *мы боялися, крепки были врата, а он прихадил, турчин. — Буйлы доюцца,* а ***малаки*** *запригають, малак тиха ходить, жару баицца. — Адин гот у нас дралися арлы с ийсами* (= аистами), *арлы налитали* ***на ийсы*** *пирид вайной.*

Кроме того, существуют отличия в **формальных показателях одушевленности** во множественном числе существительных мужского рода: наряду с традиционными для русского национального языка флексиями *-аф*, *-оф* (орфографически *-ов*), *-ей*, в говоре казаков-некрасовцев имеется специфичные флексии ***-ах, -ох, -их***.

Приведем примеры словоформ с традиционными и специфичными формальными показателями одушевленности во множественном числе существительных мужского рода. Наименования лиц.

> *Рускай заваюицца, а ани нам гразять: «Нашых людей ваш бёть, а мы вас,* ***гявураф,*** *парежым». — У нас ни называли учиники, а дьячки, а учитель дяк, он учил* ***дьячкох.*** *— С парахода вдарили тилиграму: «Прасти, Исметь-Ининю, нас,* ***къзакох,*** *толька ты нас и видил». — При нашых прижывах две дефки за* ***вдавцох*** *пашли.*

Наименования животных.

> *Балесь табак будить* ***на быкоф****, кофти зганяить. — Зямли имели,* ***коних, малакаф,*** *афцу имели. — И* ***кабаниках*** *били, бирюки, чакалки пъпадалися.*

По мнению В. Г. Орловой, флексия ***-ох*** в форме винительного и родительного падежа множественного числа в русских говорах (***дьячкох, малакаф***) — это результат фонетических изменений в тех говорах, в которых происходит переход от *w* губно-губного к *в* губно-зубному, когда под действием общей тенденции к оглушению согласных на конце слова звук *w* губно-губной мог превратиться в заднеязычный фрикативный *х* [6: 78]. Очевидно, происхождение флексии ***-их*** (***коних***) имеет аналогичное объяснение.

В собранном нами материале имеются случаи **нарушения формального выражения** категории одушевленности/неодушевленности во множественном числе: существительные всех трех родов, называющие предметы, имеют в винительном падеже формы, характерные для одушевленных лексем. *Аццы паедуть,* ***наручниках*** *привязуть,* ***булафках.*** *— ***Яичках*** набьём ф сыр.* В то же время названные лексемы в речи казаков-некрасовцев в винительном падеже множественного числа могут иметь и форму неодушевленных существительных: ***Яички*** *пёть, сыплят исть.*

Все перечисленные факты свидетельствуют о том, что процесс морфологического разграничения субъекта и объекта в речи некрасовцев даже в первой половине и середине XX столетия являлся живым, незавершенным в отличие от русского национального языка этого периода.

2. Перейдем к **грамматической категории рода** в говоре казаков-некрасовцев. В грамматической категории рода имен существительных в говоре казаков-некрасовцев нами были выявлены явления семантико-структурной диффузности и родовой синонимии.

По мнению историков русского языка, явление родовой синонимии было характерно для языка древнерусских памятников, в котором «находят широкое отражение случаи родовой синонимии, т. е. случаи использования однокоренных синонимических образований, принадлежащих различным грамматическим родам» [4: 10]. По мнению В. М. Маркова, «особенно широко родовая синонимия отражается в приглагольных образованиях нулевой суффиксации, нередко выступая в пределах одного и того же документа или

в условиях одного и того же контекста при наличии нескольких списков» [Там же].

Примеров подобного рода можно привести очень много. Так, например, в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского легко обнаружить свидетельства употребления таких синонимичных образований, как *заворъ — завора, заставъ — застава, оградъ — ограда, отрадъ — отрада, подъпоръ — подпора, присягъ — присяга, укоръ — укора* и многих других.

Явление **родовой синонимии** сохранилось в грамматической системе имени существительного говора казаков-некрасовцев. Оно представлено незначительным количеством однокоренных синонимических образований, принадлежащих различным грамматическим родам: мужскому и среднему, женскому и среднему роду, мужскому и женскому.

1а. ***Сабано*** [събанó], а, ы, **средний род.** То же, что сабáн (м.р.), деревянная соха. *Кость сагнутай, как сабано, пръглатнул.*

1б. ***Сабан*** [сабáн], а, ы, **мужской род.** Деревянная соха. *Сабан диривяннай, наносник жылезнай, пъ бакам прибивали вухи. Ани диривяннаи, атварачивали землю на абои стораны.*

2а. ***Хороньба*** [хъраньбá], ы́, мн. нет, **женский род.** Игра в прятки. *Играим в гарю, в мечи, ф хъраньбу. — Хъраньбою играли, маслинкой играли — кот дитей крал.*

2б. ***Хороньбо*** [хъраньбó], ы́, мн. нет, **средний род.** Игра в прятки. *Ф хъраньбо играли, в гарю, в ярки.*

3а. ***Кабарга*** [къбаргá], и́, и́, **женский род.** 1. Позвоночник животного, рыбы. *Къбарга — пазваночник у рыби, хрибёт.* 2. Спина животного. *И къбарга гаварим, и спина, и у каровы, и у кабана къбарга, у чилавека — спина.*

3б. ***Кабарго*** [къбаргó], á, и́, **средний род.** То же, что кабарга (позвоночник животного, рыбы). *Слышу кабан хрясь*! *Приклался, стренул — къбарго пириламили.* — Сама *вытиниш, варку разрубиш, къбарго разрушиш — вон сытай такой. // Ат варки да палавина къбарга идёть шшатина.*

4а. ***Глыбь*** [глыпь], я, я, **мужской род.** Глубина. *Паставиш винтиря ф камышу, рыба з глыбя идеть на миляк и ловицца. — Там на азирах глябя бальшыи были.*

4б. ***Глыбя*** [глыбя́], и, и, **женский род.** Глубина. *Ани папиритопли там в глыбе. — Какая глыбя!*

Необходимо отметить, что подвергнутые анализу существительные говора казаков-некрасовцев, демонстрирующие явление родовой синонимии, не относятся к отглагольным мотивированным именам, образованным способом нулевой суффиксации, что, по наблюдениям В. М. Маркова, характерно для феномена родовой синонимии древнерусского языка. В нашем материале подобные существительные являются либо немотивированными, либо мотивированными, но образованными с помощью материальных, не нулевых, суффиксов. Кроме того, и В. М. Марков, и И. И. Срезневский описывали факты родовой синонимии на материале однокоренных синонимических образований, принадлежащих либо женскому роду, либо мужскому роду. В нашем материале зафиксированы факты родовой синонимии однокоренных синонимических существительных в сфере граммем средний род — мужской род, средний род — женский род. Полагаем, что в говоре казаков-некрасовцев мы имеем факты, репрезентирующие не только явление родовой синонимии, специфичной для древнерусского языка, но и дальнейшее развитие и укрепление этого грамматического феномена.

В настоящее время в литературном языке имеются лишь единичные примеры (*проток — протока, соусник — соусница*), которые представляют собою лишь слабые отголоски некогда широко распространенного явления родовой синонимии в русском языке.

Опишем проявления **тенденции к диффузности семантики грамматического рода** в континууме женский род — средний род в говоре казаков-некрасовцев. Явление диффузности, в отличие от феномена родовой синонимии, репрезентируется в рамках значения одной и той же лексемы и связано с возможностью выражения в семантике одной и той же лексемы в говоре некрасовцев то граммемы среднего, то граммемы женского рода. Л. Н. Булатова по отношению к южнорусским говорам в целом определяет такое явление, как колебания в роде, и приводит такие примеры: *по втор**ому** стад**у** и по втор**ой** стад**е*** и т. п. [1: 117].

В собранном материале более 30 существительных с неоднозначным грамматическим

родом, их морфологическая маркированность в различных контекстах бытования позволяет отнести подобные существительные **и к женскому, и к среднему роду.** Среди них вещественные имена (*зла́то, по́йло, пилено́*), собирательные (*старё-марё, сро́дство, стря́пана*), отвлеченные (*кисти́ла, хороньбо́/хороньба́*), конкретные (*версто́, огра́дище, жерело́, звяздо́, клещо́, кабарго́, петлё, скирдо́, си́то, стено́, черто́*).

Специфика контекстов бытования существительных говора с неоднозначным грамматическим родом (словосочетания данных имен с прилагательными и местоимениями, предложно-падежные формы данных имен) позволяет разделить корпус собранных имен на две группы.

Первая группа — это существительные, **предложно-падежные формы** которых являются **вариативными,** их показателя могут относить данные имена то к среднему, то к женскому роду. Необходимо указать, что в начальной форме (форме именительного падежа) все существительные первой группы имеют безударную флексию, что в условиях акающего южнорусского говора не позволяет считать окончание именительного падежа единственного числа ясным грамматическим родовым маркером. Это существительные *кисти́ла, огра́дища, по́йла.* К этой группе примыкают однокоренные синонимические имена с ударным окончанием *хороньбо́ / хороньба́, кабарга́ / кабарго́* (соответственно, среднего и женского рода). В записанных текстах говора казаков-некрасовцев имеем варианты падежных форм указанных имен, соответствующих:

а) то женскому роду — *с кистилаю* (тв. п. ед. ч. ж. р.), *пастроили вградишшу* (вин. п. ед. ч. ж. р.), *пойлу пили* (вин. п. ед. ч. ж.р.), *играим ф хъраньбу* (вин. п. ед. ч. ж. р.), *хъраньбою играли* (тв. п. ед. ч. ж. р.), *у кабана къбарга* (им. п. ед. ч. ж. р.),

б) то среднему роду — *с кистилам* (тв. п. ед. ч. ср. р.), *и ф церкви в аградишша клали* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *вдалси в пойла* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *играим ф хъраньбо* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *къбарго разрушиш* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *палавина къбарга* (род. п. ед. ч. ср. р.).

Полагаем, что перед нами классический случай диффузности семантики грамматического рода в континууме женский род — средний род, синкретизма грамматического рода в грамматической семантике неличного имени говора казаков-некрасовцев.

Вторая группа имен говора с неоднозначным грамматическим родом — это существительные, которые **согласуются с определениями только женского рода**. Это существительные *версто́, жыряло́, зла́то, звездо́, клещо́, пилено́, петлё, старё-марё, стено́, стря́пана, си́та, сро́дства, скирдо́, черто́*. Необходимо отметить, что в начальной форме (форме именительного падежа) данные существительные имеют преимущественно **ударную флексию -*о*,** которая **считается в русистике** однозначным грамматическим показателем среднего рода существительных (исключение составляют слова *зла́та, нёба, си́та, сро́дства, стря́пана*).

Приведем примеры согласования названных существительных с местоимениями и прилагательными, а также координации с глаголами прошедшего времени в роде и числе: *злату-та* ***фсю****...,* ***утришняя*** *звяздо́,* ***светлая*** *звяздо́,* ***фся*** *нёба, пиляно́* ***святистая****, пиляно́* ***бальшая****, питлё* павитая, ***большая*** *скирдо́,* ***фсякаю*** *старё-марё, за* ***ету*** *чирто́,* ***этай*** *стяно́,* ***адна*** *кляшшо́, на* ***целаю*** *вярсто́,* ***широкая*** *жыряло́,* ***свая*** *сро́цтва, стря́пана* ***была*** *...,* ***частай*** *си́тай* (сеим).

Подобные случаи сочетаемости существительного с ударной флексией *-о* и прилагательного в форме женского рода отмечены еще в древнерусском языке. Так, в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (написано Епифанием Премудрым до 1394 года) в тексте плача вдовы князя Евдокии находим подобное употребление лексемы *звездо*. «Солнце мое, — рано заходиши, мѣсяц мой светлый, — скоро погибаеши, ***звѣздо восточная***, — почто к западу грядеши?» [5: 218].

В единичных случаях встречается согласование названных существительных говора, обладающих неоднозначным грамматическим родом, с определениями среднего рода: *на реткая сита сеим* (и существительное, и прилагательное имеют форму винительного падежа среднего рода).

Если сочетаемость имен второй группы говора, обладающих неоднозначным граммати-

ческим родом, с местоимениями и прилагательными, а также координация с глаголами прошедшего времени в роде и числе выявляют граммему женского рода, то **сочетаемость с предложно-падежными конструкциями имен второй группы** в большинстве случаев демонстрирует их отнесенность, наоборот, **к среднему роду.** *На вярсто́ нада итить, сели адин ат аднаво на вярсто* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *на реткая си́та сеим* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *аш нёба подымали* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *складываюць скирдом* (твор. п. ед. ч. ср. р.), *здаём фсякаю старё-марё* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *а ета сито* (предназначена) *на стряпана* (вин. п. ед. ч. ср. р.), *ни пиришол за ету чирто* (вин. п. ед. ч. ср. р.).

В единичных случаях сочетаемость с предложно-падежными конструкциями имен второй группы демонстрирует их отнесенность к женскому роду. *Злату-та забрали* (вин. п. ед. ч. ж. р.), *ф клишшу памищаицца* (вин. п. ед. ч. ж. р.), *муку сеим ситай* (твор. п. ед. ч. ж. р.), *акрух стине пълажы* (род. п. ед. ч. ж. р.). Окончание *-е* в родительном падеже единственного числа квалифицируем как вторичное, возникшее у существительных женского рода твердого варианта I склонения под влиянием существительных мягкого варианта, как в паремии «У голодной куме все хлеб на уме».

Нередко грамматические маркеры согласования и предложно-падежных форм противоречат друг другу: определения с исследуемыми существительными говора, а также координация с глаголами прошедшего времени репрезентируют женский род, а формы косвенных падежей данных имен — средний род. Продемонстрируем подобные факты противоречивости родовой семантики. *Сел ат миня* ***на целаю вярсто*** (прилагательное стоит в форме женского рода, а форма вин. п. ед.ч. существительного демонстрирует средний род), *складываюць* ***скирдом*** *— большая* ***скирдо*** (прилагательное стоит в форме женского рода, а форма твор. п. ед. ч. существительного демонстрирует средний род); *здаём фсякаю* ***старё-марё*** (местоимение стоит в форме женского рода, а форма вин. падежа ед.ч. существительного демонстрирует средний род); *а ета сито* (предназначена) ***на стряпана — стряпана*** *была* (форма вин. п. ед. ч. существительного демонстрирует средний род, а форма глагола — женский род существительного); *на этай стяно рагошка прибита* (прилагательное стоит в форме женского рода, а форма предложного падежа существительного *стено* демонстрирует средний род).

Что же является показателем родовой принадлежности в подобных исследуемых именах, обладающих неоднозначной родовой принадлежностью: формы согласуемых слов или предложно-падежные формы? В. В. Колесов считает, что в южных говорах (в условиях фонетической редукции и развития аканья) «с XVII в. родовая характеристика существительного сконцентрирована на имени прилагательном», а позже, на третьем этапе, после XVII века, «становятся возможными и изменения в косвенных формах типа *пузай, под пузаю, гумну* сожгли» [3: 303].

Иное мнение высказывается в книге «Русская диалектология». Автор раздела «Имена», Л. Н. Булатова, считает, что все случаи согласования типа *больш**ая** сел**о*** нельзя трактовать как «указание на женский род существительного» (речь идет в целом о южнорусских говорах), так как «окончания женского рода у прилагательного в сочетании с существительным типа *сел**о*** имеют место в им. п. и вин. п., в то время как в других падежах обычно наблюдаются окончания, общие для ср. и муж. рода» [1: 116].

В грамматической семантике определенной группы неличных имен в говоре казаков-некрасовцев мы находим совмещение двух явлений: сочетаемость данных существительных: а) с определениями и глаголами прошедшего времени преимущественно женского рода (причем окончания женского рода у прилагательного в сочетании с существительным данной группы имеют место не только в именительном и винительном падежах, но и в других падежах — *на* ***этай стяно, частай ситай*** сеим, ***гусинай крылою*** *абмяли*), б) с предложно-падежными формами, являющимися маркерами как среднего, так и женского рода. Причем это явление относится как к существительным, генетически относящимся к среднему роду (*злато, пойло, море, стряпано, сродство, сито*), так и к существительным, генетически относящимся к женскому роду (*звезда, стена, вер-*

ста). Сказать, что родовая характеристика имени существительного в говоре казаков-некрасовцев сосредоточена на формах имени прилагательного, полагаем невозможным: эта характеристика является диффузной и по форме, и по содержанию.

Полагаем, что наши наблюдения над фактами говора не позволяют говорить об угасании категории среднего рода, фактическом её утрачивании в говоре казаков-некрасовцев, что характерно, по мнению ряда ученых, для северо-западных и южных говоров русского языка [3: 302; 4: 10]. Для говора казаков-некрасовцев характерно иное, более сложное явление в грамматической категории рода. Собранный материал и его анализ выявляют картину прежде всего континуальности семантики грамматического рода неличных существительных в рамках среднего — женского рода, проявления которой дают возможность квалифицировать такой процесс, как возникновение новой категории рода в говоре казаков-некрасовцев — грамматической категории немужского рода.

Уместно сопоставить изменения в грамматической категории рода говора казаков-некрасовцев с изменениями в данной категории в других старообрядческих говорах. Так, по данным Т. Б. Юмсуновой, в русских старообрядческих говорах Забайкалья существительные среднего рода переходят в мужской род. Синтагматические показатели этого процесса являются однородными, и явление диффузности не возникает: решето плетеный, один бревно, молоко свой, давление был, утро пришел [9: 84].

В целом в составе существительных говора казаков-некрасовцев выявляется как тенденция **к убыванию** категории среднего рода, которая проявляется в ряде морфологических, синтаксических явлений, так и тенденция **к возникновению** новых слов среднего рода, причем не только образованных по определенным словообразовательным моделям, но и возникающих как грамматические варианты на базе уже существующих существительных иной родовой принадлежности. В группе неличных имен существительных имеется «напряженная точка» — это формирование нового, немужского, грамматического рода при сохранении классической оппозиции, характерной для русского языка, — средний — женский род — мужской род.

3. Обратимся к анализу **форм сравнительной и превосходной степени** имени прилагательного в говоре казаков-некрасовцев. Общеизвестно, что в современном русском языке качественные прилагательные имеют две степени сравнения: сравнительную и превосходную. Имя прилагательное в сравнительной степени обозначает качество, характерное для данного предмета в большей или меньшей мере по сравнению с теми же качествами в других предметах, а также по сравнению с качествами, которыми данный предмет обладал ранее или будет обладать в дальнейшем.

В говоре казаков-некрасовцев встречаются различные способы образования форм сравнительной степени, некоторые из них относятся к прошлым языковым эпохам:

1) при помощи суффиксов *-ше* и *-ее*, *-ей* от положительной степени прилагательного: ***Солодше*** [сало́шша], нрч. Сравн. степ. к *сладкий*. *Курица жырная, а борщ* ***салошша****, банка сама варила.* — ***Сильнее*** [сильне́е], нрч. Сравн. степ. к *сильный*. *Он стал заметно* ***сильнее*** (из сказки «Три цветка»)[2];

2) с помощью формообразовательного суффикса *-е* от прилагательных с финалью *-ейший*, исторически подобные мотивирующие прилагательные являются полной формой сравнительной степени. ***Красивейше*** [красиве́йша], нрч. Сравн. степ. к *красивый*. *Волга* (Ольга) *згарела на кавёр* (=позавидовала). *У мине ядрёный кавёр,* ***красивейша****.* — *Чапура белая, ну* ***красивейша*** *павины.* — ***Полнейше*** [палне́йша], нрч. Сравн. степ. к *полный*. Полнее. *Етат сын и выша был и палнейша, дибёлай.* Данный способ образования формы сравнительной степени является архаическим, свойственным древнерусскому языку;

3) при помощи слов *более, менее* (этот способ называется аналитическим): ***Более тёмный*** *лес спас бы его* (из сказки «Три цветка»).

Необходимо отметить, что сложная сравнительная степень в устной неподготовленной речи некрасовцев нам не встретилась. Данная форма иногда наблюдается в текстах сказок некрасовцев, т. е. в обработанной устной речи.

Имя прилагательное в **превосходной степени** в своем прямом значении указывает на самую высокую степень качества в предмете по сравнению с теми же качествами в других однородных предметах. В устной неподготовленной речи некрасовцев нам не встретилась простая форма превосходной степени в прямом значении.

В обработанной устной речи некрасовцев (т. е. в текстах преданий и сказок) простая форма превосходной степени прилагательного также встречается редко. В нашем материале это формы **с элятивным значением**, распространенным, по мнению В. В. Колесова, уже в древнерусском языке. Наблюдаются две разновидности элятивной превосходной степени прилагательного по морфологическому выражению:

1) прилагательное в положительной степени + формообразовательный суффикс *-ейш-*:

Вот пошёл Иван. Шёл он, шёл, две станицы прошёл, а в третьей ночевать попросился. Пустили его в один дом. А у хозяев дочка была Ваниных годох. Такая девка была, красивая, ***умнейшая****, что захочет, то и сделает* (из сказки «Три цветка»);

Возлюбленнейший *Иоанне, из уст твоих другая неправда. Я бога добром поминал и никогда имя божьего не хулил* (из сказки «Иван-бражник»);

2) с помощью слова *лучший*, которое по своему происхождению является устаревшей простой формой сравнительной степени прилагательного *хороший*.

Носят они сарахваны из серебряной и золотой парчи, а рубашки из ***лучшего*** *шёлка»* (из предания «Город Игната»).

Форма сложной превосходной степени прилагательного в своем прямом значении встречается и в устной спонтанной речи, и в текстах сказок и преданий: сравнительная степень + слово всех:

Наш возир — ***фсех слажа*** *рыба. — Синсари были, вон* ***фсех дорожы****, вон малинькай, сизай, чернай.*

В текстах сказок и преданий некрасовцев наблюдается и другая форма сложной превосходной степени прилагательного: прилагательное в положительной степени + слово самый: *Из всех это был* ***самый умный*** *человек* (из предания «Казачий круг»).

В редком присутствии в говоре форм простой превосходной степени в ее прямом значении превосходства мы видим подтверждение мыслей В. В. Колесова о том, что «в русской ментальности идея превосходства не развивалась последовательно и регулярно» [3: 342].

В заключение необходимо сказать, что в грамматической системе имени существительного и прилагательного говора казака-некрасовца выявляется общее ядро информации и способов ее выражения, характерных для языкового сознания всего русского этноса, и особенные части и вкрапления, выделяющие казаков-некрасовцев как конкретное национально-лингвокультурологическое сообщество.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Тексты говора здесь и далее даны из [7: 25–319].
[2] Примеры из сказок здесь и далее из [8: 57–222].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Булатова Л. Н.* Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
2. *Горшков К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
3. *Колесов В. В.* История русского языка. М.; СПб., 2005.
4. *Марков В. М.* Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
5. Памятники литературы Древней Руси. М., 1981. Т. 4.
6. Русская диалектология. М., 1965. С. 78.
7. *Сердюкова О. К.* Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 2005.
8. *Тумилевич Ф. В.* Русские народные сказки казаков-некрасовцев. Ростов-на-Дону, 1958.
9. *Юмсунова Т. Б.* Язык семейских — старообрядцев Забайкалья. М., 2005.

И. В. Желябова

СПОСОБЫ РАЗВИТИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ГОВОРЕ КАЗАКОВ-НЕКРАСОВЦЕВ

IRINA V. ZHELYABOVA
THE MANNERS OF NOUN MEANING DEVELOPMENT IN NEKRASOVITE COSSACKS' PATOIS

Статья посвящена исследованию способов развития значения имён существительных, зафиксированных в говоре казаков-некрасовцев (на материале трех групп: рыболовство, домашняя утварь, растительный мир), а также тому, как в содержании исследуемых языковых единиц отразилось мировидение данной социальной группы.

Ключевые слова: имя существительное, семантика, говор, казаки-некрасовцы.

The paper covers the manners of noun meaning development in Nekrasovite Cossacks' patois (in 3 groups of lexis, i. e. fishery, household utensils and flora). The paper also researches how mentality of the social group is imprinted in the content of the linguistic items under analysis.

Keywords: noun, semantics, patois, Nekrasovite Cossacks.

Живя в Турции, некрасовцы мечтали о Родине, думали о возвращении на Родину, но, по Заветам Игната, при царизме им было запрещено возвращаться в Россию. Однако со временем меняются экономические, политические отношения, а также территориальные притязания турок к казакам-некрасовцам, и они решаются на возращение.

Возвращением занимался Василий Порфирьевич Саничев, последний атаман некрасовцев, избранный на территории Турции в 1955 году. Вот, что об этом говорила дочь атамана Агафья Васильевна Миронова:

> «*К ниму пришли казаки фсем мирам. Он был адним из самых граматных людей, учителем. Спирва атец баялся брать на сибя такую атветственность. Но ва сне явилась йиму Багародица и абищала сваю паддержку*».

21 сентября 1962 года в Стамбуле некрасовцы поднялись на советский теплоход «Грузия», а на следующий день они спустились на родную землю, землю предков, в г. Новороссийске.

На Дон казаков не пустили, а разместили в поселках Новокумском и Кумская Долина и в селе Бургун-Маджары Левокумского района Ставропольского края.

Некоторые некрасовцы на первое время были размещены в двухэтажном здании, которое в 1960 году было выстроено специально для них.

В брошюре «Приглашаем в гости к казакам-некрасовцам» отмечено, что «то жилье, которое было готово к приему переселенцев, делилось между казаками по жребию. Им была выдана ссуда по 600–650 рублей

Ирина Викторовна Желябова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета
► zhelyabova.i@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Говор казаков-некрасовцев как исчезающий уникальный феномен архаической русской лингвокультуры» 2013 года, №13-04-00009)

на работающего и 80 рублей на каждого иждивенца. Все некрасовцы получили работу в кумских виноградарских совхозах. Впоследствии, в соответствии с их желанием, были построены две церкви» [2: 7]. В отстроенных двух храмах регулярно идет литургическая жизнь: Успения Божьей Матери в поселке Новокумском и Святой Троицы в поселке Кумская Долина.

«Возвратившись в Россию, казаки-некрасовцы сохраняли старый уклад, хотя и начали работать в совхозах. Они носили нательные кресты и бороды. Крестили детей, венчали молодоженов и отпевали покойников (читали сорокоуст). Чтили христианские праздники Рождество и Пасху. Однако их дети ходили в советские школы, учились в вузах и служили в армии. Некрасовцы исповедовали белокриницкое согласие. Происходила медленная ассимиляция некрасовцев советским обществом, что привело к постепенной адаптации некрасовцев» [1].

В 1992 году в помещении бывшего общежития был открыт Центр традиционной культуры казаков-некрасовцев и молокан, в котором началась работа по формированию музейного фонда, занимались фольклорные коллективы. В 2005 году для сохранения музейного фонда здание передано в краевой бюджет и организован Новокумский филиал Ставропольского краевого музея изобразительных искусств, в планах которого было создание Музея истории, быта и фольклора казаков-некрасовцев и молокан, а в настоящее время ведется работа над проектом строительства этнодеревни.

После возвращения на Родину, в русскоязычную среду, у некрасовцев отпала необходимость сохранять себя как нацию, сохранять свой самобытный язык и культуру, и в этом плане уже ничего не изменить, можно только задержать процесс исчезновения.

Происходит систематическое уменьшение численности казаков-некрасовцев, что связано со смертностью старшего поколения, высокой миграцией (молодежь уезжает на заработки в крупные города, едет учиться в техникумы и вузы).

В 2012 году при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Российского общества преподавателей русского языка и литературы на кафедре русского языка Северо-Кавказского федерального университета под руководством проф. В. М. Грязновой и в соавторстве с доц. И. В. Желябовой, доц. О. Н. Громаковой и др. вышел в свет «Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием».

Источниками данного исследования послужили как материалы, на протяжении ряда лет собранные учеными, аспирантами, магистрантами и бакалаврами Ставропольского государственного университета во время экспедиций в села Левокумского района Ставропольского края, так и материалы, собранные учеными других вузов, прежде всего Ольгой Константиновной Сердюковой, результаты работы которой — Словарь говора казаков-некрасовцев — вначале были представлены ею в формате Приложения к тексту кандидатской диссертации (1962), а позже изданы отдельной книгой.

В нашем исследовании выявляются способы развития значения имён существительных, зафиксированных в говоре казаков-некрасовцев (на материале трех групп: рыболовство, домашняя утварь, растительный мир), а также мировидения данной социальной группы.

Креативность языкового сознания носителей говора демонстрируют следующие факты его лексики: некоторые слова говора по своему происхождению являются следствием метафорического переноса денотативного характера на базе уже существующих в национальном языке слов.

Метафорические переносы на основе сходства общего вида и впечатления демонстрируют существительные: ***пилка*** — Спинной плавник рыбы (ср.: в национальном языке *пила* — «Пилка, малая пила...пилка *ж. действ.* по *знач.* глаг.», с. 182*); ***усы*** — Часть невода, веревки, закрепляющие углы неводного мешка (ср.: в национальном языке *ус* — «у *чел.* волос на верхней губе... Усы растений», с. 842); ***головастик*** — Небольшая пресноводная рыба (ср.: в национальном языке *голова* — «головастик *м.* голованья *ж.* головастый *прил.* человек или животное с несоразмерно большою головой. Головастик, лягушечья

личинка», с. 604); ***клин*** — *Спец.* Маленький косой парус в рыбачьей лодке (ср.: в национальном языке *клин* — «Короткий брусок, снятый к одному концу на нет; гранный кусок дерева, железа, с одним толстым острым концом. | Острый угол, и всякая вещь этого же вида, треугольником, вставка между полотнищами одежды», с. 193); ***коклюшка*** — Поперечная планка на рукояти рулевого весла (ср.: в национальном языке *коклюшка* — «коклюшка, точеная палочка, с утолщеньем к одному концу и шейкою с пуговкой на другом, для намотки ниток и плетенья поясков и кружев», с. 288); ***усач*** — Морская рыба (ср.: в национальном языке *усач* — «*м.* кто с усами: у кого большие усы», с. 842); лексема ***дудка*** — «стекло керосиновой лампы» (ср.: в национальном языке *дудка, дудочка*, умал. — «труба, трубка, ствол», с. 827); ***казан*** — «ведро» (ср.: в национальном языке *казан* — «*татарск.* котел, *особ.* большой, вмазанный или закладенный котел; винокуренные котлы зовутся казанами, также плоские, медные котлы на воскобойнях и пр.», с. 118), т. е. в данных лексемах разновидность метафорических значений основана на сходстве по внешнему виду, форме; ***клеёнка*** — Клейкое вещество внутри организма рыб (ср.: в национальном языке *клей* — «Клеенка *ж.* ткань, пропитанная каким-либо клеем, или же смолою, или воском, каучуком; вощанка», с. 282), т. е. в данном слове разновидность метафорического значения основана на сходстве осязательных ощущений; ***цыганка*** — Рыба голавль (для которой характерно стайное перемещение по акватории — *комментарий наш*) (ср.: в национальном языке *цыган* — «цыганка, обманщик, плут, барышник, перекупщик. | Цыгане, *вологодск.* рыжие тараканы, прусаки | обидный насмешник», с. 955), в этом существительном разновидность метафорического значения основана на сходстве поведения рыбы и людей.

Меньшее количество слов говора по своему происхождению является следствием метонимического переноса значения. Метонимия основана на переносе слова по смежности, сопредельности или вовлеченности в ту же ситуацию на основании временных, пространственных характеристик или причинных связей. Продуктивность метонимии на всех этапах развития диалектного языка обусловлена также тем, что ее результаты «направлены на обозначение актуальной экстралингвистической реалии» [2: 169].

Метонимические переносы в говоре казаков-некрасовцев в результате сужения и конкретизации значения общенационального слова обнаруживают следующие лексемы: ***сиделка*** — Скамья в лодке (ср.: в национальном языке *сидеть* — «Сиделка *ж.* на чем сидят, скамейка или лавка, подставка замест стула, ниж-*сем.* деревяная ступа, куда сажают младенца, стульчик», с. 308) — это сужение значения, является наименованием определенной разновидности скамейки; ***весло*** — Рулевое весло, в отличие от гребных — бабаек (ср.: в национальном языке *весло* — «гребло, гребок, гребь; шест с лопастью, для гребли на воде», с. 313), — это сужение значения, является названием определенной разновидности весла; ***корыто*** — «посуда для замешивания теста» (ср.: в национальном языке *корыто* — «половинка расколотого бревешка, обделанная и выдолбленная с плоской стороны. Корыта бывают ветловые, липовые, осиновые; в них стирают, месят хлебы, и из них кормят скот и птицу», с. 278) — это сужение значения, является наименованием определенной разновидности посуды, предназначенной для замешивания теста; ***черепушка*** — «небольшая глиняная миска» (ср.: в национальном языке *черепушка* — «плошка, латка, глиняная сковорода, чашка с прямыми, развалистыми краями; глиняная стопка, в которой пекут черепеники», с. 978) — это сужение значения, является наименованием определенной разновидности миски; ***перина*** — «одеяло» (ср.: в национальном языке *перина* — «мешок, наволока во всю кровать, набитая мелким пером, содранной со стебля махалкой; пуховик», с. 164) — это сужение значения, является наименованием определенной разновидности одеяла; лексемы говора ***игла*** — «вязальная спица», а также слово ***иголка*** — «вязальная спица» возникли на базе слов *иголка* — «игла швейная; иногда и иная, и пр. хвойная»; *игла* — «заостренная с конца или с концов железная, костяная, деревянная протыкалка, с ушком или без ушка, разного вида», с. 6) — это сужение значения,

является наименованием определенной разновидности иглы; ***рогожина*** — «подстилка из рогожи» (ср.: в национальном языке *рогоза и рогоза, рогозка, рогозина, рогожа, рогожка, рогожина; рогожица, рогожища* — «ткань, плетенка, полсть из рогозы, куги, или из мочал; плетенка камышевая», с. 166) — разновидность значения основана на смежности: ткань — изделие из нее. В одном слове отмечен такой тип переноса, как синекдоха, в основании которого лежит отношение части к целому, т. е. употребление названия части вместо названия целого, частного вместо общего и наоборот: ***лесина*** — «срубленная ветка или ствол дерева» является синекдохой, так как для наименования срубленных частей дерева (ветвей, ствола дерева) используется национальное наименование целого дерева *лесина* — «ствол дерева и древесных растений вообще» (с. 408).

Ряд слов говора по своему происхождению является следствием ассоциативного переноса, который основан на ассоциативных связях между разными предметами, процессами, признаками. Перенос именований происходит на основе внутренних, мотивированных отношений. При этом лексические единицы участвуют в процессе предметного восприятия и формирования представлений, понятий, в мыслительных операциях.

Ассоциативный перенос обнаруживают следующие лексемы: ***посуда*** — *Рыб.* Рыболовные снасти (= хозяйственная утварь рыбака) (ср.: в национальном языке *посуда* — «*един.* и *собират.* домашний, обиходный сосуд, судно, хозяйственная утварь, *особ.* столовая», с. 577); ***чердак*** — 1. *Спец.* Помост из досок в носовой части лодки (ср.: в национальном языке *чердак* — «простор, от потолка или наката, до кровли; подволока, верёх, подкровелье. |Каюта под палубой, на судах; *арх.* отгородки в носу и в корме, на шняках, для укладки рыбы; *южн. новорос.* нос судна, под палубой, бак», с. 974); ***ночник*** — *Спец.* Приспособление для ловли раков (= это приспособление стоит всю ночь) (ср.: в национальном языке *ночникъ* — «лампадка, жирничекъ или разнаго устройства подсвечникъ со свечею, зажигаемый на ночь», с. 916); ***пирожник*** — «шкафчик для хлеба» (ср.: в национальном языке *пирожник* — «кто печет пироги, торгует ими, в курене или вразноску; охотник до пирогов», с. 185); ***поп*** — «островок сросшихся корней камыша» (= стоящий на одном месте) (ср.: в национальном языке *поп* — в игре городки, рюхи, чушки: выбитая из кона чушка, ставшая опять торчком или на попа, что *говор.* и о бочке, или тюке; стойком, торцем, торчмя; в игре в козны, бабки, при конании, то же, стоячее положенье бабки», с. 308).

Отдельные слова говора по своему происхождению являются следствием функционального переноса значения, возникшего на основе сходства функций предметов, основанных на взаимодействиях лексико-семантических вариантов.

Функциональный перенос обнаруживают лексемы: ***вешалка*** — *Рыб.* Деревянные подставки, на которых развешивают рыболовные сети для просушки (ср.: в национальном языке *вешалка* — «такое же устройство, в малом и различном виде: столбики с колочками, рама или прибивная к стенке доска с колками для вешанья одежды; грядка или жердь для той же цели, подвешенная к потолку или укрепленная на чем-либо концами; столбик с костылем, обычно укрепленный в кресте, для чистки платья; треножник из трех жердей, на который крестьянки вешают в поле колыбель», с. 322); ***волокуша*** — *Рыб.* Бредень (ср.: в национальном языке *волочить* — «*волокуша — Волжск.* приволока, невод без матни, длиною от 50 до 100 *саж.*, а ногами, стеною (шириною) 3–4 саж.», с. 401); ***крыло*** — Боковой плавник некоторых рыб (ср.: в национальном языке *крыло* — «леток, член или часть тела птицы и насекомого, служащая для полета; | предметы по названию или по виду подобные птичьим крыльям, или расположенные по обе стороны главного предмета, тела», с. 335); лексема говора ***лакей*** — ♦ Деревя́нный лаке́й. «Приспособление, при помощи которого снимают сапоги» возникла в результате функционального переноса значения общенационального слова *лакей* — «*франц.* Комнатный слуга, служитель, прислужник, попросту человек» (с. 382).

Ряд наименований является **общим для быта русского крестьянства**, полностью или частично совпадающим по своему значению с одноименными лексемами в обиходном языке русского крестьянства или в других отдельных

говорах русского языка (по данным соответствующих словарных статей Словаря В. И. Даля: ***деревцо*** — *Спец.* Мачта в рыбацкой лодке (ср.: в национальном языке *деревцо* — «Меньшие деревья, не достигаюшие большой толщины, *назыв.* деревцами... На Волге *употр. вм.* мачта; держать парус вполдерева, поднять не весь, *морск.* взять рифы», с. 712–713); ***перо*** — 1. Плавник рыбы (ср.: в национальном языке *перо* — «Рыбье перо, плавник, плавильце, плавательное перо», с. 163); ***перо*** — 2. Лопасть весла (ср.: в национальном языке *перо* — «Лопасть, или же стержень, срединное ребро лопасти, почему лопасть весла ошибочно зовут пером; перо весла, это вся средняя часть его, от валька или детки до лопасти или гребка, и грань, утолщенье посредине корня лопасти», с. 163); ***глаз*** — 2. *Рыб.* Ячея рыболовной сети (ср.: в национальном языке *глаз* — «Ячейка, ячея сети», с. 580); ***бабайка*** — Гребное весло (ср.: в национальном языке *бабайка* — «*волжск.* гребь, весло», с. 55); ***ахан, охан*** — *Рыб.* Ставная сеть для ловли красной рыбы (ср.: в национальном языке *ахан, охан* — «*касп.*, род перестава, для ловли красной рыбы по взморью; ставная сеть; она о двойном полотне, одном мелком, неводном, с ячеями в вершок, а другом редком (режею), с ячеями в четверть», с. 55); ***цвет*** — цветок (ср.: в национальном языке *цвет* — *мн.* цветы: цветик, цветок, цветочек; квяты, твяты», с. 572); существительное говора ***судомойка*** — «тряпочка» (ср.: в национальном языке *судомойка* — «судомойка, посудная лохань, чашка для мытья посуды. Вихоть, пук мочалы или тряпица, ветошка, для перемывки посуды» (с. 354); ***хобот*** — Хвост сома, то же, что омах (ср.: в национальном языке *хобот* — «*стар.* хвост; поныне: хвост ящерицы, змеи, змея. | Висячая кишка, рукав», с. 916).

Кроме того, следует отметить, что значение лексемы ***волок*** — «*Рыб.* То же, что невод» в сопоставлении со значением данного слова в национальном языке *волочить* — «*волок* м. сев. — переволок, перешеек между двух рек, где переволакивают лодки или товар с них, с одной речки на другую» (с. 400) является самостоятельным новым образованием от глагола *волочить* для наименования места волочения лодок и приспособления для рыбной ловли. На наш взгляд, это омоним к прежнему.

Таким образом, мы видим, что лексемы исследуемых групп по своему происхождению являются следствием как метафорического и функционального переноса денотативного характера, так и метонимического и ассоциативного переноса денотативного характера на базе уже существующих в национальном языке слов. Такое же количество имен существительных данных групп является общим для традиционного уклада жизни русского человека.

В целом анализ собранного и привлеченного материала позволил установить идентичность способов развития значения слова в говоре казаков-некрасовцев способам развития значения слова в общенациональном языке. Несмотря на то, что способы развития значения имени существительного в говоре являются сходными со способами развития значения в национальном языке, выбор денотата в процессе переноса специфичен, т. к. денотат принадлежит миру реалий казака. Связь между уже названным предметом и предметом из мира некрасовцев происходит в сознании носителя говора и выявляет специфичность концептуальной и языковой картины мира казаков-некрасовцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Здесь и далее в скобках указываются страницы (без номера тома: Т. 1: А–З, Т. 2: И–О, Т. 3: П, Т. 4: Р–Я) по изданию: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: В 4 т. М., 2003.

ЛИТЕРАТУРА

1. Википедия. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki.
2. *Коготкова Т. С.* Русская диалектная лексикология: (Состояние и перспективы). М., 1979.

А. Д. Шмелев

РУССКИЙ ЯЗЫК И РУССКАЯ КУЛЬТУРА: ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

ALEXEY D. SHMELYOV

RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE: AREAS OF CONTACT AND WAYS OF STUDY

В статье рассматривается возможность понимания русской культуры через ключевые слова и выражения языка данной культуры, проводятся различия между дисциплинами, в рамках которых рассматриваются вопросы соотношения языка и культуры, а также отмечается тот факт, что семантический анализ является необходимым условием для любого из исследований в данной области.

Ключевые слова: семантический анализ, языковая картина мира, лингвокультурология, перевод.

The article covers the possibility of understanding Russian culture through the key words and expressions of Russian language. The author draws distinction between the disciplines that study the relationship and claims that a thorough semantic analysis is an essential prerequisite for any research in the area.

Keywords: semantic analysis, linguistic world view, linguoculturology, translation.

Появление в последние годы ряда лингвистических работ, в которых проводится сопоставление семантически близких лексических единиц ряда языков, выявляются тонкие семантические различия между ними и на основании такого анализа устанавливаются или уточняются характеристики культур, обслуживаемых этими языками, привело к тому, что сама мысль о возможности использовать лингвистический анализ как прием исследования культур стала общим местом. На этом фоне появилось некоторое число публикаций, в которых эта связь усматривается слишком прямолинейно и попытки выявить связь языка и культуры не опираются на тщательный семантический анализ.

Для того чтобы понять, каким образом семантическая типология может составить основу типологии культур, полезно провести необходимые разграничения между дисциплинами, в которых так или иначе рассматриваются обсуждаемые вопросы, и обсудить понятийный аппарат, используемый этими дисциплинами.

В последующем изложении речь будет в основном идти о явлениях, специфичных для того или иного языка или той или иной культуры (причем основное внимание будет уделяться русскому языку и культуре). Явление можно считать специфичным для некоторого языка (л и н г в о с п е ц и ф и ч н ы м), если оно присутствует не во всех языках мира; явления, присутствующие во всех языках, являются у н и в е р с а л ь н ы м и. Так, лингвоспецифичным для французского и немецкого языков является наличие артиклей (в русском языке, как известно, артиклей нет); лингвоспецифичным для русского и немецкого языков является скло-

Алексей Дмитриевич Шмелев

Доктор филологических наук, заведующий отделом культуры русской речи Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН
► ashmelev@ruslang.ru

Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Эволюция русского лексикона в европейской лингвистической перспективе», проект № 11-04-00105а)

нение существительных (во французском языке существительные не склоняются). Понятно, что установить лингвоспецифичность какого-либо языкового явления существенно проще, нежели установить универсальность: довольно привести пример хотя бы одного языка, в котором данное явление не имеет места (тогда как для доказательства универсальности, вообще говоря, следовало бы осуществить проверку по всем языкам мира). Аналогично понимается специфичность (и, соответственно, универсальность) культурного явления для той или иной культуры.

Универсальные явления в каком-то смысле вытекают из «природы вещей». Напротив того, лингвоспецифичные явления и явления, специфичные для той или иной культуры, являются конвенциональными; иными словами, они определяются языковыми и культурными конвенциями. Изучение соотношения языка и культуры представляет собою изучение соотношения языковых и культурных конвенций.

Поскольку суждения о культуре на основе языковых данных предполагают детальный семантический анализ этих данных, в центр внимания при обсуждении соотношения языка и культуры должна попасть лингвистическая семантика. Раскроем содержание некоторых из этих понятий, используемых современной семантикой.

Языковые единицы определенным образом концептуализуют внеязыковую действительность. В одной из давних статей Барбары Холл Партии рассматриваются предложения *Поскольку мне об этом сказал врач, я склонна воспринимать это серьезно* и *Поскольку мне об этом сказал сосед сверху, я склонна воспринимать это серьезно*. Отмечается, что причина беспокойства выражена в этих предложениях различным образом, даже если сосед сверху по профессии является врачом: один и тот же человек концептуализуется в этих предложениях различным образом.

Единицей языковой концептуализации действительности является концепт. Можно сказать, что концепт осуществляет связь между смыслом языкового выражения и обозначаемым им фрагментом внеязыковой действительности. Тот или иной концепт скрывается за всякой языковой единицей; часто один концепт выражается рядом языковых единиц (обычно принадлежащих одному фрагменту словообразовательного гнезда): концепт ‘гордость’ в русском языке выражается словами *гордый*, *гордо*, *гордость*, *гордиться*. На практике концепты принято обозначать при помощи существительных: не говорят о «концепте, скрывающемся за предлогом *в*», а говорят о ‘концепте нахождения внутри’.

В некоторых семантических теориях (в первую очередь следует назвать теорию «естественного семантического языка» Анны Вежбицкой и Клиффа Годдарда) постулируется существование небольшого набора (чуть больше 50) элементарных концептов[1], которые предполагаются врожденными и универсальными (т. е. имеющими вербализацию во всех естественных языках). Из элементарных концептов строятся более сложные концептуальные конфигурации, которые, как правило, уже не являются универсальными (т. е. входят в значение языковых выражений не во всех языках).

Некоторые концептуальные конфигурации, входящие в значение языковых единиц, соответствуют определенному представлению об устройстве какого-то фрагмента мира. Так, в русском языке проводится различие между *фруктами* и *ягодами*: слово *фрукт* употребляется по отношению к плоду, который, как правило, слишком велик, чтобы его положить в рот целиком; поэтому фрукты едят, откусывая или отрезая от них кусочки; слово *ягода* используется по отношению к плодам, которые можно положить в рот целиком (часто даже несколько сразу). При этом и фрукты, и ягоды едят преимущественно для удовольствия как десерт, в отличие от *овощей*, которые едят для насыщения или в качестве гарнира, причем, как правило, с солью.

Концептуальные конфигурации, соответствующие представлению об устройстве внеязыковой действительности, как правило, относятся к неассертивной части значения языковых единиц: пресуппозициям, коннотациям, фоновым компонентам значения. Именно поэтому носители языка как участники коммуникации на данном языке

обычно принимают их на веру, не задумываясь. Однако их наличие в семантике языковой единицы становится очевидным, поскольку высказывания, которые в неявном виде противоречат этим представлениям, воспринимаются как аномальные. Так, плоды *малины* и *земляники* в русской языковой картине мира являются *ягодами*, а *помидор* и *арбуз* — нет, и это видно, в частности, из того, что в нормальной коммуникации об арбузе или помидоре нельзя сказать: *Дай мне эту ягоду*. Напротив того, смысловые компоненты, которые составляют ядро значения слов и выражений и попадают в фокус внимания говорящих, могут быть (и нередко бывают) осознанно оспорены носителями языка. Поэтому они не входят в языковую картину мира, общую для всех говорящих на данном языке. Но, разумеется, говорящие могут намеренно поместить в фокус внимания неассертивные компоненты значения и сообщить, что помидор с «научной» точки зрения — ягода, а плоды малины и земляники ягодами как раз не являются.

Система концептуальных конфигураций, соответствующих каким-то представлениям об устройстве внеязыковой действительности, образует языковую картину мира. Реконструкция языковой картины мира является одной из важнейших задач современной лингвистической семантики. Она требует детального семантического анализа всех языковых единиц данного языка и выявления в них неассертивных компонентов. Так, выявив отрицательную оценку, содержащуюся в словах *доносить* <*на кого-либо*>, *донос*, *доносчик*, мы можем сделать вывод, что для русской языковой картины характерно неодобрение поведения того, кто сообщает властям о действиях человека, которые, с точки зрения властей, являются предосудительными и могут повлечь за собою репрессивные меры в отношении этого человека. Установив, что слово *страх* обозначает чувство, которое обычно испытывает человек, думающий, что может произойти нечто плохое, чего он не может предотвратить, мы можем сделать вывод, что чувство страха вполне обычно для людей, попавших в такую ситуацию.

Перейдем к вопросам соотношения языка и культуры. Соответствующие проблемы с давних пор привлекают внимание исследователей (в таких дисциплинах, как антропология, лингвистическая прагматика, этнолингвистика), однако в России внимание им стало уделяться лишь сравнительно недавно. В Советском Союзе они в основном изучались в рамках вспомогательной дисциплины, которая использовалась преимущественно при преподавании русского языка иностранцам и именовалась «лингвострановедение»[2]. В последние десятилетия группа дисциплин, в рамках которых рассматриваются вопросы соотношения языка и культуры, получили несколько неуклюжее наименование «лингвокультурология».

Взаимодействие языка и культуры имеет две стороны. Во-первых, составной частью культуры является культура использования языка; во-вторых, особенности культуры, обслуживаемой некоторым языком, обычно тем или иным образом отражаются в этом языке.

Первая сторона взаимодействия языка и культуры может быть иллюстрирована рядом норм, касающихся использования языка таким образом, как это принято в соответствующей культуре. Сюда относятся такие вопросы, *как, когда* и *кому* допустимо и следует делать комплименты; как отвечать на комплименты; с кем и когда следует здороваться (напр., следует ли здороваться с незнакомыми людьми, следует ли здороваться с человеком при повторной встрече в тот же день).

Во многих языках (в частности, европейских) различаются способы обозначения собеседника и того, что к нему относится, в зависимости от степени формальности общения (в русском языке обычно говорят об обращении «на вы» и «на ты»). При этом круг ситуаций, когда следует использовать более формальное обращение, различен в разных языках (а точнее, в обслуживаемых этими языками культурах); различается и языковое оформление более формального обращения. При этом есть языки (напр., английский, современный шведский, современный иврит), в которых нет непосредственного аналога противопоставления обращений «на вы» и «на ты» (можно сказать, что в этих языках во всех случаях используется обращение, аналогичное обращению «на ты»).

Во многих языках, для того чтобы привлечь внимание собеседника и инициировать общение, используют так называемое обращение (когда называют имя или какую-либо характеристику человека, к которому обращаются: *Маша! Madame! Молодой человек!*). При этом в русском речевом общении обращение часто используется и в середине разговора, напр., в случае, когда собеседника надо в чем-то убедить (*Ну, Маша, ты же сама понимаешь*), а также в тех случаях, когда надо мягко выразить несогласие, смягчить отказ и т. п., — словом, когда надо подчеркнуть установку на контакт и взаимопонимание. Для финского речевого общения такое использование обращений совершенно не характерно, так что, когда русские в разговоре с финнами (на каком бы языке разговор ни велся) используют обращения таким образом, это иногда приводит к недоразумениям при межкультурной коммуникации. Финский участник коммуникации может воспринять это как панибратское похлопывание по плечу или как скрытое обвинение в том, что он не слушает и надо специально привлекать его внимание[3]. Во французской деловой и официальной переписке обращение используется не только в начале письма, но и в составе заключительной формулы (*Veuillez agréer, Monsieur, l'expression de mes sentiments distingués*), а по-английски в заключительную формулу (*Sincerely yours*) обращение не включается.

Другая сторона взаимодействия языка и культуры связана с отражением в языке некоторых особенностей культуры, обслуживаемой данным языком. Объекты, характерные для той или иной материальной культуры, часто получают в языке, обслуживающем эту культуру, специальное наименование. Стандартная структура современного русского обеда обусловливает тот факт, что субстантивированное прилагательное *первое* в русском языке имеет значение 'суп', а слово *второе* указывает на твердое блюдо. Различение *овощей* и *фруктов* в русском языке (как и в большинстве европейских языков) связано с разными модусами использования растительной пищи.

В языке отражается и тот аспект культуры, который связан с использованием языка. Наличие в русском языке глагола *тыкать* 'использовать обращение *ты* в ситуации, когда по мнению говорящего следует использовать обращение на вы' обусловлено тем, что в русском речевом этикете различаются формальный и неформальный способ именования собеседника. Понятно, что этот глагол трудно перевести на английский язык, в котором соответствующее разграничение не проводится.

Существенно, что для обоих аспектов взаимодействия языка и культуры связь между языковыми и культурными конвенциями оказывается двусторонней. Культурная сторона использования языка должна учитываться в собственно лингвистическом описании соответствующих языковых единиц (напр., русских местоимений *ты* и *вы*). В то же время тот факт, что культура находит отражение в языке, дает возможность на основе наблюдения над поведением языковых единиц делать вывод об особенностях соответствующей культуры. Даже если бы мы не располагали сведениями о структуре русского обеда, знания «гастрономического» значения русских слов *первое* и *второе* позволило бы нам сделать относительно этой структуры достоверные выводы (твердому блюду у русских предшествует суп) и, в частности, установить, что *закуска*, которая в русском обеде нередко предшествует *первому*, является факультативным элементом. Аналогично, знание того, что в итальянском языке сочетание *primi piatti* 'первые блюда' обыкновенно относится к разным видам «пасты» (макаронных изделий), позволяет понять, как устроен итальянский обед (можно добавить, что, подобно русским закускам, в итальянском обеде первому блюду могут предшествовать так называемые *antipasti*). Знание того, что в русском языке помидоры концептуализуются как *овощи*, а не *фрукты* и не *ягоды*, позволяет заключить (даже если бы мы этого не знали из собственного опыта), что помидоры у русских подаются чаще всего с солью в составе закусок или вместе со вторым блюдом, а не с сахаром в качестве десерта.

Выявление особенностей культуры «через язык» особенно важно, когда мы имеем дело с древними культурами, о которых у нас нет достаточно полных и надежных сведений. Если мы обнаружим, что в памятниках на некотором

языке различаются слова со значением ‘наследство по закону’ и ‘наследство по завещанию’, это даст базу для установления важных фактов касательно наследственного права в соответствующем обществе.

Анализ значения языковых единиц позволяет делать и менее тривиальные выводы об особенностях соответствующей культуры, в частности о ее ценностных установках. Так, компонент отрицательной оценки в семантике русского слова *мелочность* дает основания для заключения, что русская культура не одобряет погони за небольшой выгодой, желания «не упустить своего» даже в мелочах.

Представления, характерные для соответствующей культуры, обычно не нуждаются в том, чтобы их специально подчеркивать в процессе коммуникации между представителями данной культуры. Они, как правило, кроются в неассертивных компонентах значения языковых единиц и тем самым являются частью языковой картины мира. Поэтому реконструкция языковой картины мира имеет первостепенное значение для описания взаимодействия культуры и языка, в частности, для выявления особенностей культуры на основе детального семантического анализа языковых единиц, выявляющего в них неассертивные компоненты значения.

Итак, различия культур часто коррелируют с различиями языков (или разновидностей одного языка), обслуживающих эти культуры, и соответствующих языковых картин мира. При общении между представителями разных культур (межкультурной коммуникации) представления, специфичные для одной из этих культур и не попадающие в фокус внимания при коммуникации внутри этой культуры, могут стать камнем преткновения. Так, в секулярной европейской культуре с некоторого момента гордость перестала восприниматься как один из самых гнусных пороков, первый из смертных грехов; соответственно и слова, обозначающие ‘гордость’, во многих европейских языках, в том числе в русском языке, утратили отрицательные коннотации и стали употребляться скорее с положительной оценкой. Однако культура, исходящая из традиционной системы ценностей и соответствующего словоупотребления, не исчезла полностью. Когда одна из корреспонденток Антона Чехова, ориентируясь на новое словоупотребление, назвала его «гордым мастером», он написал ей, что «горды только индюки».

Еще больше ловушек возникает, когда при межкультурной коммуникации хотя бы одному из участников приходится говорить на неродном языке[4]. Здесь мы подошли к проблеме переводимости языковых выражений. Заметим, что следует различать переводимость в конкретном тексте (она в значительной мере определяется целями перевода) и наличие словарного эквивалента. Понятно, что для вопросов, связанных с возможностью использовать семантический анализ для выявления особенностей культуры, существенно именно наличие и отсутствие словарного эквивалента, а вопросы практического перевода отходят на задний план.

Тем не менее стоит остановиться на некоторых моментах, связанных с практическим переводом. Во-первых, это касается случаев, когда высказывание вполне переводимо, но в культуре языка перевода в соответствующей ситуации обычно используется другой способ выражения. Так, русский вполне может сказать официанту в ресторане *Принесите, пожалуйста, меню*. Фраза может быть легко переведена на английский язык (*Please, bring me the menu*), но по-английски звучит несколько невежливо, лучше сказать: *Could I see the menu?*[5]. Точно так же русское высказывание *Вы не правы* значительно вежливее, нежели ее буквальный английский перевод *You are wrong*. Можно ли считать английские переводы адекватными? Ясно, что это зависит от того, как мы понимаем адекватность перевода[6]. Во-вторых, у культурно нагруженных слов плотность ассоциативного поля может теряться при переводе. Так, французское слово *flâner* в большинстве контекстов хорошо переводится русским словом *прогуливаться*; но слово *прогуливаться* в русском языке не обладает высоким культурным статусом[7]. Не случайно для передачи культурного ореола французского глагола иногда используют заимствованный глагол *фланировать*.

Существенно, что в повседневной коммуникации обычные, неискушенные носители языка при необходимости передать специфичный иноязычный концепт, отсутствующий в языке общения, часто не морочат себе голову поисками подходящего переводного эквивалента, а используют заимствование. Собственно, глагол *фланировать* стал использоваться в русских текстах именно потому, что глагол *прогуливаться* не передает всех нужных культурных ассоциаций «фланирования», и проще не пытаться задать эти ассоциации посредством переводческих ухищрений, а просто заимствовать исходный глагол. По той же причине многие русские, знакомые с американской бытовой культурой и ориентирующиеся на представленную в ней систему ценностей, могут оставлять без перевода слова *challenge* или *fun*.

Сказанное может касаться межкультурной коммуникации и вне непосредственных рамок перевода, напр., когда человек воспринимает текст на чужом языке через призму родного языка (и вычитывает из текста вовсе не те «скрытые» смыслы, которые имел в виду в него вложить автор). Схожая ситуация имеет место и в случаях, когда некто воспринимает текст, который как будто принадлежит его родному языку, но в действительности составлен на иной его разновидности, напр., на языке предшествующей эпохи. Отличие от ситуации перевода состоит здесь в том, что несовпадение используемых разновидностей языка и тем самым возможность неверного понимания может не осознаваться: современные читатели могут пребывать в заблуждении, что пушкинский текст понятен им уже в силу их знания русского языка.

Из всего сказанного ясно, что любая попытка понимания культуры на основе языковых данных должна опираться на тщательный семантический анализ, выявляющий неассертивные компоненты в значении языковых единиц. В противном случае такая попытка будет заведомо несостоятельной. Так, само по себе наличие в одном языке слова для обозначения некоторого явления при отсутствии аналогичного слова в другом языке не дает оснований для того, чтобы объявить, что для культуры, обслуживаемой первым языком, данное явление «более актуально», чем для культуры, обслуживаемой вторым языком. Столь прямолинейное усмотрение связи языка и культуры напоминает истолкования, которые когда-то давались в рамках «лингвистического анализа художественного текста» (напр., интерпретацию безличных предложений в романах Федора Достоевского как выражение фатальности «некоей непостижимой силы»[8]). С другой стороны, понятно, что возможность такого прямолинейного истолкования не компрометирует общей идеи об отражении в языке особенностей культуры, обслуживаемой этим языком, и, соответственно, о возможности использовать языковые данные для выявления особенностей этой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Наряду с выражением «элементарные концепты» в близком значении используют выражения «элементарные смыслы», «семантические примитивы» или просто «семы» (впрочем, термин «сема» ощущается несколько устаревшим).

[2] См., напр., книгу: *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973. Некоторые вопросы, связанные с культурным аспектом языковой деятельности, рассматривались также при обсуждении культуры речи и речевого этикета.

[3] *Leinonen M.* Finnish and Russian as They Are Spoken: from Linguistic to Cultural Typology // Scando-Slavica. 1985. N 31. P. 117–144.

[4] Разнообразные примеры того, как неудачный выбор английского выражения носителями русского языка ведет к коммуникативному провалу, приведены в книге: *Виссон Л.* Русские проблемы в американской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М., 2007.

[5] *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских культурных традиций. М., 2009. С. 272.

[6] В какой-то момент мне понадобилось перевести на английский язык высказывание русского врача, обращенное к ребенку: *Сейчас может быть немножко больно, но ты потерпи.* Все мои американские информанты сказали, что американский врач не скажет ничего подобного; скорее он скажет *It won't hurt* 'Больно не будет'. Русское высказывание не является непереводимым в собственном смысле слова, но его американский аналог (нечто вроде *It may be a little painful; you'll have to grin and bear the pain*) неупотребителен и вызывает у носителей языка совсем иные ассоциации, нежели исходное высказывание.

[7] *Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* На своих двоих: лексика пешего перемещения в русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 284.

[8] *Симина Г. Я.* Из наблюдений над языком и стилем романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» // Изучение языка писателя. Л., 1957. С. 146.

И. В. Зыкова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЗНАК: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ ЕГО КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

IRINA V. ZYKOVA
A PHRASEOLOGICAL SIGN
WITH THE REFERENCE TO THE EXTENT OF ITS CULTURAL MEMORY

В статье обосновывается положение, согласно которому «местом» хранения и накопления культурных смыслов (или культурной информации) является фразеологический образ. Выдвигается и в предварительном плане проверяется предположение о том, что благодаря своей образной основе фразеологический знак обладает значительным объемом культурной памяти, который составляют культурные смыслы (или культурная информация), выработанные в результате пяти основных форм осмысления мира: архетипического, мифологического, религиозного, философского и научного.

Ключевые слова: фразеологический знак, культурная память, концептосфера, культура.

The paper sets out to corroborate the idea that the phraseological image provides the storage and accumulation of various types of cultural information. The assumption that due to its image basis a phraseological sign possesses a huge amount of cultural information which is generated as a result of five principal modes of world-cognition (archetypal, mythological, religious, philosophical and scientific) is advanced and verified.

Keywords: phraseological sign, cultural memory, conceptual sphere, culture.

Лингвокультурология представляет собой сегодня одно из наиболее перспективных направлений изучения фразеологии. Данное направление позволяет по-новому подойти к рассмотрению весьма сложного языкового феномена, каковым является фразеологический знак, научно обосновывая его статус как наиболее культуроносного (по В. Н. Телия) знака естественного языка. Специфика лингвокультурологического исследования заключается в том, что, как отмечает В. Н. Телия, оно представляет собой «выявление и описание синергетической по своей сути корреляции между “языком” культуры и семантикой фразеологизмов»[1]. В настоящей статье мы обратимся к одному из аспектов этой «синергетической корреляции», а именно — к рассмотрению того, как культура воздействует на формирование фразеологического знака, в результате чего последний становится носителем значительного объема культурной информации или культурных смыслов. Таким образом, цель насто-

Ирина Владимировна Зыкова

Кандидат филологических наук, доцент, докторант Института языкознания РАН
► zykova_iv@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, проект № НШ-1140.2012.6 «Образы языка в лингвистике начала XXI века» (рук. В.З. Демьянков) и в рамках гранта «Языковые параметры современной цивилизации», соглашение 8009

ящей статьи — показать, что составляет объем культурной памяти фразеологизма и как проходит процесс «наращивания» этого объема.

Культурная память — явление глобальное и фундаментальное, исследование которого началось относительно недавно. Накопленный опыт изучения культурной памяти позволяет прояснить принципы создания особой среды жизнедеятельности человека — культуры, а также особенности ее существования[2]. В сфере научного изучения феномена культурной памяти уже общепризнанными на сегодняшний день можно считать факты того, что элементы культурной памяти это культурные смыслы (или культурная информация), которые не столько вырабатываются, сколько «наращиваются» (по Ю. М. Лотману) в ходе всей истории существования народа. Никакие смыслы (или никакая информация) не утрачиваются, а лишь могут быть на время деактуализированы[3]. Сохранение культурных смыслов (или культурной информации) обеспечивается неким материальным субстратом, т. е. созданными человеком разнообразными материальными (и физически воспринимаемыми) объектами. Наибольшей концентрацией культурной памяти обладают языковые знаки[4].

Несмотря на достигнутые результаты в области изучения культурной памяти, до конца не разработанной остается проблема того, как и за счет чего происходит сохранение в языковом знаке, во фразеологическом знаке в частности, культурных смыслов (или культурной информации) и каков объем сохраненного. Ответы на эти вопросы могут быть найдены, на наш взгляд, при разработке определенного подхода к тому, что представляет собой план содержания фразеологического знака.

В своем исследовании мы придерживаемся позиции, согласно которой план содержания языкового знака — это двухуровневое образование[5]. Следовательно, в плане содержания фразеологизма выделяются два взаимосвязанных уровня: поверхностный, или собственно семантический, и глубинный, или концептуальный. Семантический уровень может быть описан как совокупность сем. Источником формирования семантического уровня является глубинный — концептуальный — уровень. Концептуальный уровень представляет собой некое структурированное множество различных концептуальных составляющих, на основе которых образуется целостный фразеологический образ. Например, в основе семантики русского фразеологизма *плести вздор* — ‘говорить глупости’[6] лежит образ вербальной коммуникации как ремесленной деятельности. Данный фразеологический образ является сложнопроизводным и многосоставным. Его целостность обеспечивается посредством синтеза и структурирования целого ряда взаимосвязанных концептуальных составляющих. В каждой из этих концептуальных составляющих передается некая отдельная, но вместе с тем связанная с другими, идея о том, как воспринимается в русской культуре вербальная коммуникация, ее отдельные аспекты. В частности, в них отражается понимание слов и их содержимого как объектов и не просто объектов, а природных материалов, которые можно использовать для плетения; понимание коммуниканта как деятеля и не просто деятеля, а ремесленника, т. е. человека, который занимается мелким ручным производством, основанном на использовании ручных орудий труда; понимание результата деятельности коммуниканта как создание низкокачественного или низкохудожественного изделия; понимание причин плохого результата речедеятельности как использование недоброкачественных природных материалов и/или отсутствие у работника необходимого уровня личного мастерства.

Сложнопроизводная концептуальная природа фразеологического образа позволяет констатировать факт его непосредственной зависимости от культуры, точнее — концептосферы культуры. Концептуальный уровень содержания фразеологизма, или уровень основания фразеологического образа, — это место «сращения» фразеологического знака с общим концептуальным фондом культуры. Концептуальное содержание, носителем которого является фразеологический образ, «наследуется» фразеологизмом от концептосферы культуры. Иначе говоря, фразеологический образ формируется в результате

«транспонирования» (или «перевода») концептуального содержания из концептосферы культуры во фразеологический знак, что представляет собой (по Р. Якобсону) процесс межсемиотической транспозиции, и его сохранения. Это позволяет рассматривать фразеологический образ как *культурную память фразеологического знака*. Однако он не только хранит культурные смыслы (или культурную информацию). Благодаря своей сложноорганизованной концептуальной природе фразеологический образ способен накапливать их, причем путем постепенного «приращения». Вопрос о том, как происходит процесс приращения культурных смыслов (или культурной информации) во фразеологическом образе как культурной памяти фразеологического знака, требует отдельного рассмотрения.

С нашей точки зрения, движущими факторами процесса приращения культурной информации (или культурных смыслов) во фразеологизме, точнее — во фразеологическом образе, являются различные *формы переживания* и *осмысления мира*. Остановимся на этом несколько подробнее.

Согласно одной из развиваемых сегодня культурологических концепций, генезис и онтология культуры обусловлены такими антропологическими «механизмами» освоения мира, как чувства и интеллект. Благодаря чувствам и интеллекту человек способен переживать и осмыслять мир. Преобразуя пережитое и осмысленное в материально-знаковые «тела», человек сотворяет собственную среду существования — культуру. В развитии этих сугубо антропологических «способов» освоения действительности можно выделить несколько этапов, которыми фиксируются достигнутые в ходе эволюции человека различные формы (или модусы) чувственного и интеллектуального постижения реальности. Нами было выделено три основных формы (или модуса) переживания мира и пять основных форм (или модусов) осмысления мира. Основными формами (или модусами) переживания мира являются: 1) эмоционально-чувственное; 2) душевное; 3) эстетическое. К основным формам (или модусам) осмысления мира относятся: 1) архетипическое; 2) мифологическое; 3) религиозное; 4) философское; 5) научное[7].

В настоящей статье специфику процесса накопления культурной информации (или культурных смыслов) во фразеологическом образе мы рассмотрим в рамках *пяти основных форм* (или *модусов*) *осмысления мира* и *действующих в них определенных ментальных инструментов постижения реальности*. В качестве демонстрации и предварительной проверки выдвигаемых предположений проанализируем английский фразеологизм *to talk shop* (букв. '*говорить в мастерской*') — 'discuss matters concerning one's work, especially at a social occasion when this is inappropriate'[8] (рус. '*обсуждать профессиональные проблемы, рабочие дела, особенно в общественном месте (или в ситуации), где это является неуместным (поскольку остальным присутствующим это может быть неинтересно)*'.

В основе семантики фразеологического знака *to talk shop* лежит образ вербальной коммуникации как узкосоциального (профессионального) взаимодействия. В соответствии с пятью основными формами осмысления мира и посредством действующих в них ментальных инструментов познания в данном фразеологическом образе происходит постепенное накопление (путем «приращения») определенных культурных смыслов (или определенной культурной информации). Реконструкцию этих культурных смыслов (или культурной информации) можно представить как поэтапную реконструкцию исторических смысловых/информационных слоев фразеологического образа следующим образом.

1. **Архетипический слой**. Начнем с того, что архетипическая форма осмысления мира характеризуется таким ментальным «инструментом» познания, как бинарное членение мира, при котором мир получает первичную упорядоченную форму. В результате этого членения формируются *архетипические бинарные оппозиции* (например, ВЕРХ/НИЗ, ВНУТРИ/СНАРУЖИ, БЛИЗКО/ДАЛЕКО и т. д.), а также *архетипы* (например, ДВИЖЕНИЕ, НАПРАВЛЕНИЕ, ГРАНИЦА и др.)[9]. Они обладают непосредственным, т. е. основанном на физическом опыте значением[10]

и представляют собой наиболее элементарные составляющие концептосферы культуры, с которых начинается построение фразеологического образа.

Поэтому архетипический слой состоит из культурных смыслов, которые несут в себе базисные (или элементарные) концептуальные составляющие фразеологического образа, лежащего в основе семантики *to talk shop*. Такими базисными концептуальными составляющими являются архетип МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ и коррелирующая с ним архетипическая бинарная оппозиция ВНУТРИ/СНАРУЖИ. Эти исходные концептуальные составляющие выявляются главным образом через локальный компонент английского фразеологизма *shop* (рус. мастерская)[11]. Культурные смыслы указанных концептуальных составляющих определяются их связью с таким бинарным противопоставлением, как БЛИЗКО/ДАЛЕКО, а также СВОЙ/ЧУЖОЙ и ОДИНАКОВЫЙ/ИНАКОВЫЙ. Другими словами, в образе *to talk shop* (букв. '*говорить в мастерской*') концептуальная составляющая ВНУТРИ осмысляется как ограниченное профессиональное пространство, в котором локальная близость работающих в нем людей — людей одной профессии делает их 'своими' и 'одинаковыми'. СНАРУЖИ же этого профессионального пространства — мир 'далеких', 'чужих', 'инаковых'. Заложенные на этом этапе культурные смыслы далее развиваются в рамках уже мифологического осмысления. При этом происходит увеличение объема культурной памяти фразеологизма.

2. **Мифологический слой**. Сначала отметим, что ментальным «инструментом» мифологической формы осмысления мира является антропоморфизм, благодаря которому мир получает «человеческое» измерение. Антропоморфизация мира ведет к формированию таких элементарных верований, как анимизм, фетишизм, тотемизм, магия и др.[12]

В мифологическом слое фразеологического образа вербальной коммуникации как специфического узкосоциального взаимодействия сохранены следы анимистических воззрений и магии, «осовремениваются» (по Я. Ассману) культурные смыслы «миметических навыков», из которых складываются древнейшие обряды, имеющие отношение к разного рода культам (в частности, трудовому). Восприятие места деятельности как места одухотворенного, поскольку у него есть дух(и)-покровитель(-и), которые помогают человеку в работе, является рудиментом анимистических представлений, сохраняемых в образе рассматриваемого английского фразеологизма. Одухотворение места трудовой деятельности приводит к его сакрализации и пониманию того, что совершаемые в этом месте действия обладают магической силой. В образе английского фразеологизма *to talk shop* передается древнейшее восприятие людей одной профессии как людей, обладающих неким общим тайным знанием, недоступным другим. В нем отражается и понимание приобретения знаний и навыков в определенном роде трудовой деятельности как священного акта приобщения к тайному, а начала любой трудовой деятельности как «посвящения», требующего проведения определенного обряда/ритуала.

Важно отметить, что «наращение» культурных смыслов сопровождается усложнением концептуальной структуры фразеологического образа. Из элементарных концептуальных составляющих складывается более сложное концептуальное образование, в котором оформляется идея о вербальном общении как о взаимодействии людей, связанных не столько неким локальным фактором, сколько внутренним сходством, свидетельствующим об их интеллектуальном и духовном родстве. Культурные смыслы мифологического осмысления создают предпосылки для дальнейшего «роста» объема культурной памяти английского фразеологизма *to talk shop*, но уже в рамках религиозной формы осмысления мира.

3. **Религиозный слой**. Прежде всего следует указать, что религиозная форма осмысления мира характеризуется таким ментальным «инструментом» познания, как биполяризация мира. Человек начинает делить мир на природный, т. е. тот, в котором живет человек, и мир сверхприродный (сверхъестественный, потусторонний), т. е. тот, который ему недоступен. Взаимодействие между этими двумя мирами выражается в отно-

шениях «человек — Бог». В результате формируются разные политеистические, генотеистические и монотеистические воззрения.

В образе английского фразеологизма *to talk shop* актуализируются культурные смыслы как ранних, так и более поздних этапов формирования религиозного мышления. Так, согласно политеистическим воззрениям (ранний этап), люди одного рода трудовой деятельности — это люди, находящиеся под покровительством одного божества. Как отмечает С. А. Токарев, боги политеистического пантеона распределяются по «профессиям», хотя и весьма нечетко. С учетом рассматриваемого фразеологического образа уместно вспомнить германо-скандинавского бога торговли Ньёрда (Njordr), поскольку первичное значение компонента *shop* — это ‘место для работы или торговли’[13]. Таким образом, люди одной профессии — это люди, поклоняющиеся одному богу. Этим фактом определяется их духовная близость. Впоследствии акцент на духовное родство еще более усиливается с распространением идей христианства (поздний этап), согласно которым труд как таковой — Богоугодное дело, одна из христианских добродетелей. Поэтому люди одной профессии — это люди, связанные едиными духовными узами, вместе следующие основным регулятивным Божественным принципам бытия. И здесь уместным будет также обратиться к этимологии английского глагола *profess*, от которого образовано существительное *profession* (рус. профессия). Его первичное значение — ‘принять клятву в религиозном ордене’, а выражение *be professed* исходно означает ‘быть принятым в религиозный орден’[14].

Религиозные смыслы расширяют понимание вербальной коммуникации как деятельности, отличающейся социально обусловленным характером. В рамках философского осмысления это понимание приобретает новую смысловую (или информационную) нагрузку.

4. **Философский слой**. Предварительно отметим, что ментальными «инструментами» философской формы осмысления мира являются логический анализ, сбор фактов, доказательства, критическое размышление посредством которых осуществляется познание вселенского бытия, определение его аксиологических констант и выработка мировоззренческих установок человеческой жизни[15].

Философское мышление, целевая ориентированность которого определяется такой глобальной оппозицией, как «человек — мир», развивает представление о последнем как о мастерской. ВЕСЬ МИР — ЭТО МАСТЕРСКАЯ ЧЕЛОВЕКА является константой как британо-американской, так и мировой культуры, которая имеет долгую историю глубокого философского осмысления (см., напр., труды Ф. Бэкона). Философские смыслы, пополняющие объем культурной памяти фразеологизма *to talk shop*, усиливают понимание вербальной коммуникации как узкосоциального — профессионального — взаимодействия. Восприятие участников коммуникации как социально «изолированных» людей, т. е. людей, как бы противопоставленных людям других профессиональных групп, отражающееся в образе рассматриваемого фразеологизма, расширяется через философское осмысление того, что люди одной профессии — это люди, которые связаны разделяемыми ими профессиональными обязанностями, выполняемыми в рамках определенного этического кода (причем коды разных профессий могут конфликтовать) и их общей ответственностью за свои профессиональные действия. В образе фразеологизма отражается то, что «родство» и близость коммуникантов как людей одной профессии, помимо локального, интеллектуального и духовного, является также этическим и мировоззренческим. Люди однородной профессии — это люди одного образа жизни, одного жизненного пути (ср. английское выражение *walks of life* (рус. тропы/дороги жизни) — ‘занятие, профессия, сфера деятельности’), общих мировоззренческих установок и жизненных задач, общих интересов, единой витальной и социальной целеориентированности. Философские смыслы фразеологического образа вербальной коммуникации как узкосоциального взаимодействия получают дальнейшее развитие в рамках научного осмысления.

5. **Научный слой**. Сначала укажем, что ментальным «инструментом» научной формы осмысления мира являются научные теории, выра-

ботанные на базе объективных данных и фактов, полученных в результате их научного исследования главным образом опытным (или экспериментальным) путем[16].

Источником научных смыслов фразеологического образа вербальной коммуникации как узкосоциального взаимодействия являются современные социологические и социолингвистические концепции, связанные, в частности, с проблемой социальной «закрытости» (social closure) профессиональных сообществ, при которой они становятся наподобие клубов, членство в которых весьма трудно получить[17]. Таким образом, согласно социологическим данным, профессиональное сообщество — это «социальный клуб». Заметим попутно, что «клубное сознание» — феномен особенно характерный для британской культуры. В этом «социальном клубе» действуют четко определенные правила «включения» (inclusion) и «исключения» (exclusion), что делает его членов в определенной степени «элитарным» сообществом, или сообществом «избранных». Те, кто не входит в него, — аутсайдеры (outsiders). Культурные смыслы научного (социологического) осмысления усиливают в образе фразеологизма *to talk shop* восприятие теснейшей связи между коммуникантами как «членами закрытого клуба» и понимание вербальной коммуникации как деятельности, носящей особый, довольно «интимный» характер (см. тж. первичное значение *conversation* (рус. разговор) — 'living together, having dealings with others' (рус. 'совместное проживание, нахождение в личных (дружеских, деловых) отношениях с другими')[18]). Научные смыслы как неотъемлемая часть общего ресурса смыслового (или информационного) содержания фразеологического знака *to talk shop* создают научную платформу понимания вербальной коммуникации как узкосоциального взаимодействия, участники которого предстают в качестве людей одной профессии.

Таким образом, из результатов проведенной реконструкции следует, что в образе английского фразеологизма *to talk shop* происходит процесс поэтапного «наращивания» культурных смыслов (или культурной информации). Главным движущим фактором этого процесса являются основные формы (или модусы) осмысления мира: архетипическая, мифологическая, религиозная, философская и научная. Согласно исследованию, данный процесс начинается с культурных смыслов (или культурной информации) наиболее элементарных концептуальных составляющих фразеологического образа — архетипов и архетипических бинарных оппозиций как результатов архетипического осмысления, которые впоследствии усложняются, стимулируя «приращение» культурных смыслов последующих форм осмысления. Через культурные смыслы разных форм осмысления актуализируются наиболее релевантные в культурном плане аспекты понимания вербальной коммуникации как узкосоциального взаимодействия. Весьма важным в этом понимании оказывается разноаспектный характер связи, устанавливающейся между людьми однородной профессии: от локальной до интеллектуальной, духовной, этической, мировоззренческой, материальной. В образе фразеологизма коммуниканты предстают как люди, профессиональное «родство» которых делает их своими и потому понятными друг для друга, и чужими и непонятными для других, что определяет создание определенной модальной рамки восприятия вербальной ситуации, обозначенной данным фразеологическим знаком. См. значение *to talk shop* ('*discuss matters concerning one's work, especially at a social occasion when this is inappropriate*') и контексты его употребления:

– *I'm not meaning* ***to talk shop*** *but I thought you might be interested* (Я не собираюсь говорить о работе, но подумал, вдруг тебе может быть интересно);

– *They would incessantly '****talk shop****', for example, especially in that important semi-public arena — the village pub* (Они, бывало, беспрерывно говорили о работе, например, особенно на такой важной полуобщественной арене, как деревенский паб);

– *Also, a tea break with the nurses is immensely valuable. We always* ***talk shop****. It's the only real chance we get to chat about our patients* (Перерыв на чаепитие с медсестрами чрезвычайно полезен. Мы всегда говорим на профессиональные темы. Это для нас единственно реальный шанс обсудить наших пациентов).

В итоге, мы приходим к общему заключению о том, что фразеологический знак обладает существенным объемом культурной памяти, который составляют культурные смыслы (или культурная информация) пяти взаимосвязанных форм осмысления мира. Это архетипические, мифологические, религиозные, философские и научные культурные смыслы, носителями которых являются концептуальные составляющие фразеологического образа, «унаследованные» им от концептосферы культуры, и которые последовательно «вырастают» (по Ю. М. Лотману) на основе друг друга, постепенно наращивая объем культурной памяти фразеологизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Телия В. Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2004. С. 19.

[2] Например, культурная память, по Я. Ассману, это «специфический для каждой культуры механизм (или устройство) передачи и осовременивания культурных смыслов (=культурной информации). Благодаря специфическим особенностям культурной памяти осуществляются хранение, передача и постоянная циркуляция культурных смыслов. Согласно ученому, формы, в которых общество организует передачу информации, необходимой для сохранения идентичности, и институты, заботящиеся о передаче такой информации, <...> раскрывают своеобразие и неповторимый стиль той или иной культуры» (*Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004).*

[3] Уместно здесь вспомнить слова Н. С. Трубецкого о том, что абсолютно нового в истории никогда не бывает. Специфика культурного развития состоит в том, что очень древние элементы, почерпнутые из глубин культурной (в терминологии ученого — исторической) памяти, оказываются новыми благодаря пересадке в новый — современный — контекст (*Трубецкой Н. С.* Наследие Чингисхана // Культурология: классические труды. М., 2007).

[4] Так, Ю. М. Лотман, опираясь на концепцию о простых и сложных символах В. Тэрнера, постулирует обладание у простых (с материально-энергетической точки зрения) знаков, к каковым относятся и языковые знаки, наиболее высокой степени концентрации культурной памяти (*Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2001).

[5] *Беляевская Е. Г.* Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Когнитивные исследования языка. Вып. 1: Концептуальный анализ языка. М.; Тамбов, 2009. С. 60–68.

[6] Фразеологический словарь русского литературного языка / Под ред. В. П. Жукова. *М., 2008.*

[7] См. подробнее: *Зыкова И. В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М., 2011.

[8] Oxford Dictionary of English, Revised Edition. Oxford University Press. 2005. Digital Edition: для ABBYY Lingvo x3.

[9] См. работы: 1) *Телия В. Н.* О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. М., 2005. С. 38; 2) Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006; 3) *Зыкова И. В.* Семантика фразеологизмов современного языка в ракурсе отражения архетипического осмысления мира // Мир русского слова. 2011. № 3. С. 44–49.

[10] См. работы: 1) *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal About The Mind. Chicago, 1987; 2) *Langacker R.W.* Theory, Method, and Description in Cognitive Grammar: English and Mixtec Locatives. Tambov, 2006. (Lecture).

[11] См. работы: 1) *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965; 2) *Зыкова И. В.* Архетипическая оппозиция «Свой — Чужой» в смысловом содержании английских фразеологизмов // Матер. XL Междунар. филол. конф. СПбГУ. СПб., 2012.

[12] См. подробнее: *Зыкова И. В.* Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М., 2011.

[13] Online Etymology Dictionary. URL: http://www.etymonline.com.

[14] Oxford Dictionary of English...

[15] См. подробнее: *Зыкова И. В.* Культура как информационная система...

[16] См. подробнее: Там же.

[17] Penguin Dictionary of Sociology. UK, 2006.

[18] Online Etymology Dictionary...

Н. А. Астафьева

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СУТКИ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА ФОНЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА (ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ)

NADEZHDA A. ASTAFYEVA

THE NATIONAL AND CULTURAL FEATURES OF THE LEXICAL AND SEMANTIC FIELD OF "DAY (TWENTY-FOUR HOURS)" IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE AGAINST THE BACKGROUND OF THE FINNISH LANGUAGE (ACCORDING TO THE MONOLINGUAL EXPLANATORY DICTIONARIES)

В статье рассматриваются национально-культурные особенности центрального фрагмента лексико-семантического поля «сутки» в сопоставлении с данными финского языка, которое обнаруживает значительное число лексических, семантических и ассоциативных расхождений, свидетельствующих о специфике языковых картин мира. Описываются результаты ассоциативного эксперимента, проведённого среди носителей финского языка, в сравнении с данными «Русского ассоциативного словаря» под ред. Ю. Н. Караулова.

Ключевые слова: национально-культурная специфика слова, лексико-семантическое поле, ассоциативно-вербальное поле, асимметричные явления и лакуны, языковая картина мира

The article deals with the national and cultural features of the central fragment of the lexical and semantic field of "day (twenty-four hours)" in comparison with the Finnish language. A significant number of lexical, semantic and associative differences was indicated for the specificity of the language world view. The author describes the results of associative experiment, conducted among the Finnish speakers, in comparison with Yury N. Karaulov's "Russian associative dictionary" data.

Keywords: national and cultural specificity of word, lexical and semantic field, associative and verbal field, asymmetric phenomena and lexical gaps, language world view.

Надежда Александровна Астафьева

Аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена
► inejit@gmail.com

Понятие времени, являясь категорией онтологического характера, осмысливается в рамках многих фундаментальных дисциплин (философия, история, культурология, литературоведение, физика и др.) и оказывает значительное влияние на содержание всех без исключения языковых картин мира. Концептуальное осмысление времени обусловило представления об абсолютном и относительном, перцептивном и объективном, линейном и циклическом времени. Специфику восприятия времени в различных культурах отражает концепция полихронных (polychronic) и монохронных (monochronic) способов восприятия времени (см., напр.: [5: 130–136; 4: 111–113]). Один из существенных фрагментов временного континуума в русской языковой картине мира связан с понятием суток, о культурно обусловленных особенностях восприятия которого писали многие исследователи (см. работы А. А. Зализняк, Т. В. Крыловой, О. А. Леонтович, И. В. Приваловой, С. Г. Тер-Минасовой, А. Д. Шмелева и др.), по мнению которых, различия в делении суток на составляющие их фрагменты основаны как на культурно обусловлен-

ном «исчислении времени, членении его на отрезки», так и на специфическом для культуры «отношении ко времени» [6: 188].

Поскольку именно лексико-семантический уровень языка, ввиду его непосредственной обращенности к экстралингвистической реальности, играет ведущую роль в создании языковой картины мира [2: 99–100], особенности восприятия суток в составе временного континуума целесообразно рассматривать на материале лексики. Представления о сутках в современном русском языке репрезентировано большим количеством лексических единиц. Данные идеографических словарей позволили определить объём лексико-семантического поля «сутки» (около 1000 единиц) (далее — ЛСП «сутки»), а также его структуру, при этом ядром поля является лексема *сутки*, а к околоядерной зоне относятся лексемы, называющие основные фрагменты суток: *утро*, *день*, *вечер* и *ночь*.

Известно, что национально-культурная специфика любой языковой картины мира проявляется только при сравнении с данными других языков: «...при сравнении одного языка с другим выявляются несоответствия (лакуны), отчасти связанные с культурно-историческими и этнографическими причинами, отчасти объясняемые языковой спецификой внутренних форм» [3: 244].

Предметом описания в данной работе является центральный фрагмент ЛСП «сутки»: ядерная единица поля, а также лексемы, составляющие его околоядерную зону, в сопоставлении с соответствующими лексическими средствами финского языка. С этой целью использовались данные следующих словарей: толковые словари русского языка ([9] (далее — *словарь Даля*); [13] (далее — *МАС*); [14] (далее — «БАС»); [10] (далее — *словарь Ожегова и Шведовой*), а также [12] (далее — *семантический словарь*) и [11] (далее — *РАС*). При анализе соответствий из финского языка использовался толковый словарь современного финского языка [16] (далее — *финский толковый словарь*) и двуязычные финско-русско-финские словари [8; 15] (далее — *двуязычные словари*).

Сопоставление центрального фрагмента ЛСП «сутки» в русском и финском языках продемонстрировало значительное число лексических, семантических и ассоциативных расхождений.

Так, например, лексема *сутки*, по данным русских словарей (словарь Даля, МАС, БАС, словарь Ожегова и Шведовой), является однозначной, при этом в её толковании можно выделить шесть семантических компонентов: «общая продолжительность дня и ночи», «24 часа», «время, в один оборот земли около оси своей», «единица измерения времени», «промежуток времени от одной полуночи до другой», «1/7 часть недели».

Представляется существенным, что в семантическом словаре лексема *сутки* представлена как многозначная, входя в состав двух лексических подмножеств: «*собственно единицы измерения, исчисления времени*» (1) и «*промежутки времени, измеряемые, исчисляемые от любой точки отчёта*» «*в пределах года месяца, недели, их отрезков*» (2).

> Ср.: **Сутки 1.** Единица исчисления времени, равная 24 часам, отсчитываемым от ноля часов, одна седьмая часть недели. *За одни* или *в одни сутки* (в течение суток). *Полные, круглые сутки* (т. е. все 24 часа; разг.). *День да ночь — сутки прочь* (поговорка). **2.** Промежуток времени в 24 часа, отсчитываемых от какого-нибудь часа. *Третьи сутки в пути. Увольнительная на двое суток с тринадцати часов. Прошло (осталось, потребовалось) полтора суток* (сутки и ещё день или сутки и ещё ночь). *Сутками не спит. Управились с работой за трое суток. Суточные щи* (щи из квашеной капусты, выдержанные после варки в течение суток).

Семантический словарь эксплицирует две главные сферы употребления лексемы *сутки*: научную и официально-деловую (*сутки* — это «единица исчисления времени») и обиходную (*сутки* — это «промежуток времени в 24 часа, отсчитываемый от любого часа»).

В двуязычных финско-русских и русско-финских словарях эквивалентом лексемы *сутки* выступает лексема *vuorokausi*, которая также является однозначной, при этом в её толковании можно выделить четыре семантических компонента:

> **Vuorokausi** («сутки») — «время длительностью в 24 часа», «время, за которое Земля делает оборот вокруг своей оси», «время с полночи до полночи»,

«день». *Делает работу круглые сутки. Yhdyssana* (сложное слово): *aurinkovuorokausi (солнечные сутки), tähtivuorokausi (звёздные сутки)*».

Следует отметить, что в толковании лексемы *vuorokausi*, в отличие от русских словарей, не выделены компоненты «общая продолжительность дня и ночи» и «единица измерения времени», в то время как упоминание о том, что сутки это «время, за которое земля делает оборот вокруг своей оси», выделяемая финским толковым словарем, отмечена только в словаре Даля.

В двуязычных словарях указываются следующие эквиваленты, составляющие околоядерную зону ЛСП «сутки»: утро — aamu, день — päivä, вечер — ilta, ночь — yö. Сравнение толкований указанных лексем обнаруживает ряд асимметричных явлений различного порядка.

При сравнении толкований лексем *утро* и *aamu* обнаруживается явление семантической лакунарности, проявляющееся «в нетождественности значений разноязычных слов, которые часто рассматриваются и переводятся как эквиваленты» [7: 42]. Иными словами, согласно семантическому словарю, лексема *утро* имеет три значения, а в финском толковом словаре лексема *aamu* имеет два значения. Основным денотативным признаком корреспондирующих лексем является «начало дня», однако помимо общего компонента в словарях зафиксированы и специфические оттенки значений. Ср., напр.: «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день» и «начальные времена». Специфическим для финского языка выступает устаревшее значение лексемы *утро*: «зрелище, представление, литературное или музыкальное собрание в первой половине дня (устар.). *Литературное, музыкальное у. в гимназии*». Переносное значение «начало чего-либо», которое фиксируется в обоих языках, не совпадает по объему: финским словом *aamu* можно обозначить начальный период любого явления («начало, начальные времена»); в то время как лексема *утро* переносно употребляется в более конкретном значении «начало жизни», причём исключительно в высоком стиле. Показательна также возможность толкования лексемы *aamu* посредством лексем *заря* и *рассвет* (*sarastus, koitto* и др.).

Лексема *день* в словарях русского языка имеет разветвленную многозначность (так, в семантическом словаре она представлена семью лексическими значениями). В финском толковом словаре лексеме *päivä* соответствуют две словарные статьи, т. е. она употребляется для обозначения определённого временно́го промежутка, а также для обозначения дневного светила — Солнца. Общими семантическими компонентами лексем *день* и *päivä* (в значении «временной промежуток») являются: «часть суток от восхода до захода солнца», «промежуток времени в пределах суток, занятый или характеризуемый чем-нибудь», «праздник или знаменательная дата, ежегодно отмечаемые в один из дней календарного года», «число месяца, дата, ежегодно отмечаемая как посвящённая кому-чему-н.», «несколько дней, посвящённых памяти какого-н. знаменитого деятеля, писателя».

Однако в содержании корреспондирующих лексем обнаруживаются и некоторые несовпадения, которые можно свести к следующему:

– асимметричным является употребление лексемы *päivä* в значении «солнце», а также «в качестве единицы измерения времени»: *Aurinkovuodessa on 365 päivää, 5 tuntia ja 49 minuttia. — В солнечном году 365 дней, 5 часов и 49 минут*»;

– специфичным для финского языка является выделение особого семантического компонента в значении лексемы *päivä* «о сегодняшнем дне, о времени, протекающем в данный момент. *Oletko jo lukenut päivän lehdet? — Ты уже прочитал дневные (в значении — сегодняшние) газеты? Päivän uutiset, posti. — Дневные новости, почта*»;

– к несоответствиям, сигнализирующим о специфике социокультурного фона, относится следующее значение лексемы *päivä*: «дневная работа. *Torpparien olit ehtävä* ***päiviä*** *kartanoihin. — Торпари делали* ***дневную работу*** *в поместье*» (Torppari — безземельный арендатор торпы, т. е. земельного участка).

Несмотря на то, что в семантическом объёме лексем *вечер* и *ilta* выделяется по три лексических значения, их полное совпадение обнаруживается только в значении «вечернее культурное собрание или мероприятие» (ср.: «Зрелище, представление, литературное или музыкальное собрание во вто-

рой половине дня. *Литературный, поэтический, музыкальный в.*» и соответствующее толкование в финском языке: *ilta* «проводимое вечером художественное или другое культурное мероприятие: концерт, представление и т. п.; тематическая встреча вечером. *Illan solisti. — Солист вечера. Illan paras suoritus. — Лучшее выступление вечера*»).

Показательно, что толкование лексемы *ilta* в её основном значении «часть суток» значительно расходится с толкованием лексемы *вечер*: в финском языке чётко фиксируется начало вечера (ср.: «заключительная часть дня, особенно время около 18 часов до отхода ко сну (на праздниках часто до утра), а в русском языке подобные четкие ограничения в словарях не фиксируются (ср.: «часть суток между днём и ночью»).

Также следует отметить, что в финском языке отсутствует полное соответствие следующему значению лексемы *вечер*: «встреча друзей, знакомых в вечернее время. *Званый вечер. Пригласить на вечер. Познакомиться на вечере у общих друзей*».

В толковых словарях русского языка, как правило, фиксируется одно лексическое значение лексемы *ночь*. В толковом словаре финского языка выделяется два значения. Первое значение лексемы *yö* корреспондирует с лексическим значением слова *ночь*, ср.: Yö — «время с захода солнца до его восхода; тёмная часть суток; противоположность дня» и ночь — «часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром».

Особенности семантики лексем *ночь* и *yö* проявляются в следующем:

– в финском языке чётко дифференцируется основное и переносное значения лексемы *yö* (ср.: «время с захода солнца до его восхода; тёмная часть суток; в противоположность дню» и «в более широком значении и часто переносно; особенно в литературе»);

– в толковании лексемы *yö* фиксируется следующие оттенки значения: «определённая ночь, число. *Huhtikuun 14. päivä oli ensimmäinen suvipäivä. jonka edellinen yö oli kansanomaisessa ilmastotieteessä tärkeä merkiyö. — 14 апреля было первым днём лета, предшествующая ему ночь была значимой в народных представлениях о природе*» и «отмечаемая ночь, дата; ночь, когда что-нибудь происходит. *Yö, jona lapsi syntyi. — Ночь, когда родился ребёнок*», в то время как в словарях русского языка эти оттенки не выделяются.

– в переносном значении лексемы *yö* выделяется следующий оттенок значения: «о чьём-нибудь неутешительном, тёмном или мрачном состоянии. *Miksi kätkit itses meiltä tietämättömyyden yöhön, sinä armoton? Aleksis Kivi. — Почему прячешься от нас в неизведанных ночах, беспощадный?*», который корреспондирует с такими устойчивыми словосочетаниями в русском языке, как «*ночь-ночью*: О человеке в плохом настроении, с мрачным видом. [Капитон] *приехал невеселый, ночь-ночью. Да и нечему было веселиться*. Мамин-Сибиряк» (БАС) и «*ночь нависла (над кем-чем)* — о наступлении мрачной, тяжёлой поры» (семантический словарь).

Таким образом, лексикографическая разработка центрального фрагмента ЛСП «сутки» в толковых словарях русского и финского языков обнаруживает сложное семантическое устройство и существенную культурную маркированность данного фрагмента лексики.

Показательно, что лакуны лексического порядка обнаруживаются и на словообразовательном уровне. Так, принцип сложения основ, типичный для словообразовательных процессов в лексике финского языка, обусловил значительное количество лексических лакун: *sunnuntai**aamu*** («воскресное утро»), *aurinko**aamu*** («солнечное утро»), *kesä**ilta*** («летний вечер») и др.

По принципу сложения основ образованы особые лексемы, называющие первую половину дня, до обеда — «*aamupäivä*» и вторую половину дня, после обеда — «*iltapäivä*», первую половину ночи, до полуночи — «*aamuyö*» и вторую половину ночи, от полуночи до утра — «*iltayö*».

Лакунами для русского языка являются случаи употребления лексем данного лексико-семантического поля в финском языке в качестве имен и фамилий. Так, «Финская книга имён» [17] фиксирует следующие антропонимы, соответствующие нарицательным существительным *aamu* («утро»), *ilta* («вечер»), *päivä* («день»): *Aamu, Ilta, Iltu, Illa, Päivi, Päivikki, Päikki, Päivykkä, Päivyt, Päiviö, Päivö, Päivin, Päivä* и др. В русском ономастическом пространстве отсутствуют подобные имена и фамилии.

Национально-культурная специфика ЛСП «сутки» находит отражение в ассоциативных лакунах, которые «проявляются в различии оснований для номинации идентичных предметов и явлений действительности» [7: 43]. Для выявления ассоциативных лакун в ассоциативно-вербальном поле лексем, формирующих центральный фрагмент ЛСП «сутки» в русской и финской лингвокультурах, были использованы данные РАС, а также проведён свободный ассоциативный эксперимент (ввиду отсутствия в финской лексикографии подобного жанра словарей). В эксперименте приняли участие 50 финских студентов, изучающих русский язык в университете г. Ювяскюля. Результаты эксперимента показали, что полученные ассоциативно-вербальные поля включают как тождественные фрагменты, так и существенно различающиеся реакции. Несовпадающие повторяющиеся реакции русских и финских реципиентов:

Ассоциативные лакуны
по данным финского и русского языков

ФР *— Финские респонденты (по данным ассоциативного эксперимента),* ***РР*** *— Русские респонденты (по данным РАС)*

Утро (aamu). ФР: Усталость; пробуждение; кофе; усталый; газета, кровать, женское имя, утомлять и др. **РР:** Раннее, туманное, хмурое, ясное; свежее, вечера мудренее, бодрость и др.

День (päivä). ФР: Школа; кофе, ленч (второй завтрак), обучение; будничные занятия, домашние задания, много дел, деятельность и др. **РР:** Рождения; тяжёлый; длинный, пасмурный, трудный; деньской, за днём, пень, пролетел, светлое время суток, 24 часа и др.

Вечер (ilta). ФР: Увлечения; уличное освещение, времянка, успокаивать, дела, работа, свободное время и др. **РР:** Тёплый; тихий; поздний; отдыха; в ресторане, звездный, новогодний; песни, туманный и др.

Ночь (yö). ФР: Бодрствование, звёздное небо, покой, флирт и др. **РР:** Тёмная; темна; звёздная; коротка; белая, длинная и др.

Реакции русских респондентов указывают на связь суточного движения времени с природно-погодными явлениями *(ясное, свежее, пасмурный, звёздный, звёздная и др.)*, в то время как финские студенты акцентируют внимание на конкретных делах и занятиях *(кофе, ленч, будничные дела, домашнее задание, дела, много дел, деятельность, работа и др.)*. Среди реакций русских участников эксперимента часто встречаются прецедентные единицы, например: *утро вечера мудренее, утро туманное, хмурое утро, ночь темна, тёмная ночь,* а также ассоциации оценочного характера (например, день — *трудный, тяжёлый* и др.). Подобного рода несовпадения свидетельствуют о том, что «задача выявления основания той или иной оценки для лингвокультурологически ориентированного описания русского языка, в том числе и как предмета обучения, становится одной из важнейших» [1: 22]. Представляется возможным предположить, что восприятие суточного движения времени сознаётся представителями русской культуры в значительной степени созерцательно, «природоцентрично» и «литературоцентрично», в то время как представители финской культуры смотрят на движение суточного времени более прагматично, рационально, связывая его с различными видами деятельности.

Таким образом, лакунарные и асимметричные явления наблюдаются на различных уровнях языка и свидетельствуют о неповторимости национальных языков и культур. Подобные несоответствия необходимо учитывать в процессе обучения русскому языку финских студентов в рамках лингвокультурологического подхода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильева Г. М.* Лингвокультурологические основания изменения языковой оценки // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 22–25.

2. *Васильева Г. М.* Национально-культурная специфика семантических неологизмов: Лингвокультурологические основы описания: Монография. СПб., 2001.

3. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М., 1976.

4. *Куликова Л. В.* Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: Монография. Красноярск, 2006.

5. *Леонтович О. А.* Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. М., 2005.

6. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики...: учеб. пособие. М., 2007.

7. *Титкова С. И.* Языковая лакуна в практике преподавания РКИ (из опыта обучения русскому языку англоговорящих учащихся) // Русский язык за рубежом. 2007. № 3. С. 39–50.

СЛОВАРИ

8. *Вахрос И., Щербаков А.* Большой финско-русский словарь. М., 2007.

9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка (современное написание слов). М., 1998.

10. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2004.

11. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева и др. М., 2002.

12. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998. Т. 1, 3.

13. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

14. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / Под ред. В. И. Чернышева. М.; Л., 1950–1965.

15. *Hiltunen A., Hiltunen E.* Suomi-venäjä-suomi-taskusanakirja. Helsinki, Werner Söderström Osakeyhtiö, 2008. — (*Хилтунен А., Хилтунен Е.* Финско-русско-финский карманный словарь. Хельсинки, 2008.)

16. Nykysuomen sanakirja: 7 osaa. 15. Porvoo; Helsinki, 2002. — (Толковый словарь современного финского языка: В 7 т. Порвоо; Хельсинки, 2008.)

17. Suomalainen nimikirja. Keuru, 1984. — (Финская книга имён. Кеуру, 1984.)

[хроника]

XVI ИННОКЕНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: «РОССИЯ И КИТАЙ: ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ И ДУХОВНЫХ СМЫСЛОВ (К 110-ЛЕТИЮ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ)»

(Окончание. Начало на с. 23)

– институт русской духовности;
– общекультурный код современных россиян и традиции русской культуры;
– медиатекст и современная массовая коммуникация;
– языковая картина мира и языковая личность в художественном тексте;
– интерпретация текста при изучении русского языка как иностранного;
– историко-культурные и геополитические аспекты отношений России и Китая.

Для участия в конференции необходимо прислать *заявку* **не позднее 20 июня 2013 года** и *статью* **не позднее 10 августа 2013 года**.

В заявке указать: Ф. И. О. (полностью), тема выступления, место работы или учебы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес (включая почтовый индекс), телефон, e-mail, потребность в гостинице или общежитии, предполагаемые даты приезда и отъезда, особые пожелания.

Заявки и статьи просим присылать на электронный адрес: sergeypetuhov@mail.ru

Проезд и проживание участников не оплачивается.

Предполагается издание сборника материалов к началу конференции. Объем принимаемых материалов — до 8 страниц (вид А4) компьютерного набора в Times New Roman 14 размера через полуторный межстрочный промежуток с полями 2,5 см. со всех сторон (абзацный отступ — 1,5 см). Ссылки на литературу приводятся в квадратных скобках [1, с. 2]. Библиографический список дается в конце текста, в алфавитном порядке, в соответствии с новым ГОСТом.

Заголовок статьи, фамилия автора и данные об авторе даются на двух языках — на русском и на английском.

Аннотация и ключевые слова также даются на двух языках — на русском и на английском.

Сведения об авторе (звание, должность и др.) — на русском и английском языках.

Образец оформления статьи высылается по электронной почте.

Формат Word 6 — Word 2003. Прикрепленные файлы присылать только в формате doc, rtf.

Публикация бесплатная. В случае заочного участия сборник будет выслан по указанному почтовому адресу. За пересылку — 100 рублей. Зарубежным участникам — 300 рублей.

Авторам статей, принятых к публикации, о способе оплаты почтовых расходов будет сообщено дополнительно.

Оргкомитет конференции

Л. Н. Третьякова

ВОЕННЫЙ КОНЦЕПТ «ШИНЕЛЬ»
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

LYUDMILA N. TRETYAKOVA
MILITARY CONCEPT OF "OVERCOAT" IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLD VIEW

Статья посвящена военному концепту «шинель». В работе определяются сущность и признаки данного концепта, рассматривается его эволюция как сегмента концепта «военное обмундирование».

Ключевые слова: военный концепт «шинель», военная концептосфера.

The paper refers to military concept of "overcoat" and defines the essence and attributes of the concept. The evolution of the concept as a partition of uniform concept is considered.

Keywords: military concept of "overcoat", sphere of military concepts.

Концепт «шинель» занимает особое место в военной концептосфере русского языка, имеет богатую и эмоционально окрашенную символику, интригующую этимологию, так как лексема «шинель» — исконно французская.

Проследим эволюцию этого концепта и определим его отличительные признаки: «*переживаемость*», концепт не только мыслится, но и эмоционально переживается: «гордая шинель», «со слезами гордости / В первый угол горницы / мать повесит старую /серую шинель» (Юрий Михайленко); «*семантическую плотность*», представленность в плане выражения рядом пословиц и поговорок: «У солдата шинель — постель, шинель — кошель, а руки — крюки»; фольклорных и литературных сюжетов и символов, произведений искусства, памятников советским воинам в русских шинелях, которые установлены во многих городах Европы; военных ритуалов, поведенческих стереотипов, предметов военной материальной культуры; *ориентированность на план выражения,* включенность имени концепта в ассоциативные связи — наличие специфической языковой метафорики: «серые шинели» — солдаты; «суконная броня» — шинель, яркая *этноспецифичность*.

Людмила Николаевна Третьякова

Кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов
► ltretyakova@rambler.ru

Концепт «шинель» является русским, этнокультурным феноменом, так как имеет прочные ассоциативные связи, с одной стороны, с повестью Н. В. Гоголя «Шинель» и., с другой — с образом русского солдата-патриота освободительных войн России и Советского Союза: «Мы тобой гордимся в дни войны священной / Серая, бывалая, солдатская шинель».

Концепт этноспецифичен, так как актуален только для русского языка, слово «шинель» как форменное обмундирование российской армии не используется в других языках.

Рассмотрим лексикографические источники.

Согласно определению Толкового словаря В. И. Даля, «Шинель — пальто с рукавами и круглым воротником...»[1].

В толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова более подробное определение: «Шинель — форменное военное пальто со складкой на спине и хлястиком. Серая шинель, Солдатская шинель, Кавалерийская шинель // Форменная гражданская шинель (с широким, до талии, воротником в виде пелерины)[2].

В Толковом словаре С. И. Ожегова: «Шинель — 1. Форменное пальто со складкой на спине и хлястиком. Офицерская шинель. Серые шинели (перен. о солдатах (устар.). 2. В России во второй половине 19 века: мужское пальто свободного покроя с меховым воротником и пелериной («николаевская шинель»)[3].

Таким образом, наблюдается эволюция лексического значения концепта «шинель»: гражданское пальто — военное обмундирование.

В «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина «Шинель — <фр. Chenille> — мужской утренний костюм»[4].

Какова связь мужского утреннего костюма и военной шинели? Автор «Этимологического словаря русского языка» А. В. Семенов дает следующий комментарий: «Слово «шинель» было заимствовано из французского языка в середине XVIII века. Французское слово первоначально означало «гусеница» и происходило от латинского «canicula» — «маленькая собачка» или «гусеница». Одежду так стали называть из-за гусеничной формы нашивки галунов или тесьмы. Когда слово «шинель» попало в Россию, оно служило для обозначения утреннего костюма вроде халата, а не форменной одежды особого покроя, как сейчас. Родственным является украинское «шинеля»[5].

Нас интересует концепт «шинель» как русское военное обмундирование, символ русского солдата-патриота.

В качестве верхней одежды шинель ввели в русской армии в 1802 году. Это была вариация епанчи — так называли плащ без рукавов. Рядовым полагалась шинель с высоким стоячим воротником и погонами, а офицерам — без погон, но с пелериной.

Для рядовых шинели изготавливали из самого дешевого сукна, оно было серого или, как говорили, «хлебного цвета». Ткани шинель требовала много — на одну вещь уходило около трех метров, а на кавалерийскую шинель еще больше — около четырех метров, так как она была длиннее, с большим количеством складок на спине. И когда всадник был в седле, он расстегивал сзади хлястик и расправлял полы шинели, как попону.

Выявление национально-культурного своеобразия и ценностной составляющей концепта невозможно без исследования паремиологического фонда русской культуры, а также без анализа афоризмов, репрезентирующих данный концепт.

Главное достоинство шинели — отличные теплоизоляционные свойства. Народная пословица гласит: «Не та шинель, что пуговицами блестит, а та, что греет».

В русских народных сказках «материальная» составляющая стала основой для развития нравственного понятия и его ментальной репрезентации. Анализ фольклорных текстов позволяет выявить дополнительные признаки концептов, которые приобретают символический смысл.

В сказке «Солдатская шинель» солдат хвалит свою шинель барину: «...когда мне нужно спать, постелю я шинель, и в головах положу шинель, и покроюсь шинелью». Барин покупает шинель у солдата, но спать на ней не может: жестко и неудобно.

За обман Барин жалуется на солдата полковому командиру. Привели солдата, расстелил шинель, голову положил на рукав и накрылся полою и сказал: «Куда как хорошо на шинели после походу спится».

Командир похвалил солдата, а барину сказал: «Кто ничего не делает, тот и на перине не уснет!»

В другой русской народной сказке «Как поп у солдата шинель на шубу выменял» русский сол-

дат получает в обмен на «теплую» шинель новую шубу. Находчивый солдат уходит в поповской шубе домой, а поп замерзает в солдатской шинели.

Форменное гражданское пальто «шинель» стало символом «маленького человека» благодаря повести Н. В. Гоголя «Шинель», которая была закончена в 1841 году и впервые опубликована в третьем томе собрания сочинений 1842 года.

Выражение В. Г. Белинского «Все мы вышли из гоголевской „Шинели“» стало фразеологической единицей русского языка, которая достаточно активно используется в русской лингвокультуре, например, у журналистов: «Мы все вышли из шинели Ясена Николаевича».

После революции в Красной армии в 1919 году была утверждена модель шинели: однобортная, из сукна защитного цвета, с цветными клапанами (в зависимости от рода войск). В разработке фасона шинели приняли участие знаменитые художники-живописцы В. Васнецов, Б. Кустодиев, которые использовали в своих творческих поисках русский исторический костюм. Как в конструктивном, так и в декоративном решении авторы эскизов шли от русского кафтана, рубахи. Старинные мотивы отделки петлицами удачно сочетались с символическим красным цветом обшлагов, воротника, звезды на шлеме.

Дальнейшая разработка фасона шинели шла по линии упрощения декоративных элементов: нагрудные клапаны («разговоры») были убраны, шинель стала застегиваться на крючки. С 1935 года шинель стала двубортной, с отложным воротником. На спине осталась всего одна встречная складка, по всей видимости, для экономии материала. Цвет шинели в армии всегда оставался близким или к защитному, или к стальному.

В годы Великой Отечественной войны у концепта «шинель» формируется признак «одушевленность».

Верная подруга, боевой товарищ,
Видевший снаряды, пули и шрапнель,
Мы тобой гордимся в дни войны священной,
Серая, бывалая, солдатская шинель.

Вот уже разбита вражеская свора,
И в кругу домашнем станем вспоминать,
Будем вспоминать о тебе, родная,
Серая, бывалая, солдатская шинель

(песня «Шинель», муз. В. Баснера).

Маргарита Алигер в поэме «Зоя» определяет шинель словами «родная, справедливая, гордая».

Русский воин,
Юноша, одетый
В справедливую шинель бойца.

Поэты, от лица русского солдата, обращаются к шинели, как к боевой подруге:

Ты прошла со мной дорог немало,
Нас пекла жара, секла метель,
Ты меня в походах согревала,
В битвах от врага маскировала,
Серая защитная шинель!

Концепт «шинель» вырастает до символа священной войны с врагом:

Шли под небом, от пожаров алых,
И в пути нелегком, на войне,
Ты периной, меченой металлом,
Ты незаменимым одеялом
И подушкою служила мне.

Дым костров, и пот, и кровь впитала
Ты, моя суконная броня,
Ты не раз в сражениях, бывало,
На себя осколки принимала
Не боясь кромешного огня.

Ты всегда, во всем была мне верной,
Неразлучной спутницей была;
Ты своею дружбою безмерной,
Ты своею службою примерной
Победить врага мне помогла.

Концепт «шинель» фиксирует шкалу ценностей социума, которые обеспечивают понимание мира военным человеком.

Шинель — это и символ мученичества. Концепт «шинель» расширяет свое лексическое значение до социально-политического звучания (из сталинских лагерей). Поэтический текст представляет собой сложную систему, хранящую информацию о национальной психологии, менталитете этноса, его поведении, нравственно-психических, чувственных традициях:

Когда метет за окнами метель,
Сияньем снега озаряя мир,
Мне в камеру бросает конвоир
Солдатскую ушанку и шинель.

Давным-давно, одна на коридор,
В часы прогулок служит всем она:
Её носили кража и террор,
Таскали генералы и шпана.

Она до блеска вытерта, притом
Стараниям портного вопреки
Её карман заделан мертвым швом,
Железные отрезаны крючки.

Но я её хватаю на лету,
В глазах моих от радости темно.
Ещё хранит казенное сукно
Недавнюю людскую теплоту.

Безвестный узник, сын моей земли,
Как дух сомнения ты вошел сюда,
И мысли заключенные прожгли
Прокладку шапки этой навсегда.

Пусть сталинский конвой невдалеке
Стоит у наших замкнутых дверей.
Рука моя лежит в твоей руке,
И мысль моя беседует с твоей...

Как ум мятущийся, ум беспокойный мой,
Как душу непреклонную мою,
Сидящему за каменной стеной
Шинель и шапку я передаю[6].

Таким образом, концепт «шинель» как неотъемлемая часть обмундирования русского солдата прошел путь от своего первоначального определения «мужской утренний костюм» до концепта — символа русского патриотизма, страданий и лишений на войне, победы русского духа на войне и в лагерных застенках.

Итак, мы показали эволюцию концепта «шинель» как исторической и этнокультурной единицы, выделили ее новые смысловые оттенки, рассмотрели закрепление их в различных источниках. Концепт «шинель» не только фрагмент военной концептосферы, но и фрагмент русской словесной культуры как формы и средства национальной самоидентификации в социально-историческом, социально-политическом и социокультурном измерениях.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955. С. 633.

[2] *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь русского языка. Т. 4. М., 1940. С. 1342.

[3] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1986. С. 777.

[4] *Крысин Л. П.* Толковый словарь иноязычных слов. М., 2005.

[5] *Семенов А. В.* Этимологический словарь русского языка. М., 2003.

[6] *Ярослав Смеляков.* Строфы века // Антология русской поэзии / Сост. Е. Евтушенко. Минск; М., 1995.

[хроника]

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
ЯНВАРЬ–ДЕКАБРЬ 2013 ГОДА

Январь

8 — 100 лет со дня рождения Ярослава Васильевича Смелякова, русского поэта, критика и переводчика (1913–1972).

10 — 130 лет со дня рождения Алексей Николаевича Толстого, писателя, драматурга (1883–1945).

Февраль

4 — 140 лет со дня рождения Михаила Михайловича Пришвина, писателя, автора охотничьих рассказов, произведений о природе и произведений для детей (1873–1954).

9 — 230 лет со дня рождения Василия Андреевича Жуковского, поэта, переводчика, критика (1783–1852).

21 — Международный день родного языка.

24 — 100 лет со дня рождения советского писателя Эммануила Генриховича Казакевича (1913–1962).

Март

1 — 150 лет со дня рождения Федора Кузьмича Сологуба, русского поэта, писателя, драматурга и публициста, виднейшего представителя символизма (1863–1927).

3 — Всемирный день писателя.

13 — 100 лет со дня рождения Сергея Владимировича Михалкова, советского и русского писателя, поэта, баснописца, военного корреспондента, а также автора советского и российского гимнов (1913–2009).

16 — 110 лет со дня рождения Тамары Григорьевны Габбе, писательницы, переводчицы, драматурга, редактора и литературоведа (1903–1960).

21 — Всемирный день поэзии.

27 — Международный день театра.

(Продолжение на с. 76)

С. Э. Зверев

ВОЕННАЯ РИТОРИКА МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

SERGEY E. ZVEREV

MILITARY RHETORIC OF MOSCOW STATE

В статье рассматриваются история и отличительные особенности русской военной риторики XVI века, периода царствования Иоанна Грозного. Обосновывается смена героического пафоса военных речей пафосом религиозным и постепенное перерастание его в пафос национальный в период борьбы с Казанским царством.

Ключевые слова: военная риторика, военная речь, пафос, воинский риторический канон.

The history and peculiarities of Russian military rhetoric of Ivan the Terrible epoch are studied in the article. The gradual change of heroic inspiration of military oration to the religious and national inspiration during the struggle against Kazan state is corroborated.

Keywords: military rhetoric, military oration, military rhetoric rules.

Сергей Эдуардович Зверев

Кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры организации и методики образовательного процесса ВУНЦ ВМФ (ВМА им. Н. Г. Кузнецова)
► zverev@mail.ru

Процесс становления и развития Московского государства и достижения самых значительных военных успехов справедливо связывается с именем царя и великого князя Иоанна Васильевича Грозного. Первый период его царствования увенчан воинским подвигом, сравниться с которым могут только последующие деяния Петра Великого. Воспитание войск оказалось задачей колоссальной сложности; не последнюю роль в ее разрешении сыграла русская военная риторика.

Говоря о времени, непосредственно предшествующем Казанскому походу, следует отметить невысокий боевой дух русского поместного войска.

Состояние духа русского войска в первой половине XVI века хорошо иллюстрирует Большая челобитная Ивана Пересветова царю Иоанну IV Васильевичу, содержащая записи рассуждений молдавского господаря Петра IV Рареша (1527–1538, 1541–1546) о характере воинского служения и обязанностях воинов. В этой связи представляют интерес философские пассажи Петра (или самого Пересветова) о *правде*, в какой-то степени отразившие процесс формирования русского *национального* пафоса. Падение Константинополя (1453) произвело огромное впечатление на средневековое православное русское сознание и повлекло за собой определенные мировоззренческие сдвиги, отразившиеся на незыблемом дотоле *религиозном* пафосе. Русским людям потребовалось срочно решать вопрос: как всемогущий Господь попустил впасть в руки врагов Божиих православной столице с ее святынями и непоколебленной в своей чистоте верой? Ответ был найден в возникновении и быстром распространении в сознании народа ставшей впоследствии

столь популярной концепции *правды,* понимаемой как исполнение воли Божией в устроении земной жизни. Критерий чистоты веры в снискании помощи Божьей в трудах (в том числе и воинских) переставал быть исключительным и определяющим.

«**Не веру любит Бог, правду**..., — говорил Петр Рареш русскому царю устами Ивана Пересветова, — ... А греки читали Евангелие, иные же слушали, а божьей воли не исполняли.... Так что великое это знамение от Бога: **не любит Господь гордыни и рабства**. За это же и греки погибли: за гордыню и рабство.... А правду любит Господь, правда сильнее всего. Турецкий царь Магомет великую правду ввел в царстве своем, **хоть иноплеменник, а доставил Богу сердечную радость**. Вот если б к той правде да вера христианская, то бы и ангелы с ними в общении пребывали (выделено нами. — *С. З.*)» [3: 619, 621].

Нельзя сказать, чтобы мысли эти были новы. Богословское обоснование концепции правды зиждилось, надо полагать, на евангельских словах «Ищите прежде Царства Божия и правды его» (Мф. 6: 33), на словах апостола «вера без дел мертва есть» (Иак 1: 21–22) и концепции блаженного Августина о «Граде Божием». Новым было признание губительности для успешного распространения *правды* «рабства». Рабство здесь надо понимать как состояние бездеятельного духа, духа покорности судьбе, безразличия к происходящему и нежелание содействовать Богу в реализации Его воли. А то, что монголо-татарское иго привело к определенной пассивности русского национального характера, которому стала свойственно «чрезмерная неповоротливость и бездеятельность теоретического мышления», признавали впоследствии даже евразийцы [4: 101]. *Правда* предъявляла высокие требования государственным людям не только в плане личного исповедания православной веры и строгого следования ее догматам, но и в плане активной деятельности по упрочению и распространению воинствующей церкви на земле.

С позиции *правды* дела в русском государстве выглядели не лучшим образом. «Сами вельможи русского царя богатеют и в лени пребывают, — писал Иван Пересветов, — а царство его в скудость приводят. Потому называются они слугами его, что прибывают на службу к нему в нарядах, на конях и с людьми, но за веру христианскую некрепко стоят и без отваги с врагом смертную игру ведут, так что Богу лгут и государю. **Что из того, что их много, раз нет у них верного сердца, а смерти боятся и умирать не хотят** (выделено нами. — *С. З.*)**.** Богачи ничуть не почитают воинские таланты. Пусть даже богатырь разбогатеет, и тот обленится. Воина содержать, что сокола кормить: всегда ему сердце веселить, никакой печали к нему не подпускать» [3: 607, 609].

Послание убедительно показывает, что поместная система при отсутствии в Московском государстве подлинно воинского сословия, воодушевленного *героическим* пафосом личной чести, доблести и славы, не способна была в полной мере обеспечить надежную оборону страны. Сама многочисленность поместного войска выступала фактором ослабления его духовных сил, порождая мнимую уверенность в успешности военных предприятий, которая в столкновении с суровой реальностью войны неизбежно терпела крах. Такое войско особенно нуждалось в длительном воинском воспитании.

Послания Ивана Пересветова, как о том совершенно определенно говорит он сам, доходили до царя; вопрос о том, насколько Грозный руководился советами «молдавского воеводы», естественно, остается открытым. Важно то, что подобные мысли (а Петр Рареш настоятельно рекомендовал Иоанну завести постоянное войско и обезопасить свои восточные границы, взяв Казань) имели хождение в период, предшествующий казанским походам русского царя. Таким образом, можно считать, что концепция *правды* послужила идеологическим основанием возрождения национального пафоса борьбы за укрепление русского централизованного государства.

Говоря об особенностях русской военной риторики Московского государства, мы будем обращаться к рассказу об осаде и взятии Казани, как центральному событию русской истории XVI в., содержащемуся в «Казанской истории». Это произведение, созданное в 1564–1565 гг. оче-

видцем, находившимся в осажденном городе, несмотря на отмечавшиеся рядом исследователей неточности, в целом хорошо передает дух времени и содержит большое количество образцов военной риторики периода позднего русского средневековья.

К середине XVI века противостояние русских с казанскими татарами длилось около полутора столетий и было исключительно трудным и упорным. Казанское царство — один из осколков могущественной Золотой Орды ставилось летописцем в один ряд с ней, поскольку именно к Казани «перешла слава и великая честь от старой, мудрейшей среди других орд Большой Орды» [1: 327].

О том, каким трудным противником для русских были татары, неоднократно говорит летописец «Казанской истории». Когда в 1505 году татары внезапно осадили Нижний Новгород, от падения он был спасен только тремястами пленными (!) литовскими стрелками, находившимися в городе в заточении и пожелавшими участвовать в бою вместо горожан — «пугливых людей», по выражению летописца. В то же время московское войско, посланное великим князем Иваном III (1440–1505), не решилось прийти на помощь осажденным. «Московские же воеводы... со стотысячным войском стояли в это время наготове в Муроме. Но они больше себя берегли, чем свою землю: в страхе и трепете, безумные, боялись они выйти из города. ...Казанцы же неподалеку от них ходили, насмехаясь над ними, грабили и губили христиан и огню предавали большие села» [Там же: 335].

О том, насколько тяжело было русскому поместному воинству бороться против опытных в битвах казанских хищников, говорят обстоятельства убийства в ходе относительно удачного для русских похода 1530 года татарского богатыря Аталыка. Взятый внезапно в результате ночного нападения, татарин был убит невооруженным. Описание его невольно пробуждает ассоциации с былинными страшилищами вроде Идолища. «Наезжал он, злой, на сто человек удалых бойцов, и приводил в смятение все русские полки, и, убив многих, отъезжал; тех же, кого он догонял и настигал, рассекал мечом своим надвое от головы до седла, ибо не спасал от меча его ни шлем, ни панцирь... Ростом же и дородством был он как исполин, глаза у него были налиты кровью, словно у зверя или людоеда, и такие же большие, как у буйвола. И всякий человек боялся его. Русский воевода или простой воин против него выехать с ним драться не смели. От взгляда его нападал на людей страх» [Там же: 355].

Летописец честно объясняет причины этих трудностей и поголовного страха перед татарами. «Ибо изначально владели измаильтяне военным искусством, которому обучаются они с детства, потому они и суровы так и бесстрашны, и настойчивы бывают в боях с нами, смиренными. Праотцами своими — Исавом и гордым Измаилом — были они благословлены добывать пропитание себе оружием; мы же ведем род от кроткого и смиренного праотца нашего Иакова, поэтому и не можем сильно сопротивляться им и часто смиряемся перед ними, как Иаков пред Исавом, и побеждаем их оружием крестным, ибо оно приносит нам победу над врагами нашими» [Там же: 365].

Иоанн IV, начиная свои войны со столь сильным противником, прежде позаботился, помимо организационных перемен, о поднятии духа войска. Не было забыто и речевое воздействие. Отправляя воевод Семена Микулинского и Василия Серебряного в 1545 году в первый поход в Казанскую землю, царь так напутствовал войско: «Знаете ли, о сильные мои, какой пламень горит в сердце моем из-за Казани и не угаснет никогда? Вспомните же все доброе, что получили от отца моего и от меня, пусть даже от меня и мало еще: теперь же подошло вам время показать любовь вашу ко мне усердной и преданной службой против врагов моих, и если хорошо послужите и печаль мою утешите, то больше прежнего, о друзья, награжу вас многими дарами. И теперь надеюсь я на первых моих воевод и благородных юношей» [Там же: 385].

Нетрудно заметить, что военная речь царя противоречит стилистике позднейших посланий Иоанна Грозного. Тем не менее, решая вопрос о достоверности текста речи, не стоит забывать о том, что царю в это время было всего 15 лет.

Отсутствие собственного опыта государственного управления, безусловно, могло сказываться на следовании юным Иоанном «учебным» образцам. Как бы то ни было, этот образец (классическая *просьба*) представляет хорошую иллюстрацию практического использования рекомендаций средневековых трактатов в практике русского военного красноречия XVI века. Однако даже такая относительно «скромная» речь оказалась способной вдохновить полководцев и войска, как о том совершенно определенно пишет автор «Казанской истории».

Выступление русского войска в знаменитый поход 1552 года начиналось вполне традиционно. После совершения молебна и крестного хода в Кремле царь сотворил коленопреклоненную молитву перед Владимирской иконой Божьей Матери и получил благословение от митрополита. В тексте «Истории» этот эпизод сопровождается любопытным комментарием, в котором слышится приближение Нового времени: «Великий князь принимает святительское благословение, как от десницы небесного вседержителя, а вместе с ним — **храбрость и мужество Александра, царя Македонского** (выделено нами. — *С. З.*)» [Там же: 459].

В ультиматуме царя казанцам впервые слышится складывающийся индивидуальный риторический стиль Грозного с характерной для него неожиданной сменой тональности, переходами от велеречивой убедительности к резкой язвительности и инвективам. «Пожалей себя, — говорил он, — казанский царь, устрашись меня. Видя разорение земли своей и гибель многих своих людей, сдайся мне добровольно... Также и вы, казанцы, ... присягайте нам, как и прежде, без страха, ничего не опасаясь, и прощу вам все прежние злые дела и тяжелые напасти, которые терпел от вас отец мой, и сам я после него. <...> Говорю вам истинную правду для вашей же пользы, щадя вас и оберегая, ибо не кровопийца я и не сыроядец, как вы, поганые басурмане, и не рад я пролитию вашей крови, но за великую неправду вашу пришел я, посланный Богом, оружием наказать вас. И если не послушаете слов моих, то с помощью Бога моего возьму город ваш на щит, вас же всех, и жен ваших, и детей без пощады склоню под меч. И падете вы и будете, как пыль, попраны нашими ногами...» [Там же: 473, 475].

Сам факт посылки ультиматума говорит о многом. Напомним, что когда крестоносцы добрались до Иерусалима, то столь велико было ожесточение обоих сторон, что «ни один посланник от мусульман не являлся в стане христианском, и крестоносцы даже не удостоили требовать сдачи города... Между такими врагами бой должен был быть ужасен и победа беспощадна» [2: 509]. Противостояние русских и татар, как было показано, носило едва ли не более ожесточенный характер, и мы были бы вправе ожидать, что послание русского царя будет целиком составлено из слов, которые у него будто бы невольно вырвались только к концу речи. Умеренность требований царя Иоанна может говорить только о том, что *религиозным* пафос войны был только по форме, по духу же — *национальным*. В соответствии с этим умеренность требований могла объясняться и тем, что решение «проблемы» Казани виделась Иоанну Грозному не в поголовном уничтожении иноверцев, как это было при захвате Иерусалима крестоносцами, а в планомерном «освоении» завоеванной территории Казанского царства и инкультурации казанских татар в национальное русское государство.

Известная переписка царя с князем Курбским свидетельствует о том, что противодействие царским замыслам, слабодушие и растерянность проявляли именно представители высшего русского командования. На протяжении всего повествования о ходе осады автор «Истории» ни разу не упоминает о ропоте или неповиновении среди простых воинов. Зато уже после первых сорока дней сражений под стенами крепости царь вынужден был отстаивать решение продолжать осаду на военном совете перед военачальниками. Воеводы царя «сильно затосковали» и подобно римлянам перед сражением с германцами Ариовиста в Галльском походе Цезаря стали искать ««разумные» основания своего страха как обычно в недостатке «корма» и заботе о коммуникациях. Первая военная речь царя, таким образом, была произнесена перед своими командирами.

«Как же похвалят вас, о великие мои воеводы, все народы, досаждающие нам! Почему раньше времени стали вы боязливы, еще мало тягот испытав? И что скажут о нас враги наши? И кто посмеется над нами, часто приходящими сюда и привозящими такой тяжелый наряд и всегда великое дело начинающими, но не совершающими его, ничего доброго сделать не успевающими, только обременяющими себя тяжким трудом?! Говорите вы мне, словно неразумные: для себя ли одного так тружусь я и так страдаю, не общей ли ради пользы мирской? И разве не ваша и не моя это держава — Русская земля?.. Или не помните вы слов своих, когда еще в палате моей, в Москве, советовался с вами, и вы хорошо сказали мне: „Дерзай и не бойся! И царствовать с тобой и умереть готовимся!?“ и развеселили вы мне тогда сердце, теперь же опечалили. <...> И знаете вы лучше меня: кто вознаграждается без труда? Земледелец трудится с печалью и со слезами, зато жнет с веселием и радостью; также и купец, оставляет дом, жену и детей, переплывает моря и доходит до дальних земель, ища богатства; когда же разбогатеет и возвратится, то все труды от радости забывает, обретая покой с домашними своими. Помня об этом, потерпим же еще немного, и вы узреете славу божию. И потому молю вас, господа мои: не требуйте этого от меня сейчас, да умру с вами на чужой земле, а в Москву с поношением и со стыдом не возвращусь! Лучше нам всем вместе умереть, и пострадать плотью за Христа, и прославиться в будущих поколениях или, победив, великие блага приобрести! Так возьмем сладкую чашу с питием, или прольем — или одолеем, или будем побеждены!» [1: 492].

Перед нами блестяще риторически разработанное произведение. С точки зрения формы в речи наблюдается причудливое сочетание пафосов: героического, религиозного и национального. С точки зрения аргументации — в ней использована особо эффективная восходящая двусторонняя аргументация, цель которой — убедить подчиненных в несомненной помощи Божьей (религиозный пафос), пристыдив, пробудить честолюбие (героический пафос) и напомнить о долге перед Родиной (пафос национальный). Эта триединая задача была разрешена, благодаря чрезвычайно эффектному применению в речи средств выразительности, среди которых преобладают риторические вопросы, позволяющие перевести монолог оратора в диалог со слушателями во внутренней речи последних. Впервые в дошедших до нас образцах русской военной риторики в речи использован *пример*. Пример этот, с одной стороны, доходчивый, а с другой — очень тонко построенный на аллюзиях к евангельским притчам о купце, ищущем хороших жемчужин, и о земледельце, который призван добывать хлеб свой «в поте лица», нашедшем клад на поле своем. Эти сюжеты в Священном Писании призваны были иллюстрировать понятие Царствия Божия, столь вожделенного в средневековье; обращение к ним позволяло исподволь, «манипулятивно» сформировать эмоционально-волевой настрой слушателей «потерпеть» ради славы Божией и Царства Его. Эти аллюзии, мало доступные восприятию современного человека, надо полагать, много говорили религиозному сознанию русских людей того времени. Использован и традиционный для русской риторики образ общей чаши, основанный на евангельском сюжете.

Речевое воздействие царя на войска в Казанском походе было многоуровневым. В условиях недостатка у осаждающих съестных припасов, к чему всегда особенно чувствительны простые воины, царь постоянно заботился о состоянии их духа, ежедневно объезжая расположение своих войск и «**укрепляя их царским своим словом и утешая**, одаривая и удовлетворяя в еде и питье, **умоляя их** (выделено нами. — *С. З.*) не тужить о предстоящем великом и трудном деле...» [Там же: 503].

В походе 1552 года русское войско *впервые* сопровождало многочисленное священство. Это было совершенно новым явлением в русской военной практике, полностью себя оправдавшим, ввиду необходимости духовной поддержки ратников в ходе длительной осады. Перед штурмом города была отслужена литургия и сам царь, все его военачальники и «многие воины в станах очистились у отцов своих духовных, причастились

Пречистых Христовых тайн и приготовились чистыми приступить к смертному подвигу» [Там же: 509].

Решающему приступу также предшествовал объезд царем всего войска и обращение к воинам с речью. «Братья мои и господа, князья и воеводы, и все большие и малые русские чада, теперь приспело нам доброе время одержать победу над противниками нашими за непокорство их и несмирение и за сильную злобу их и неправду. Поспешите же, устремитесь на них за свои обиды — мне на славу, себе же на великую похвалу, и, собрав все свои силы, послужите богу и нам, пострадайте за церкви божии и за все православие наше, и явите мужество свое, чтобы оставить по себе память потомкам нашим. Ведь те, кто будет убит теперь казанцами, примут на небесах венцы вместе с мучениками от Христа, Бога нашего, и запишутся имена их у нас во вседневные синодики вечные, и поминаемы будут каждый день в святых соборах церковных митрополитами, и епископами, и попами, и диаконами на литиях, и на панихидах, и на литургиях. Живые же, сохраненные Богом и не убитые погаными, здесь от меня получат и почести, и дары, и похвалу великую» [Там же: 511].

Здесь также заметно использование всех трех видов пафосов. Изменившаяся расстановка сил сказывается в первом за *столетия* борьбы русских с татарами призыве русского полководца к победе. Само это слово уже должно было действовать чрезвычайно ободряюще на войска. Половина речи посвящена излишне подробному информированию о том, как церковь будет поминать убитых в сражении. Это воспринимается как дань традиционному до того момента *пафосу героической смерти* и представляется, на наш взгляд, анахронизмом. Впрочем, победы русских над татарами в то время были настолько редки, что в ней, очевидно, не полностью был уверен и сам оратор.

Ответ воинов говорит о том, что труды царя по воспитанию войска не прошли даром. Войско единодушно обещало не возвращаться «с позором домой, ради многих твоих забот и страданий за всех людей своих, наших ради непрестанных трудов, постоянного хождения на Казань» [Там же]. В обращениях к такому войску полководец мог позволить себе *героический* пафос.

Краткие воззвания царя в пылу боя к этому пафосу и обращаются: «Царь же...словно гепард, наполнился боевой яростью, и, взяв в руки меч, сел на своего боевого коня, и, скача, кричал воеводам, размахивая мечом: „Что долго стоите без дела? Приспело время уже потрудиться немного и обрести вечную славу!“» [Там же: 515]. Клики русских воинов, ободрявших друг друга, кажется, воспроизводят атмосферу битв крестоносцев: «Дерзайте и не бойтесь, о друзья и братья, и поспешите на дело божье — сам Христос невидимо помогает нам!» [Там же: 517].

Характерным для военной риторики Московского государства является очень своеобразное переплетение в речах *героического*, *религиозного* и *национального* пафосов, отражавшее процессы становления сильного централизованного государства. В целом следует признать, что русская средневековая военная риторика успешно выполняла задачи формирования и поддержания боевого духа войск. Речи периода позднего русского средневековья, который нами условно соотнесен со временем становления Московского государства, показывают знакомство полководцев с принципами и выразительными средствами классической риторики. Речи Иоанна Грозного в Казанском походе демонстрируют следование традиционному средневековому жанру *просьбы* и представляют собой классические убеждающие речи, сочетающие весьма тонко разработанную аргументацию с мастерским использованием средств выразительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985. С. 300–569.

2. *Мишо Г.* История крестовых походов. Ч. 1. СПб., 1822.

3. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова. Большая челобитная. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV— первая половина XVI века. М., 1984. С. 607–621.

4. *Шатилов А.* Пересвет и Челубей — братья навек // Родина. 1997. № 3–4. С. 99–104.

10 октября 2012 года в рамках III Конгресса РОПРЯЛ состоялся

КРУГЛЫЙ СТОЛ «РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ОСМЫСЛЕНИИ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

ROUND TABLE DISCUSSION ON "RUSSIAN AUTHORS, MODERN RUSSIA LIFE INTERPRETED"

В Круглом столе принимали участие писатели
Александр Мелихов и Сергей Шаргунов.
Ведущая круглого стола — д-р филол. наук,
профессор РГПУ им. А. И. Герцена М. Черняк

Академик Юрий Сергеевич Степанов начинает раздел о стилистике словами: «Конечно, мы наблюдаем за исследованиями, поэтикой, языком художественной литературы, но все это мы делаем потому, что есть сама художественная литература». Поэтому мы, филологи, в данном случае, вторичны. Если бы не было вас, писателей, еще неизвестно, чем бы мы занимались.

Обычно, приходя на лекции к первокурсникам филфака, я интересуюсь, что они читают из современной литературы? И все чаще слышу ответ: «Классику! Современную литературу мы не признаем!» Такой ответ вызывает у меня недоумение, и я тут же начинаю спрашивать студентов, интересуются ли они вообще современной музыкой, кино, другими видами современного искусства? Конечно, получаю положительный ответ, но литература почему-то всегда выпадает из сферы их внимания. Сразу же вспоминаются слова Блока: «Если не жить современностью, то нельзя писать». Наша литература, такая многообразная, представленная таким количеством имен, направлений, действительно, отражает наше непростое, тревожащее, задающее массу вопросов, время. Поэтому не обращать внимания, не читать, выпадать из современного литературного процесса особенно для филологов (не случайно мы в этой аудитории сегодня находимся) просто нельзя.

Особенно это важно в свете обсуждения списка 100 книг, который официально пока не обнародован, но в черновых его вариантах снова отсутствует современная литература. Хотя, сейчас есть прекрасные конкурсы (например, kniga.ru), где встречаются очень яркие произведения, которые в школьной аудитории пользовались бы большим интересом — Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак «Время всегда хорошее», «Шекспиру и не снилось», петербургская писательница Екатерина Мурашова «Класс коррекции». Эти произведения должны присутствовать в подростковой читательской аудитории, но до школы они доходят очень дозировано. Подобные списки, предоставили бы прекрасную возможность и для издателя, и для преподавателей дать жизнь современной литературе в школе, но, к сожалению, пока вопрос остается открытым.

Мы должны представить наших гостей — Сергей Шаргунов, известный молодой писатель, от которого мы надеемся услышать многое о нашем молодом поколении, и Александр Мелихов, петербургский писатель, публицист, чьи произведения, и художественные, и публицистические, всегда вызывают огромный интерес, поэтому и разговор с ним для нас будет очень интересным. Пожалуйста, задавайте вопросы!

Вопрос: Я прослушала доклады на секции и у меня возникло впечатление, что литературный процесс, происходящий в России, состоит из двух частей, которые идут параллельно. С одной стороны, читатели сетуют на то, что им нечего читать, а, с другой стороны, писатели сетуют на отсутствие достойных читателей, которые бы их вдохновили на создание произведений. Эти два процесса идут по замкнутому кругу, совер-

шенно не пересекаясь, как вы к этому относитесь? Почему это произошло? Есть ли какой-нибудь выход из этого состояния? Спасибо!

Сергей Шаргунов (С. Ш.): Я, на самом деле, не переживаю по поводу этой проблемы. Мне кажется, что читатель есть, он появляется. Проблема в том, что нужно вербовать гораздо большее количество людей в этих самых читателей хорошей серьезной литературой.

Если сегодня посмотреть по рейтингам продаж в центральных городах, в Москве, Петербурге, Екатеринбурге, то я вижу, что серьезная литература, будь то Терехов или Быков, очевидным образом теснит дамские романы и детективы, соревнуется с ними.

Я вижу рост интереса к прозе, написанной хорошим русским языком. Одновременно с этим я прекрасно понимаю, что это, может быть, 10% от всего населения. Мне кажется, что 60%, как минимум, у нас вообще ничего не читают, а может быть, и больше. Но, допустим, есть 40%, которые что-то читают, и из них 10% — это тот отряд, который в крупных городах приходит в книжные магазины и смотрит шорт-лист той или иной премии, правильно выложенные на стеллаже книжки и, соответственно, что-то выбирает. Мне кажется, что этот читатель есть и количество его увеличивается.

Одновременно с этим есть и что почитать — Алексей Иванов, Захар Прилепин, Дмитрий Быков, вышеупомянутый **Терехов**, Михаил Гиголашвили, Андрей Рубанов и так далее.

Каждый год появляется определенное количество книг, которые можно смело рекомендовать и говорить о том, что русская литература вовсе не падает, на мой взгляд. Появляется серьезная проза с пристальным интересом к жизни, к действительности. На эту прозу возникает спрос. Недостаточный, конечно, но, может быть, это вопрос стоимости книг.

Я наблюдаю интерес к ЖЗЛ, к биографиям писателей. Это возвращается в орбиту читательского внимания. Интересно то, что делает Варламов. Басинский, например, готовит книгу о жизни Иоанна Кронштадтского. То есть каждый год появляется 10 книг, которые можно смело рекомендовать и которые действительно находят своего читателя.

Конечно же, есть колоссальное количество проблем. Возможно, писатели тоже должны себя более активно проявлять — выступать в вузах, в городах, приходить в школы. По крайней мере, я стараюсь делать так. С моими сотоварищами Германом Садулаевым, Романом Сенчиным мы наведываемся регулярно в Челябинский физико-математический лицей, который усилиями преподавателей вырвался вперед на всех олимпиадах, соревнованиях. Но это должно быть обоюдное желание, кто-то должен приглашать. Вот в зале присутствует, например, Вячеслав Шульженко, профессор из Пятигорска. Он несколько раз нас приглашал — меня, Захара и других выступить в университете. Хорошо, когда есть такая возможность пообщаться.

Важно, чтобы состоялся разговор, потому что никакой Интернет, никакое чтение не заменит вот этого живого разговора с автором, когда тот может сомневаться, заикаться и его можно подловить, сделать подсечку. А может быть, я и не прав, но этот разговор крайне важен. И для школьников точно так же! Ты к ним приходишь, обсуждаешь с ними, кто им ближе, Штольц или Обломов, но когда они видят перед собой пишущего человека на расстоянии вытянутой руки, это уже не кто-то из учебника.

Писать по-прежнему можно и нужно, и выходят книги. Это надо поощрять, потому что Россия — это самая пишущая страна.

Я вижу, какое количество молодых людей присылает свои произведения на литературные конкурсы. А что такое российская блогосфера! Она не сопоставима ни с европейской, ни с американской. Это не просто уютные дневнички, это настоящая битва идей, постоянная, кипящая!

И в этом смысле, мне кажется, нужно сражаться за расширение круга читателей. Ну и, конечно, я верю, что проза, в том числе, и моих сотоварищей, которая где-то начиналась как очерк, как первый пытливый взгляд на действительность, перерастает в серьезную беллетристику, в сюжетный и психологически достоверный роман. Я думаю, что здесь многое требуется и от пишущего.

Александр Мелихов (А. М.): Прежде чем ответить на вопрос, который был задан, я, все-таки, хочу ответить на вопрос, который задала тема нашего круглого стола — «Писатель в осмыслении действительности».

Я окинул взглядом ретроспективно мои произведения, все, что написал за 20 лет, и абсолютно каждая книга — это какой-то этап в личном моем осмыслении какого-то важного явления. Хотя, конечно, это художественная литература — герои, жизнь и слезы, и любовь, но толчком, все-таки, каждый раз оказывалось социальное явление — важное и ранящее тебя лично. Вообще, искусство рождается как ответ на боль. Думаю, что оно врачует наши раны.

Мы создаем воображаемый мир, не столь отвратительный и ужасный, каков мир реальный. Пусть он будет жестоким и ужасным, но он красивый, в нем можно жить. Пусть там ремарковские герои все погибают, все героини погибают, и Антигона погибает... Но гордость за человека! Мы выходим оттуда с просветленными слезами! Не раздавленными, а воодушевленными. Даже трагедией.

Я принес книги. Получается, таким образом, некий творческий отчет, очень пунктирный. Вот, например, «Исповедь еврея». Давно, еще в начале перестройки, я понял, что антисемитизм это не искусственно насаждаемая властью проблема, а подлинный культурный конфликт народов. И тогда я написал «Исповедь еврея». Не писал я не потому, раньше это, конечно, не напечатали бы, но мне казалось, что это не важная проблема. А потом понял, что в этом суть понимания межнациональных проблем.

Потом, в конце 80-х нам казалось, что рынок все расставит на свои места, все за деньги делается, что хорошие писатели будут цениться, а плохие не будут. Меня так долго это оскорбляло, что я взял и написал роман «Горбатые атланты», где вывел ученого, который создает такие красивые произведения, которые некому ценить, он выше остальных. Это не может быть продано, потому что оно выше понимания масс, только единицы могут это постичь. Он был глубоко несчастен не потому, что некому продать, а потому, что некому оценить. Он был готов бесплатно отдать.

В то время у нас было такое представление, что свобода дает все, врачует раны. Мне захотелось показать в книге «Горбатые атланты» — антиутопию, что причиной самоубийств является свобода. Там герой, некий пророк, приводит очень бедный заброшенный поселок к цивилизации, порядку, и там начинаются самоубийства. До этого были убийства, убивали друг друга, но не себя.

Вот еще. На еврейскую тему меня попросили написать о Биробиджане, историю города. И я написал две книги. Там я понял, осмыслил национальную политику большевиков. Что это такое? С одной стороны, как нас учили, все нации должны слиться в одну, а с другой — все нации должны развиваться. Как это получается, что это за хитрость такая — развиваться, расцветать и исчезать при этом? Я задумался, перечитал «сталинские труды», осмыслил какую-то часть нашей жизни.

«Чума». Столкнула меня жизнь, к сожалению, слишком близко, с проблемой наркомании. Я увидел, как погиб совершенно очаровательный парень, наделенный красотой, умом, талантом, абсолютно благополучный во всех отношениях. Он превратился в чудовище, которое убивает собственный отец. Это я тоже осмыслил. Этот мальчишка, уже погибая, сказал, что играть стало не во что. Не то, что в детстве — он пришел бы на берег озера, стал бы прорывать каналы, делать кораблики, а сейчас скучно. Вот, по-моему, это и есть главная формула наркомании — скука, а вовсе не материальные лишения.

«Тень отца» — один из последних моих романов. Сейчас часто можно услышать — «страна рабов», «поколение рабов», «поклонялись Сталину, тирану». Я слушал-слушал, и мне захотелось вступиться — а что, это поколение героев было?

Я написал роман. Там и фантазия есть, и герою является тень отца, покойного, но, тем не менее, это протест, что это было поколение героев, а вовсе не рабов и не прислужников. Это тоже новое осмысление какой-то большой части нашей истории.

Вот судьба свела меня с умственно-отсталыми людьми. Действительно, вот пока мы сей-

час сидим с вами здесь, где-то в интернате люди сидят на койках, они находятся в пожизненном тюремном заключении без всякой вины, их даже не выводят на прогулку только за то, что они родились недостаточно умными, чтобы, например, получить диплом о высшем образовании. Это чудовищно! Я занимался этой проблемой, писал об этом, и собираюсь и дальше писать об этом, работать по проектам. Но, вместе с тем, когда я поездил «по европам», посмотрел, как там все устроено («Интернационал дураков»), то увидел, что там проблема уже другая. Есть такая догма — все люди равны! — не важно, гений ты или тупица, все равны! Я вижу, что эта либеральная догма уже начинает теснить гениев, что уже пришла пора вступаться за гениев.

Вот книга «Нам целый мир чужбина». Я всмотрелся в жизнь своего поколения. У нас было много ребят, блестяще вступавших в жизнь — талантливых, веселых. Мне казалось, что их ждет блестящее будущее. Все они как-то сошли на «нет» на чужбине, в каком-то темном углу, в живых уже нет ни одного. Никто из них так и не реализовался. Мне захотелось понять, что же с ними случилось? Я пришел к выводу, что они — мы, наше поколение, слишком легко поверили, что не надо замахиваться ни на что великое, что надо быть скромными. Я показал героя, который преуспел в жизни. Он был романтиком, мечтал покорять океаны, делать великие открытия, покорять красавиц и так далее. А потом он понял, что от этих фантазий надо избавляться во имя прагматизма, пользы, и стал преуспевающим человеком. Но потом он понял, что ему ужасно скучно живется. То есть, пока он был дураком, его все любили, ему жилось очень интересно, а когда он стал умным, от него всем тошно, и ему самому тоже. Он приходит к выводу, что человек должен жить грезами, витать в облаках.

Это моя любимая идея, которую я в публицистике развиваю как прикладную. Жизнь движется грезами. Каждый исторический рывок происходит на гребне какой-то сказки. И теперь, если вернуться к вопросу конкретному, почему какие-то писатели то облетают весь мир, то возникает чувство, что литературы нет?

Каждый писатель облетает мир на гребне какой-то сказки. Вот была сказка о страшном Советском Союзе, где существуют какие-то убийцы, чудовища, ГУЛАГ. И вдруг появляется Солженицын и читают его все, кто книг не читает вообще. И когда эта сказка угасает, то угасает вместе с ней и писатель. Когда он доходит до своих собственных художественных заслуг, они оказываются очень небольшими, потому что мир живет не книгами.

Почему молодежь не читает современную литературу? Я сам был молодежью когда-то и тоже не читал современную литературу, хотя хорошие писатели были, Аксенов, например. Я уже настолько знал, что все идет от нашей жизни, эта скука, что я из принципа не хотел читать. И только из самоуважения читал Толстого, Чехова. И только потом стал уже читать. Кто потерял от этого, Аксенов? Или Шукшин? Потерял я! Потому что литература, это не просто утонченное развлечение и не просто постижение реальности, а это еще и зеркало, в котором мы видим идеализированный собственный образ. И если мы в этом зеркале видим, например, Андрея Болконского или Гомера, Ахилла, или Антигону, или Ромео и Джульетту, все равно, как бы это ни было сверхгениально, себя мы не видим, и наша жизнь остается неромантизированной, неидеализированной. Лекарством от скуки и унижений является литература, и мы остаемся без этого лекарства.

Но бывает, что представление о роли литературы вдруг возносится. Скажем, в пушкинское время, когда «художники как боги, Входят в Зевсовы чертоги И, читая мысль его, Видят в вечных идеалах То, что смертным, в долях малых, Открывает божество». Если есть представление, что писатель — конфидент Бога, то, конечно, ты будешь его читать! Если есть представление, что писатель — это шаромыжник, который норовит заработать лишнее на тираже, на славе, на скандале, что это проходимец, то, разумеется, мы не пойдем к такому писателю.

Сказка и то, сказка и другое. Там была сказка, гипертрофирующая роль писателя, сегодня — сказка антилитературная — да чего там от них ждать?! Если раньше на писателя смотрели с бла-

гоговением, то сегодня он никто! Была сказка, которая окрыляла писателя, сегодняшняя сказка убивает писателя. Ложь, повторяю, и то и другое. Писатель не пророк и не проходимец. Любой настоящий писатель имеет высокую мечту, идеал, он хочет поделиться и болью, и любовью. Все мои друзья-писатели — люди высокочувствующие, и общение с ними вводит тебя в высокий мир. А общение с иностранным писателем, например с Хэмингуэем, это чужой мир, в котором тебе места нет. И наш мир опустошили сказкой, что наши писатели там ничего не могут. Конечно, Толстых среди нас нет, но и Андрей Болконский — это не мы. Только в наших книгах вы можете увидеть себя. Только мы можем вас полюбить. Мы вас любим и ненавидим, или бросим вам в лицо обвинение, или поплачемся на вашем плече, а вы на нашем. Как сказал когда-то Сталин, «других писателей у меня для вас нет». Если мы, вы оттолкнем существующую литературу, она, безусловно, будет затоптана. Писатель все-таки должен чувствовать, что его любят, что он нужен. Но пострадают обе стороны — вы останетесь без зеркала, в котором вы увидите себя, красивыми, высокими, достойными восхищения или достойными ненависти. По крайней мере, что вы способны вызывать сильные чувства, что ваша жизнь достойна воспевания не меньше, чем жизнь Ромео и Джульетты. Вот так. Готов ответить на вопросы.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, хотели бы вы себя видеть в школьной программе? Это первый вопрос. И второй вопрос относительно литературных премий. Помогают ли они писателю или, напротив, ограничивают как-то, становятся формой цензуры для писателя?

С. Ш.: Не знаю... Кто бы отказался от себя в школьной программе, тот был бы, наверное, очень неискренен. Я рад, что в некоторых школах факультативно какие-то мои вещи уже читают, пишут об этом. В вузах — тем более. Я думаю, что лучшие мои книги впереди, так что, я на это рассчитываю.

А что касается второго вопроса, то это, с одной стороны, конечно, русская рулетка такая, кому угодит премиальная пуля в черепушку. Где-то это решается келейно, где-то можно сокрушаться по поводу того, что раздают друг другу, но все-таки я скорее приветствую самые разные литературные премии, потому что они подхлестывают литературный процесс. Это как в спорте, соревнование нужно. Особенно чудесна премия «Нацбест», которая, на мой взгляд, достаточно объективная. Они не делят писателей на левых и правых, а стараются широким бреднем загребать. Есть другие премии, например, «Букер» или «Большая книга». Это хорошо и с точки зрения продажи книг, когда книга оказывается в финале. Я думаю, что не так часто победительницей оказывается великолепная книга, но в финале, как правило, действительно встречаются книги достойные. И это то, что позволяет отцеживать литературный процесс и его структурировать.

Если кто-то возмущается однобокостью или тенденциозностью каких-то премий, значит, надо создавать свои. Но даже при некоторых перекосах и «Букер», и «Большая книга» отмечают основные тексты. Может быть, даже в шорт-лист не попадают все, я смотрел шорт-лист недавно. Не попали, например, Лимонов «В сырах» или Прилепин «Черная обезьяна». Но не важно, эти книги все равно бы прочли. По крайней мере, на уровне длинного списка они там оказались.

Конечно, хуже, наверное, было десять лет назад с этими премиями. Я помню, что давали их тем, о ком сейчас никто даже и не вспомнит и не перечитает. Тогда была ситуация некоторого диктата, в том числе, «толстожурнальной» реальности. Хотя я к толстым журналам отношусь с почтением. Сейчас мне кажется, этот колпак, он треснул — есть и книжный рынок, и запросы самого читателя, нет никакого диктата, условно говоря, либерального диктата. Точно так же возмущающийся «почвеннический лагерь» может предлагать что-то свое, тоже находить свои идеи. То есть процесс стал сложнее и шире. И в этом смысле, пускай будут премии, конечно!

А. М.: Относительно школьной программы мой коллега ответил. Безусловно, это было бы очень лестно! Кроме того, в последнее время я уже не раз писал, что одно из сильнейших человеческих желаний вовсе не поесть досыта, а обрести иллюзию бессмертия, или, хотя бы, причаст-

ности к чему-то бессмертному. Это как писателем движет, так и читателем. Поэтому все, что как нам кажется, способствует нашему бессмертию, включенности, по крайней мере. Отсюда и патриотизм в нас, привязанность к родине. Толку от нее не так много материального, но есть чувство, что ты не один, что есть что-то, продолжающееся за пределами твоей жизни. Это к вопросу о школьной программе. Школьная программа — это форма бессмертия.

А вот о премиях я когда-то написал, что премия не способна отделить литературу высшего сорта от литературы второго сорта. Но она способна отделить от литературы сто семнадцатого сорта. Она как фильтр, полное барахло туда не попадает. Я в «Иностранке» когда-то напечатал статью под названием «Фабрика фальшивого золота» о Нобелевской премии, которая считается высшим авторитетом. Если сейчас мы посмотрим литературу за период, по которому история вынесла приговоры, много 60-х годов, то увидим там примерно треть классиков, которые получили ее задним числом, уже будучи классиками, которые в ней не нуждались, и две трети писателей, которые, кроме специалистов, никому не известны. Вот у них там коэффициент одна треть — треть латуни на треть золота. То есть угадать писателя заранее она не смогла ни разу. Из всех, кому она выдана авансом, промахнулась в ста процентах случаев. Ну, и кому она не была дана — не получил Толстой, не получил Набоков, про Платонова не говорю, гениальнейший писатель, правда, могли не знать про него, но Толстого весь мир знал, но его отвергали каждый раз. Так что, она, конечно, каждый год создает шумиху и пошлость, то есть мобилизует пошлую сторону жизни, кто получил бабки, кто кому дал в рыло. У каждого из нас есть низкая сторона души, суетная, вот она ее и задействует. Но я не против премии, потому что без поддержки пошлости высокая литература существовать бы не могла. Без пошляков нас было бы так мало, что мы бы не смогли воспроизводиться. Поэтому у человека, который не способен понять высокую культуру, есть две возможности: или имитировать любовь — это пошлость, или дать волю своим истинным чувствам: отвращению, презрению — это хамство. Вот если стоит выбор между хамом и пошляком, я выберу пошляка. Поэтому, раз премия работает на пошляков, я ее полностью приветствую.

С. Ш.: Бунин, например. Шолохов.

Реплика из зала: Я только одну вещь скажу, по поводу премии, что коллеги, кто преподает, знают, что так или иначе, литературная премия, как бы к ней иронически не относились, является способом навигации в современной литературе. Когда нас студенты и ученики спрашивают, что читать, мы обращаемся к шорт-листам, лонг-листам разных литературных премий, тем более, они разные и показывают разные взгляды на литературу. Это не всех устраивает, но какой-то маршрут чтения можно составить. Особенно интересно, когда произведение попадает в лонг-лист разных литературных премий, например «Нацбест» и «Буккер». Это уже знак, что его пропустить нельзя.

Вопрос: Писатель, конечно, не пророк, но, тем не менее, хотелось бы поблагодарить Александра Мотелевича за все, что он делает, и, в частности, за публицистику. Мои подруги, мои коллеги, пенсионеры и преподаватели, очень усталые люди, не всё успевают прочитать, но безумно интересуются, какую позицию занимает Александра Мотелевич по поводу той или иной острой общественной проблемы. Вы один из самых демократичных сегодняшних писателей. Некоторые возвысились, другие отстранились, Вы не боитесь, Вы не отстраняетесь, Вы включаетесь в гущу самых острых проблем, и нам небезразлично, какую позицию Вы занимаете.

А. М.: Большое спасибо! Меня совсем недавно приглашали на филфак выступить перед студентами на тему «Как контактируют писатели с читателями в наше время». Я ответил, что я контактирую через бутылку. Я кладу свои произведения в бутылку, запечатываю, бросаю в море. Попадает эта бутылка в чьи-то руки или не попадает, я понятия не имею. И когда услышишь, что кто-то хоть изредка эту бутылку вылавливает и прочитывает, это очень радостно, большое вам спасибо!

Реплика из зала: Попадает, попадает! Слушаем также Сергея Александровича по «Эху

Москвы», нам это не безразлично. Вы, Сергей Александрович, очень важный человек в общественной жизни сегодня, нам тоже не все равно, какую позицию Вы займете. Мы работаем с иностранцами, и Ваш рассказ «Как я был алтарником» включили в хрестоматию для иностранцев, потому что это очень искренний, честный, великолепным языком написанный рассказ, который вызывает дискуссию в иностранной аудитории. Наши студенты, конечно, специфическая аудитория. Нам нужно, чтобы было коротко, динамично и зажигательно, и дискуссионно. Все это есть, и мы желаем Вам блага. Но есть вопрос. Мне кажется, что для молодых людей, очень важна школьная тема, чтобы в литературе был показан образ учителя, школьная среда. Из того, что я читала в последние годы, мне хотелось бы выделить два произведения, в которых, мне кажется, очень интересно показан современный учитель, описан тип современного человека, который не поддается прессу, не поддается всем сегодняшним негативным явлениям. Это учительница из книги Елены Чижовой «Крошки Цахес» и повесть Алексея Иванова «Географ глобус пропил». Неоднозначный тип учителя, но, в то же время, мне кажется, очень правдивая школьная среда. Если можно, Ваше мнение. Вы бываете в школе, может быть, Вы скажете Ваше впечатление о школьной среде и о молодых людях? Спасибо!

С. Ш.: Спасибо!

А. М.: В школах я бываю. Как правило, ты приходишь, что-то говоришь, а дети сидят, и что они выносят из наших встреч, я не знаю. А что касается учителей, к ним я отношусь с огромной нежностью и просто мечтаю, чтобы меня читали. Я написал книгу для учителей «Дрейфующие кумиры». Это мое представление о литературе, о крупнейших писателях. Моя мечта, чтобы какая-нибудь учительница, где-нибудь в деревне перед уроком эту книгу прочла. Так что, перед учителями я просто преклоняюсь. А перед учениками преклоняться, это все равно, что перед собой, они не лучше меня, я считаю.

С. Ш.: Я стараюсь ездить по школам и в Москве иногда преподавать, и в Новосибирске, в Челябинске и что-то писать учебное. Может быть, вам попадалась книжка «Литературная матрица», которую выпустило издательство «Лимбус». Она и для вузов, и для старшеклассников. Я там написал о Грибоедове и «Горе от ума». Сейчас планируется продолжение, там я написал про внеклассное чтение, в частности, про Александра Серафимовича, которого редко перечитывают, но, на мой взгляд, писатель интересной судьбы и достаточно яркого пера. Мне было очень любопытно погрузиться. Сейчас я написал большой текст про Валентина Катаева. Его, кажется, уже нет в школьной программе. Сейчас переиздадут шеститомник, к которому я написал большое предисловие. Собираюсь написать про Фадеева. Мне кажется, что все это, так или иначе, связано с преподавательской историей и с разговором о русской литературе в школе. Может быть, в итоге, появится целая книга таких размышлений о писателях, об их произведениях.

Учителей я очень люблю, но думаю, что вопрос в статусе учителя, который на наших глазах понижается, к сожалению, и в родительском отношении к учителю.

У меня сын пошел в первый класс, первого сентября, так что, для меня это вопрос не праздный, отношения с учителями. Я думаю, что учителя воспринимаются как жрецы, своего рода. Я помню, как я пошел в школу, помню Александру Гавриловну, свою первую учительницу. Учитель, по сути, второй родитель. Он столько времени проводит с детьми! И эта нищенская зарплата... Не знаю, как сейчас, но год назад я был в Челябинске. Там учитель высшей категории получал шесть с половиной тысяч. Я думаю, в Питере повыше, конечно, но это все равно ужасно. В нашем насквозь коммерциализированном мире одно связано с другим. То есть отношение к учителю и то, как он дискриминируется финансово. И нехватка кадров тоже ощутима. И какой смысл говорить про образовательные стандарты, когда не понятно, что собираются сделать со школой, когда физкультуру хотят сделать чуть ли не главным предметом, пытаются сократить уроки русского языка и литературы, не понятно, что устроили с сочинением.

Я сам разговаривал с разработчиками этих основ образования. Каждый раз у них что-то но-

вое. Похоже, что они сами не читали, что предлагают. Я участвовал во многих дискуссиях уже по факту предложенных бумаг, они видят нестыковки, предлагают переписать снова, хотя все уже выносится на утверждение. Я не понимаю, как можно отказаться от сочинений? Я думаю, это ошибка. У нас всегда любят что-то менять, но каждый раз получается в худшую сторону. Потому что все надо апробировать. Надо учитывать, что имеется большая нехватка педагогических кадров. Часто прежние, чуть заржавевшие схемы работают лучше новых. А есть еще психологическая матрица, когда и отцы, и братья, иной раз даже бабушки с дедушками писали сочинения. А что теперь? Мне кажется, что очень важно, что человек сам что-то написал. Я, кстати, стараюсь, когда преподаю, дать какое-то задание, и часто оказывается, что половина класса пишущих! Очень часто любят фантастику, как вы знаете, но, тем не менее, есть эта страсть к письму и стремление реализоваться. И интерес к жизни, к достоверности.

Я с удовольствием читал Александра Мелихова в «Известиях», статьи. С удовольствием смотрел на «Росбалте» Вашу колонку. Мне кажется, что сегодня публицистика писателя очень важна, потому что фигура литератора укрупнилась. Может быть, это связано с тем, что энергия ушла из общественной действительности, и люди с бóльшим вниманием прислушиваются к тому, что говорит и пишет литератор.

Я, честно говоря, терпеть не могу какие-то телевизионные шоу, очень выборочно к этому отношусь, но в тех ситуациях, когда обсуждается что-то важное, мне кажется, что надо приходить, в том числе, чтобы доказывать, что литераторы еще существуют, что их голос должен быть услышан, что пространство смыслов тоже есть.

Мне кажется, что проблема в том, что утрачивается эта территория смысла, территория идей и даже территория идеального. Это то, о чем говорил Александр, романтизация действительности, даже через ужасное и трагическое. Это очень верное замечание. В этом и есть задача литературы. Мне кажется, когда мы говорим о ценностях, которые привносят учителя, эти ценности тоже как бы подрумянивают эту жизнь. Есть такой, во многом демагогический тезис, что всё должны решить в семье. Но родители сейчас настолько затюканы и не могут ничего дать, что дети либо сидят, сгорбившись, над айпадами и бесконечно расчленяют недругов в виртуальных сражениях, либо просто заброшены. И многое зависит от преподавателей, от того, как они рассказывают и что. Поэтому, на самом деле, это сложнейшая, это вдвойне бóльшая нагрузка, нежели просто изложить предмет. Нужно дать еще и благородный ракурс, может быть, даже следуя принципу, я сам обманываться рад, но заинтересовать в этих вечных вопросах, которые задает большая литература. В этом я вижу свою роль, когда я приезжаю в школу. Потом в социальных сетях мне пишут школьники, потому что все там сидят, и присылают какие-то свои наброски, тексты, стихи. Я стараюсь по-доброму им отвечать, чтобы как-то подбадривать. Потому что в этом, наверное, и состоит человек, в идеях, в том, чтобы еще мир идей присутствовал вокруг него. А этого нам всем не хватает.

А. М.: Я обычно называю это не идеями. Потому что идея — это что-то рациональное, а все, что рационально сформулировано, может быть рационально опровергнуто. Вот образ, то, что тебя чарует, без него человечество не могло бы жить.

Человек — существо не рациональное, а фантазирующее. Наша либеральная революция произошла во имя античеловеческой сказки. Все революции при всех их ужасных последствиях ставили перед собой какие-то высокие задачи — свобода, равенство, братство. Все эти сказки не осуществимы, приводят к крови, но это были красивые сказки. А сказка, ради которой мы разрушили свое государство, что надо чистые сортиры иметь и иметь колбасы два сорта вместо одного, привела к ЕГЭ, отказу от сочинения. Это избавление от ненужного балласта. Как герой моего романа «Нам целый мир чужбина», он сбросил все лишнее, все, что ему мешало, но оказалось, что в таком мире жить невозможно, в мире скуки и тоски. Впервые в истории, наверное, появилась сказка не возвышающая, а принижающая. Сейчас она вытаптывает красоту нашей жизни, литерату-

ру, искусство и, в общем, патриотические чувства. И если она когда-то победит, то человек перестанет существовать.

Вопрос: Как Вы относитесь к употреблению нецензурной лексики в художественных произведениях? Спасибо!

С.Ш.: Я отношусь отрицательно. Но, тем не менее, я могу обнаружить и в «Мертвых душах», и в «Одном дне Ивана Денисовича», буква «ф» там вместо «х». То есть, иногда, к месту, да, если отвечать коротко, но я стремлюсь к тому, чтобы этого избегать, разумеется.

Вопрос: Ремарку, если позволите. Предыдущий вопрос про премию был неслучайным. Потому что сегодня был объявлен Нобелевский лауреат по литературе. Им оказался китайский писатель, о котором известно пока только то, что его псевдоним переводится как «молчи», в чем есть некая литературная ирония. А вопрос в том, как Вы относитесь к тому, что те или иные литературные жанры сегодня постепенно отмирают? Можно ли это считать неким симптомом состояния общества?

С. Ш.: Жанры?

Вопрос: Да, жанры. Ну, например, умер газетный жанр фельетона, оды или эпопеи ушли в небытие. Да, и как Вы относитесь к литературной критике?

С. Ш.: Хорошо очень отношусь к литературной критике. Недавно я возглавил сайт «Свободная пресса», может быть, кто-нибудь слышал. Всем рекомендую. Я там главред, мой сотоварищ Прилепин шеф-редактор, и мы стараемся по выходным печатать разных литературных критиков, в том числе тех, которые не раз по нам проезжались — Сергей Беляков, Кирилл Анкудинов. И упаси Боже, подумать, что мы пытаемся их подмаслить. Абсолютно нет! Просто, когда человек талантлив, я прощаю ему все, в том числе, такую зубодробительную критику, которая часто мне кажется несправедливой. Куда ж без критиков? Есть несколько блестящих критиков, и часто они писали обо мне пакости, но ничего, Беляков, по-моему, очень интересный автор, сейчас у него должна выйти книга про Гумилева. Мне интересны также Пустовая, Ганеева.

А что касается «нобеля», я думаю, что очень часто получают и достойные писатели. Если назвать всех наших русских, которые получали, то это, конечно, крупные писатели. Другое дело, что каждый раз ясна и политическая подоплека. В данном случае и с китайцем все понятно, либо он где-то томится, либо еще что-то, но вряд ли он фанат КПК и краснознаменный автор.

Из зала: Он председатель Союза писателей.

С. Ш.: Как интересно, слушайте! Вот он, левый поворот! Да, повод призадуматься, кстати говоря. Но это можно вспомнить и Шолохова. Разрядка. Пытаются, видимо, купить китайцев.

Ведь Шолохову тоже решили дать, несмотря на все его страстные политические заявления с трибун. И Советский Союз благодарно принял, никто не говорил, что это из рук врага.

Вот я думаю таким образом! Не только экономическое сотрудничество идет, но и через культуру. Давайте, сейчас вашего поддержим. Но не берусь здесь судить, хочется окончательно разобраться в этом вопросе.

А что касается жанров, вопрос очень сложный. Где-то не хватает фельетонов, но где-то это, конечно, уже и рудимент, если перечитывать. Даже то блестящее, что писали Катаев и другие в журнале «Крокодил» в конце 20-х — начале 30-х годов.

Вообще, вот такого бытового сатирического очерка, с одной стороны, не хватает, с другой стороны, он и смотрелся бы не совсем естественно сегодня даже в каких-то подвалах газет.

Но встречаются и политические тексты. В «МК» я постоянно вижу, например, Станислав Белковский. Можно любить или не любить, но он пишет довольно остроумно, часто напыщенным языком, пытаясь высмеивать реальность. А есть, например, Прохановский стеб на «Эхе Москвы», еженедельный. Тоже такой гротеск очевидный.

А что касается бытовых текстов, да, их, наверное, не хватает. Но у нас же весь быт распадается! Это проблема нашей страны. У государства хватает сил только кого-то где-то прищучить и раздуть очередной полит. процесс, но проблема в том, что в бытовом плане все расползается на глазах.

Поэтому это не жалоба на отдельного сантехника, это уже магистральные проблемы изношенности всего — человеческих кадров и ресурсов. Мне кажется так. Эпопей нам точно не хватает.

Вопрос: В продолжение Ваших слов о том, что писатель должен бороться за своего читателя. Скажите, пожалуйста, Вам, как современному писателю, сегодня достаточно телеэфиров, газетно-журнальных полос, круглых столов, таких, как сегодня? Вы чувствуете достаточность этого? И где этот авангард общения читателя и писателя?

А. М.: Тут два компонента: достаточно ли литература представлена и достаточно ли у нее площадок для выхода на телевидении, на радио? Катастрофически недостаточно! Ощущаю ли я лично страдание от этого? Нет, не ощущаю. Я уже махнул на это рукой. Пригласили меня, выступлю! Не пригласили, и не вспоминаю! Потому что, в чем минус борьбы за премию, за выступление? Ты мельчаешь. Я не говорю, что это плохо, если тебя увидят, это хорошо!

У меня есть несколько литературных премий. Некоторые абсолютно честно получены, анонимно, например, за «Исповедь иудея», некоторые, не буду скрывать, потому что в жюри были мои приятели. Я сам бывал членом жюри, бывало, говорят, давай вот этого продвинем? Он и наш знакомый общий, и у него ребенок больной. Идешь и на это. Вот если бы там гениальное было что-то рядом, я продвинул, а я бы не пошел, тогда да. В общем, личный мотив всегда присутствует, потому что все друг друга знают. И если все примерно одинаковые, то в сторону своего этот дрейф происходит.

Когда начинаешь думать об этом, а как отнесутся? Как этот критик отнесется, что тот скажет, что этой премией поощряется? Как только я начинаю думать об этом, я мельчаю. Поднимается со дна души суетная часть. Я начинаю, что называется, мысленно угождать. И это убийственно. Ты должен быть абсолютно свободным и быть выше бытовых соображений. Потому что только так высокий образ человека у тебя рождается, представление о жизни как о чем-то высоком, ты чувствуешь близкими вечные ценности. А суета убивает в тебе писателя.

Вопрос: Что читает Ваш сын и не кажется ли Вам, что здесь нас побеждает зарубежная литература? Что-нибудь Вам известно в этой части литературы? Мне кажется, что если с самого детства ребенок не заинтересован, то потом трудно его пристрастить к чтению.

С. Ш.: Вы знаете, сначала Ваня заинтересовался. Я ему читал с самого детства Чуковского, «Бедная девочка Лялечка» декламировал. Но потом, к сожалению, он подсел на игры. Их сложно отнимать, так как его мама, писательница, считает это нормальным. Мы все время спорим по этому поводу, честно Вам скажу. Я тоже считаю, что надо смотреть не «Губку Боба», а добрые советские мультфильмы, даже «Простоквашино» можно. А что касается книг, да, я ему читаю заграничную книгу Сельмы Лагерлёф «Нильса с гусями». Вообще, он знает книги. Но не хватает катастрофически детской литературы. Мне предложили написать сказку. Я надеюсь, что напишу. И книгу собираюсь написать, и рассказ святочный. Какие-то стихи для ребенка я сам сочинял. Я постоянно рассказываю ему сказки. Потому что если посмотреть, что издается, то понятно, что это халтура не только по текстам, а и по иллюстрациям, не соответствующим сути. К сожалению, никаких контролирующих инстанций нет.

А. М.: Поскольку у меня был давний опыт воспитания, то я сыну читал только лучшие образцы Пушкина. Я вырастил писателя Павла Мейлаха, который по мрачности меня заткнул за пояс. Я по сравнению с ним Паустовский! Так что, не знаю, может быть, лучше бы он в игры играл, стрелялки.

С. Ш.: А просто он читал страшные вещи. Если почитать Александр Сергеевича, Лермонтова «ползет на берег, точит свой кинжал». Или про царевну и семерых богатырей.

А. М.: Может быть, Ваш сын будет счастливее моего!

Вопрос: Вот Вы много общаетесь с читателями. Сейчас вышло несколько книг, которые людям старшего поколения кажутся очень значительными. Во всяком случае, мы читаем это с дрожью в сердце. Я имею ввиду «Мой лейтенант» Даниила Александровича, Вы писали рецензию,

и книгу «Ложится мгла» Чудакова. Я считаю, что это две значительные книги для людей старшего поколения. Это очень серьезная литература.

Вопрос: Как Вы, общаясь с молодежью, думаете, будут они читать эти книги или они им уже не интересны?

С. Ш.: Да будут, наверное. Просто молодежь, ведь, разнородная. Можно спросить у любого поколения. Все мы, относительно, молодежь в этом смысле. Времени, вообще, не существует. Поэтому, конечно, эти книги останутся. Просто кто-то будет не сразу к ним подходить. Я думаю, они важны и существенны. Но здесь многое будет зависеть от самого преподавателя. Не хватает здесь, кстати, преподавателей, которые преподают на Кавказе, например. Пытаются нести русскую культуру. Ведь это реально врачует раны. А появление новых писателей? Алиса Ганеева, Герман Садулаев и многие другие, которые пытаются отчасти изжить, отчасти проговорить этот опыт. Это очень важно. Поэтому, мне кажется, что даже у новых писателей иногда возникают такие тексты, когда задаешься вопросом: а прочтут ли это? И в том числе, а прочтут ли это те, кто старше? Потому что это опыт новой войны. Один опыт связан с другим. Это неразрывная цепочка. Это такой круговорот ощущений в природе.

Я все думаю о том, что сказал Александр по поводу идеального. Может быть, действительно, идеи, как утопия, потерпели фиаско? Но порыв человека к красивой жизни сохраняется. Я верю в борьбу идей, и я верю, что в литературе возникнут романы, где сталкиваются идеи.

Сейчас будет возникать историческая проза, безусловно. Я тоже сейчас заканчиваю исторический роман.

Вопрос: У каждого писателя есть свой читатель. Необходимо, чтобы они нашли друг друга. Нужен, прежде всего, читатель. Вы, Сергей Александрович, критику прощаете, если он говорит очень резко. А прощаете ли Вы резкие слова читателю? И вопрос к обоим, бывали ли в вашей жизни ситуации, когда, получив одно, два, может быть, серию читательских писем, вам захотелось ответить художественным произведением?

А. М.: У меня таких примеров не было. К сожалению.

С. Ш.: У меня пока тоже не было, но я помолюсь за врагов своих.

[хроника]

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЬ–ДЕКАБРЬ 2013 ГОДА

(Продолжение, начало на с. 59)

28 — 145 лет со дня рождения Максима Горького, русского писателя и мыслителя (1868–1936).

30 — 170 лет со дня рождения писателя Константина Михайловича Станюковича, произведения которого посвящены в основном военно-морской тематике (1843–1903).

Апрель

12 — 190 лет со дня рождения драматурга Александра Николаевича Островского (1823–1886).

15 — 80 лет со дня рождения Бориса Натановича Стругацкого, писателя-фантаста, сценариста и переводчика (1933–2012).

15 — Международный день культуры.

23 — Всемирный день книги и авторского права.

Май

6 — Пушкинский День России.

7 — 110 лет со дня рождения поэта и переводчика Николая Алексеевича Заболоцкого (1903–1958).

12 — 80 лет со дня рождения поэта и прозаика Андрея Андреевича Вознесенского, известного поэта-шестидесятника (1933–2010).

Июнь

1 — 90 лет со дня рождения Бориса Андреевича Можаева, русского писателя-прозаика (1923–1996).

17 — 110 лет со дня рождения русского советского поэта и драматурга Михаила Аркадьевича Светлова (1903–1964).

Июль

13 — 85 лет со дня рождения Валентина Саввича Пикуля, русского советского писателя (1928–1990).

18 — 80 лет со дня рождения Евгения Александровича Евтушенко, русского писателя и поэта (р. 1932).

19 — 120 лет со дня рождения русского советского поэта Владимира Владимировича Маяковского (1893–1930).

Август

17 — 215 лет со дня рождения Антона Антоновича Дельвига, русского поэта и издателя (1798–1831).

Сентябрь

8 — 90 лет со дня рождения Расула Гамзатовича Гамзатова, выдающегося советского аварского и российского поэта (1923–2003).

(Окончание на с. 91)

К. А. Рогова

О «ПЕТЕРБУРГСКОМ ТЕКСТЕ» В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОПЫТ АНАЛИЗА ЦЕЛОГО ТЕКСТА)

KIRA A. ROGOVA

ON "PETERSBURG TEXT" IN MODERN FICTION (ENTIRE TEXT STUDY EXPERIENCE)

Я ловлю в далёком отголоске,
Что случилось на моём веку
Б. Пастернак

В статье с помощью композиционно-стилистического анализа выявляются доминанты смысла частей романа Д. А. Гранина «Мой лейтенант», организованного по хронологическому принципу, и его сквозных тем — человека в ходе событий XX века и Ленинграда / Петербурга как активного фона событий и значимой составляющей сознания персонажей.

Ключевые слова: отступление, оборона, дни голода, смертей, бомбёжек, демобилизация, трудный путь возвращения к жизни без войны, три повествователя как субъектная перспектива романа, душа и нрав Питера, чувство гордости: мы не сдались.

Composition and style analysis provided detects the dominating senses of Daniil A. Granin's "Moy Leytenant" ("My Lieutenant") parts and its prevailing themes (i.e. a person in the progress of the XX century events and Leningrad-Petersburg as an active background of the events and significant component of the characters' mind). The novel organized chronologically.

Keywords: withdrawal, defense, period of famine, death and bombing, difficult way of returning to peaceful life, three narrators as a subjective outlook of the novel, soul and character of Piter, "we didn't yield" — pride.

Обратившись к анализу рассказа М. Шолохова «Судьба человека», Б. А. Ларин определял свою задачу как «Раскрытие того, что „задано" в тексте писателя, во всю его колеблющуюся глубину», что можно назвать «спектральным анализом стиля», и пояснял: «Когда методы такого анализа будут отработаны, мы получим стилистику, о содержании которой нечего будет и спорить»[1]. В данной статье делается попытка последовать наставлению этого большого лингвиста. Что касается «петербургского текста», то напомним, что В. Н. Топоров, который ввёл это понятие, определял его как «устройство, с помощью которого совершается пресуществление материальной реальности в духовные ценности», что касается самого «текста», то он, по мысли автора, «сохраняет в себе следы своего внетекстового субстрата», создавая сильнейшее «резонантное пространство»[2].

Автобиографический роман Д. А. Гранина «Мой лейтенант» (2012)[3] был представлен критиками как роман о войне, как «книга и про себя, и про своих, едва ли не всех, уже ушедших товарищей. Памятник далёкой молодости» (А. Рубашкин[4]). Было отмечено, что автор «без малого через семьдесят лет после войны расширил канон военной прозы» (А. Мелехов[5]).

Кира Анатольевна Рогова

Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургского государственного университета
► krogova@mail.spbstu.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(Проект 13-04-00439 «Типология текста: от составляющих к динамике их взаимодействия»)

Соглашаясь с этими положениями, хотелось бы расширить рамки социальной и художественной значимости этого произведения, в котором проявлены черты, позволяющие рассматривать его как роман о XX веке, для осмысления которого, вероятно, наступает время[6]. К тому же, как роман, вписывающийся в «петербургский текст» русской литературы, и не только потому, что все его события происходят в Ленинграде.

Итак, *о времени*. Главные события происходят во время Отечественной войны на ленинградском фронте, но они связаны и с предвоенными годами, и, в значительной степени, со временем, последовавшим после войны. Поясним: роман состоит из трёх частей, которые самим автором не озаглавлены. ***Первая*** рассказывает о начале войны, прерывающей обычный ход жизни: *я с трудом добился, чтобы с меня сняли бронь и зачислили в ополчение* (С. 15), хотя после окончания института герой работал на оборонном заводе, расставание с друзьями, занимавшими большое место в жизни довоенного человека: *Мы расстались, уверенные, что ненадолго. Так или иначе мы их раздолбаем* (С. 16), наконец, с любимой девушкой, ставшей в первый месяц войны его женой: *Любовь моя разгорелась в июне 1941 года, разразилась неким решением к 22 июня, в тот воскресный день*... (С. 17).

Начинается та страшная полоса войны, когда ополченцы и армия, неподготовленные, неорганизованные, плохо вооружённые, отступают. Всё повествование «прошито» глаголами движения: *Весь день шли просёлками сквозь густую жёлтую пыль* (С. 34), «*Обходят!*» — *этот крик покатился по окопам... Кто первый побежал — неизвестно, я вдруг понял, что бегу вместе со всеми. Очнулся уже за деревней, впрыгнув в окопы* (С. 39); *Пошли ночью. Идёт по шоссе немецкая колонна. Чего они шли, непонятно* (С. 41); *Полк отходил. Вообще-то приказано было уйти из деревни на рассвете* (С. 42); *Я догнал своих далеко за деревней* (С. 43) и т. д.

Ритм отступления создаётся и перечислением оставляемых населённых пунктов: *Мы вцепились в землю на правом берегу Луги... Где-то посреди августа пришлось всё же покинуть Лужские укрепления* (С. 49, 50); ...*штабники* (врага. — *К. Р.*) *перечислили такие посёлки и пригороды: Любань, Тосно, Гатчина, Рождествено, Тайцы*... (С. 67). *В полдень остатки полка отошли в Пушкин* (С. 81).

Постоянно присутствующим оказывается и мотив неготовности к войне, неумения воевать: *Отступать Красную Армию не учили. Так, чтобы отойти до того, как тебя окружили, увезти орудия, спасти медчасть* (С. 49); *Неопытность была во всём — в войне, в любви, продуктовых карточках. Никто не запасался продуктами, никто не думал про эвакуацию* (С. 23); *Судьба Ленинграда, судьба страны — всё затрещало, всё рушится* (С. 30); *Ничего, разберёмся. Сейчас надо не самолётов наших ждать, не танков, надо драться тем, что есть, — кулаками, зубами, выхода нет. Одолеем, если не оробеем* (С. 34).

Первая часть заканчивается описанием страшного налёта вражеской авиации: *Подошли к Пулкову, с высоты открылась равнина, вся усеянная фигурками людей... Показались немецкие самолёты... Бежали кто куда, но всё к городу, к горизонту, обозначенному каменными корпусами* (С. 94). Центр событий перемещается в город.

Вторая часть описывает события на ленинградском фронте, где не было решающих боёв и героических сражений: город и фронт, слившись воедино, держали оборону в нечеловеческих условиях голода, холода, смрада, грязи, цынги. Повествователь рассказывает о своём страшном открытии: 17 сентября на южных подступах к городу линия обороны отсутствовала. Эпизод, описывающий осознание этого, повторяется дважды: в конце первой части и в начале второй. После бомбёжки, уничтожившей остатки отступающего полка, герой старается добраться до города, чтобы сообщить о происходящем: «*Надо было двигаться, бежать, петлять, мчаться. Д. очнулся от взрыва, когда от полка никого не осталось, куда-то делся Иголкин, сам Д., хромая, очнулся на Средней Рогатке у кольца трамвая. Он сел в вагон отдышаться. Подошла крашенная огненным стрептоцидом кондукторша, потребовала купить билет. Д. тупо смотрел на неё. „Вы что не видите, что творится?“ — сказала какая-то тётка. — „Если б он ехал на фронт, я бы с него не спрашивала“. Д. закрыл глаза*» (С. 95).

Позволим себе привести цитату, начинающую вторую часть: «*День 17 сентября 1941 года становился загадочнее. Дрёма словно рассеивалась. На трамвайном кольце он сел в вагон. Трамвай с лязгом тронулся. К лейтенанту подошла кондукторша. С большой груди у неё свисали рулоны билетов. У лейтенанта не оказалось денег, его рассмешил абсурд ситуации. Город открыт для оккупантов, никому до этого дела нет, извольте платить за проезд. Напрасны твои смешки. Если б на фронт ехал, мог бы без билета, а с фронта — плати без разговоров!*» (С. 105).

При почти буквальном совпадении отрывков они принципиально отличны: первый воспроизводит ситуацию, участником которой является герой, второй — передаёт её содержание как тревожащее его воспоминание. Уже первые предложения свидетельствуют о том, что эпизод продолжает жить в сознании персонажа, прямая речь кондукторши преобразована в несобственно-прямую, она уже не звучит, а воспроизводится в памяти героя. Персонаж подспудно, на протяжении всей жизни хранит про себя вопрос: ***почему тогда немцы не вошли в город***? Этот же вопрос и поиски ответа на него становятся своего рода лейтмотивом романа.

Тем не менее всё время блокады заполнено «стабильной» фронтовой жизнью: *Был участок — от подбитого грузовика до железнодорожного переезда. Два с лишним километра. Окопы, землянки, ходы сообщения, пулемётные гнёзда, было своё батальонное кладбище, закопанные танки — живи не хочу... В ту осень и зиму мы держали оборону у Шушар, через поле раскинулся перед нами Пушкин, его парки, был виден дворец... пушкинские дворцы мешали нам воевать. В том смысле, что не было сил палить по ним, несмотря на ожесточение ленинградской блокады, на ненависть, накопленную за эти страшные дни голода, смертей, бомбёжек. Приходилось стрелять в их сторону* (С. 164–165).

Очевидно меняется стилистика высказывания: повествовательный строй первой части сменяется описательным с его номинативными перечислениями, в ряды которых попадают бытовые детали: оружейная смазка для сапог, одни ножницы на роту, для курева кремневые камешки и т. д. Появляется спасительная ирония (своё кладбище / живи — не хочу), парадоксальность ситуаций (дворцы мешали нам воевать). Но это лишь фон войны, делающей своё дело: *Смерть перестала быть случайностью. Случайностью было уцелеть* (С. 80). Гибель на глазах героя товарища, собиравшегося сообщить ему новость: — *Старик, слушай сюда... — и вдруг глаза его удивлённо расширились... Ни он, ни я не понимали, что происходит... Не смерть пришла, а удалилась жизнь, унесла Женю Левашова, весь его мир, единственный, небывалый, все его рассказы-небывалки* (С. 182).

Это *вдруг*, обладающее способностью изменять направление повествования, сообщая о неожиданно случающемся (В. Н. Топоров, Е. В. Падучева), и в данном случае переключает на абсолютный смысл войны: её «будни» — это только внешняя сторона, сущность не меняется: *смерть летала среди запахов зелени и нагретой земли* (С. 80), в каждый момент и каждый раз «вдруг» *кто-то отправлялся в вечность* (С. 81).

Мотив неумения воевать преображается в понимание и осуждение безжалостного отношения к солдату: *У начальства выигрывал тот, кто атаковал, кладя людей без счёта, кидая в бой всё, что мог, кто требовал ещё и ещё, кто брал числом, мясом* (С. 162), находящее выражение в экспрессивных речевых формах

Третья часть — *Январь 1945 года... Я демобилизован. Отозван из действующей армии как специалист. Энергетик* (С. 232). Эта часть посвящена трудному возвращению героя к мирной жизни: *Демобилизованные гуляли. Мы узнавали друг друга в шашлычных, в пивных, в забегаловках. Фронтовики* (С. 237) и трудностям самой этой жизни, прежде всего — бытовым (*приезжаю, застаю вот эту картину. Надо было застеклить окно, раздобыть стол, стулья, кровать. В блокаду соседка всё сожгла. А на работу в «Ленэнерго» надо к 8 утра, а возвращался поздно вечером. В перерыв поезжай за молоком для маленькой на молочную кухню, не помню, как она тогда называлась. Вот так начиналась наша жизнь послевоенная, хотя война ещё продолжалась. Где-то. В Европе. Без меня* (С. 240). Трудности были связаны и с ра-

ботой, и не с самой работой, а с тем, в какие ситуации попадал даже средний руководитель: *Подписка на заём проходила скандально...Ольга Лебедева орала: — я уже всё отдала — и отца, и мужа для Родины, так что не вам меня агитировать, у меня четверо иждивенцев, четверо! Ты, что ль, будешь их кормить? Чтоб я на ваш сраный заём подписалась. Пропади он пропадом!* (С. 248). И непониманием и несогласием со многим из происходящего (например, глава «Ленинградское дело»).

Эта часть романа, если первая в основном ориентирована на повествование, вторая — на описание, представляет собой своего рода набор сообщений и озвучена во многом как бытовой рассказ, включая приёмы речи, характерные для повседневного общения, здесь много прямой речи, диалогов: *Нам будет лучше, если ты вернёшься... Он догадался, но захотел услышать. — Откуда? — С войны, из танка* (С. 286). Последняя глава романа «Экскурсия» (С. 304) вводит в события наших дней: побывав на открытии немецкого кладбища, Д. гуляет по городу с немцем — бывшим участником войны, вспоминая о тех, теперь уже далёких, событиях.

Как видно, части романа хронологически выстроены, что формирует романный сюжет, охватывая, как отмечалось выше, значимые события советского периода в жизни страны. Внутри каждой части её главки, имеющие названия, более свободны в своей последовательности: написанный от 1-го лица текст подчиняется ходу воспоминаний, которые, по словам автора в его биографической книге, состоят «из отдельных сценок, поступков... Годы не хотят выстраиваться в шеренгу...» (3., с. 38). При этом, как мы старались показать, каждая часть организована как стилистическое единство, подчинённое смысловой доминанте. Это тем более значимо, поскольку в текст введено несколько повествователей.

В аннотации к книге, как и в высказываниях критиков, о которых говорилось выше, отмечается тот факт, что «на страницах романа живут каждый своей жизнью два разных человека: один — молодой, импульсивный, дерзкий, романтичный, а второй — мудрый, знающий цену жизни и научившийся противостоять обстоятельствам» (С. 2). Это, несомненно, так, однако и здесь ситуация оказывается более сложной.

Об *образах повествователя*. Итак, в тексте два основных повествователя, рассказ в обоих случаях ведётся от первого лица, но сами эти перволичные контексты построены по-разному, чему способствует потенциал языковых форм ед. и мн. числа существительных и вида и времени глагола. Конкретизация в повествовании, ориентация на действующее лицо, его поступки, следующие один за другим, как и меняющиеся «реакции» окружающей среды (перфектные формы с имперфектными, задерживающими на момент это движение), непосредственно соотносят повествование с действительностью: *Сколько было этих штурмовиков, не знаю. Для меня небо потемнело от самолётов. Чистое, летнее, тёплое, оно загудело, задрожало, звук нарастал. Я скатился с насыпи, бросился под ближний куст, лёг ничком, голову сунул в заросли... Они (самолёты) все старались попасть в меня, они неслись к земле на меня, так что горячий воздух пропеллеров шевелил мои волосы* (С. 7); *Я был раздавлен страхом. Сколько во мне было этого страха* (С. 9). И тогда, когда повествователь рассказывает не о действии, а о своих размышлениях, принцип остаётся прежним: *Следующие бомбёжки воспринимались иначе. Я вдруг обнаружил, что они малоэффективны... Я поверил в свою неуязвимость* (С. 10).

Второй повествователь — аналитик, не только вспоминающий, но и оценивающий события военных лет: *Я пользуюсь своим личным опытом, думается, что примерно тот же процесс изживания страха происходил повсеместно на других наших фронтах. Страх на войне присутствует всегда. Он сопровождает и бывалых солдат, они знают, чего следует опасаться, как вести себя, знают, что страх отнимает силы* (С. 11). Таким образом, в тексте звучат разные голоса, принадлежа одному Д., но в разную пору его существования (второй точно обозначает своё время: *С началом XXI века у немецких историков стали публиковаться кое-какие материалы, но решающим для меня стал случай* (С. 106)).

На фоне только что приведённой цитаты отметим, что лейтенант Д. противопоставлен

второму повествователю не только по возрасту. В нём живёт молодой человек советского времени: он безоговорочно верит в силу Красной Армии, проявляет настойчивость в приёме в ополчение, ни при каких обстоятельствах у него не возникает мысли о возможности сдаться в плен, вступление в партию оказывается одним из тёплых воспоминаний того времени: *Елизаров хотел, чтобы мы вступили в партию. К этому времени возможности удерживать оборону становилось всё меньше... Витя Ломоносов сказал, что ему в партию нельзя, он из раскулаченных, я тоже спросил, могу ли я, у меня отца выслали, он лишенец, меня за это в комсомол не приняли. «Ничего, — сказал, — Елизаров, — сейчас положение другое». Речь его стала вдохновенной. Ныне вступить в партию, считал он, это душевный подвиг, это требует бесстрашия. Если погибать, то с гимном, во имя идеи, как борцы с фашизмом, как защитники советской земли* (С. 121).

Кардинальные отличия в мировосприятии второго повествователя комментируются им самим: *лейтенант — человек другого поколения. Нас разделяет целая эпоха. Он верил в Победу, цена не играла для него роли, и никакие неудачи, ошибки не могли затенить того факела, что светил ему вдалеке...* (С. 97). Конец фразы может быть интерпретирован как те светлые надежды и ожидания, которыми жил весь советский народ и которые оказались обманутыми. Не с этим ли связана и реплика автора романа в диалоге-эпиграфе:

— *Вы пишете про себя?*

— *Что Вы, этого человека уже давно нет.*

Тема сомнений появляется во второй части романа (в достаточно категоричной форме — *сомнения распирали*): *Откровенность техника подкупала. Д. решил поделиться с ним сомнениями, которые распирали его. Неужели за четыре месяца войны наши истребили и взяли в плен четыре с половиной миллиона немцев?* (С. 157). В третьей части эта тема звучит всё отчётливее: Возвращаясь рано утром с поминок ... *он присел на скамейку, ещё мокрую от росы. Никого. Нигде. Он вспомнил то утро в Пушкине и как они уходили. Увидел себя, лейтенанта. — Мать родная, неужели это ты? — лейтенант оглядел его, жалостливо покачал головой. — Что с тобой случилось? Всё началось с того, что пропал Михаил Иванович. Об этом говорили вполголоса... «А что я могу? Что?» — огрызался он лейтенанту — «Дурак ты парень, ничего ты не понимаешь»* (С. 284)[7].

Сомнения, непонимание, вызвавшие жалость лейтенанта, — приметы ещё одного повествователя — тоже Д., но человека 50-х годов: *Когда Сталин умер, плакал не я — мой лейтенант. Он стоял у репродуктора на кухне, слёзы катились сами по себе... Сталин был жесток, неоправданно жесток в войну, совершал ошибку за ошибкой, перекладывал свою вину на других и этих, других, казнил. Но мы победили... Сколько было неудач... Но мы победили... Он не жалел солдат... Но мы победили. Так твердил мой лейтенант в своих горестных рассуждениях. Я разделял его горе и не упрекал* (С. 290).

Тяжелейший период раздвоения — речевой контраст, повтор — меняет облик героя-повествователя, ставит его перед той вечной проблемой, которая порождена в литературе «петербургским текстом». Так, В. Н. Топоров отмечал, что именно этот текст отмечен первым опытом постановки темы «простого» человека и истории, частной жизни и государственной политики (ср.: «Медный Всадник»)[8].

Но не всё в поведении лейтенанта может объяснить и анализирующий зрелый Д. Тогда в тексте появляется ещё один повествователь — рассказ ведётся от 3-го лица при «всезнающем» авторе. Таких главок в тексте немного, но они очень значимы. Это а) случайное исполнение лейтенантом должности командира полка и его снайперское приключение; б) осмысление отношений с женой как внутренняя речь героя и в) его поездка по письму старого товарища-фронтовика, которому он старается помочь. Каждая из описываемых ситуаций связана с особым эмоциональным состоянием персонажа, включая этическую составляющую.

А. Неожиданно и совершено случайно лейтенант во время отступления, оказавшись один в штабе полка, получает даже не приказ, а просьбу *пока что остаться за начальство на связи* (С. 78). *То, что происходило дальше, происходило не со мной,*

от меня отделился лейтенант Д. Не подозревал, что во мне существует такая личность. Поначалу действия Д. были вынужденные, скоро, однако, голос его обрёл твёрдость. Д. подтянул ремень, расправил плечи, теперь он не просил, он приказывал (С. 79). Всё дальнейшее описывается в повествовании от 3-го лица. Под его, лейтенанта, командой оказываются остатки полка, которые отошли в Пушкин. Все его действия адекватны ситуации: Д. срочно отправляет ПТР-ы по назначению, пытается остановить уходящие танки, прикрывает отход пулемётчиков, следит за погрузкой раненых, оказывается перед необходимостью расстрелять дезертиров (к счастью, миномётный обстрел меняет ситуацию), выслушивает горькие слова смотрителя музея о неумении воевать, назначает командиром писательского взвода совершенно не подходящего для этого поэта Лифшица и т. п. В результате налёта авиации в районе Шушар он теряет остатки полка и становится свидетелем незащищённости города перед наступающим врагом. Доклад об этом в штабе фронта ставит его на грань расстрела. Так он на себе испытывает всё то (тематическая цепочка глаголов), что выпадало на долю командира и со стороны часто казалось неумелым и даже бессмысленным. Рассказать обо всём самому кажется невозможным. Тут нужен своего рода наблюдатель, роль которого и выполняет автор романа.

Второй эпизод связан с желанием лейтенанта «побывать снайпером». Всё, что происходило, рассказано в той же третьеличной форме с переходом к несобственно-прямой речи: *уходил в предрассветных сумерках, залёг, ждал, мелькнула голова в вязаной шапке. Сейчас...выстрел. Кажется, попал. Убил...убил... Или ранил... Или промах* (С. 171). Само это событие находит продолжение в диалоге с лейтенантом Медведевым, намечая тему совершения убийства, которая мучает даже на войне, переходя к мысли о неизбежности ненависти, но одновременно и о том, *может ли она быть преимуществом, а тем более источником силы?* (С. 75).

Б. Та же третьеличная форма повествования, вклиниваясь в нарратив, передаёт размышления героя, сопровождающие рассказ о его послевоенной семейной жизни, приобретая черты несобственно-прямой речи: *Ребёнок заплакал. Римма взяла дочку на руки, стала укачивать и сама заплакала. Дети чувствуют ссору...Д. не выносил её слёз, он видел её плачущей дважды... Он сидел, поплёвывал на брусок, точил нож. Им резали хлеб, щипали лучину для растопки. Это была не бедность, а неустроенность. По-настоящему ещё не было дома, они не начинали жить вместе. Он вдруг увидел, какая она молодая и какой он старый. Обида помешала ему помириться. Оправдываться он не стал. Он просто сказал: «Я поеду». В поезде он продолжал рассматривать своё расположение в этой жизни* (С. 261). Но больше в этой жизни было светлых минут и счастья: *Но вот прижала его голову к себе, он обхватил её руками, сам прижался. Зачем ей было всё остальное, гори оно огнём, если они вместе* (С. 287).

В. Рассказ о поездке в незнакомый город к боевому товарищу, который потерял зрение и нуждался в помощи, тоже ведётся в третьеличной форме: *Нежданно-негаданно Д. получил письмо от Клима Васильчука* (С. 258). Эта глава «Должок» информативно насыщенна. Она содержит сообщение о трудностях, связанных с получением отпуска на предприятии (примета времени), об эпизоде на войне, где товарищ защищает честь героя, о чисто материальных (в широком смысле) трудностях послевоенного времени. Сообщение в первом лице об их преодолении героем этически невозможно. На помощь опять приходит наблюдатель, сохраняя при этом активную роль персонажей, включая их диалоги.

Итак, роман обнаруживает очень сложную «*субъектную перспективу*»[9], которая формируется не только тремя персонажами разного возраста в соответствующие периоды жизни страны, но и разными образами повествователя, в том числе включением самого автора, использующего третьеличную форму, функционально обусловленную, способную сообщить о событиях и ситуациях, рассказ о которых от первого лица эмоционально и этически практически невозможен: складывается два параллельно развивающихся сюжета — событийный и нравстенно-психологический, что и делает роман **повествованием о событиях жизни и самоощущении человека**

XX века. При этом такт, бережное отношение к своему персонажу при оптимальной достоверности изображения является одной из основных черт «петербургского текста».

О городе. Его присутствие в романе органично, с одной стороны — это фон, с другой — некий постоянно включённый в события персонаж. Выше мы уже отмечали присутствие городской топонимики, которая становится средством создания целостности романного пространства: это районы и улицы города (герои ищут загс: улица Чайковского, Владимирская, площадь Стачек; Невский с кафе «Норд», Средняя Рогатка), его пригороды (см. выше), достопримечательности (Летний сад, Марсово поле, Эрмитаж, Малый зал Филармонии, Дом книги, к ним же отнесём Политехнический институт, Ленэнерго и др.).

Начавшаяся война обостряет связь героя с городом: отступая, не имея контакта с основными силами, на реплику встреченного майора *Вот и ваш Ленинград накрылся*, лейтенант отвечает: *«Не верю. Ленинград никто никогда не брал». Чтобы на Невском висели флаги со свастикой. Из репродукторов неслись немецкие марши... Невозможно* (С. 68) — экспрессия тройного отрицания.

Описание осаждённого города вводится в текст постепенно, отдельными штрихами, таким, каким его видели из своих окопов солдаты: *За спиной еле обозначенный горизонт был пуст, ни одного огонька не светило из огромного города. Изредка вспыхивали прожектора, гасли* (С. 124); *Ночью было видно, как горел Ленинград. Издали пламя казалось безобидным и крохотным. Первые дни мы гадали и спорили: где пожар, что горит — и каждый думал про свой дом, но мы никогда не были уверены до конца, потому что на горизонте город не имел глубины. Прошёл месяц октябрь, затем ещё, ещё... Город всё ещё горел, и мы старались не оглядываться* (С. 133).

Страшная картина блокадного Ленинграда, многократно описанная, в том числе и автором романа, здесь нашла неожиданное представление — глазами двух пленных немцев и ведущих их в штаб наших солдат: *Мы вышли на шоссе и двинулись прямо на город. Он был перед нами. Хочешь не хочешь, мы должны были смотреть, как он разворачивался впереди со своими шпилями, и трубами, и соборами, и дымными столбами пожарищ, поднимавшимися то там, то тут, такие толстые прямые колонны с завитками наверху... Шелестя, проносились над нами невидимые снаряды и взрывались где-то посреди города... Мы держали оборону, мы защищали город, а они всё равно добирались туда через наши головы, они били, били каждое утро, после обеда, перемалывая город в камень...* Как видно, в описании присутствуют все привычные составляющие городского пейзажа[10] (шпили, соборы, трубы), однако включенные в перечислительный ряд со *столбами пожарищ, похожих на толстые колонны*, они не способны вызвать былых ассоциаций. И немцам тоже «было не до красот»: один из них, молодой лейтенант, ровесник нашего героя, не может поверить в то, что всё, что он видит, — мёртвый старик в вагоне вмёрзшего в снег трамвая, рухнувшая стена дома, который стоял как в разрезе[11], девушка-старушка, опирающаяся на палку-ножку столика, — не сон: *Невозможно... Жизнь не может быть так ужасна... Сон... Это не реально... Всё пройдёт... Боже, сделай так, чтобы я проснулся! Я хочу проснуться. Это всё не со мной... Это не я* (С. 147–148). Он ищет спасения в этом сне, потому что признание того, что он видит, действительностью ведёт к безумию.

Эпизод романа не оставляет сомнений в том, что стойкость Ленинграда превосходит всё доступное человеку, но случайна ли она? С. С. Аверинцев вспоминает о том, что ещё в 1922 году Мирский говорил о Петербурге как «столице Культуры Вечности», и отмечает, что «её культурная традиция была уже давно ориентирована на дисциплину, на абсолютные мерила». В уже упоминавшейся работе В. Н. Топорова говорится о постоянном присутствии «ужаса жизни», потрясавшего сознание и совесть петербуржца (в силу множества причин, связанных с историей и функцией города), что и вызвало «в конечном счёте к жизни Петербургский текст как противовес ему и преодоление его».

Преодоление становится основным мотивом в теме города и в третьей части романа: *Город*

зиял развалинами, кое-где огороженными заборами, и синей краской — сохранились надписи: «Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле». Ещё на окнах оставались кресты, много окон было зафанерено (С. 238). И даже в таком виде город обладал какой-то особой силой: для его восстановления из ближайших областей вербовали лимитчиков — *«деревенских людей, чернорабочих, это был псковский, вологодский народ, диалект, телогрейки, семечки. Для них непривычен был и трамвай, и «Пассаж», и дворовые помойки. Но что делать. Однако город пересиливал их сельские привычки. Что-то было в Питере, душа, что ли, нрав, то, что не позволяло растворить питерскую культуру. Они, приезжие, не ведали, чем была для города блокада и что это за надпись... Разбирали завалы. Работали наспех. Горожанам негде было жить...* (С. 243).

Постепенно город обретает свой настоящий вид: *Невский — это проспект для гуляния, и вот наконец, к нему возвращались его друзья* (С. 251).

Приведённые примеры описания города обращают на себя внимание включением в свой состав эталонных компонентов, которые, называя реалии, вносят одновременно их характерные признаки в восприятии людей ленинградской культуры описываемого времени. Будучи непривычными для сегодняшней действительности, они, тем не менее, понятны, хотя и обладают дополнительной образностью, выводя при чтении из автоматизма восприятия.

В двигающемся, меняющемся мире неизменной остаётся природа. Она в романе сохраняет устойчивость, не включаясь в суетный процесс человеческого бытия[12]. Так после страшной бомбёжки природа «возвращалась к своим делам. Ей неведом был страх» (С. 10); Небо, украшенное пухом облаков, очнулось, совершенно неповреждённое небо. Ещё трещало горящее здание вокзала, сараи, но летний полдень возвращался к своим делам. Каждый раз в моей солдатской жизни неповреждённость мира будет поражать, привыкнуть к этой безучастности природы невозможно (С. 32). Ключевым становится неповреждённость мира даже в условиях нарушения человеческих устоев.

Как и почему происходят трагические события в жизни людей? Это ещё одна константа романа, ещё одна его ведущая тема — ищущая объяснений мысль. Будучи свидетелем наступления врага, участником боёв, ведущих к отступлению до самого города, наблюдая страшную картину его открытости на южной окраине, повествователь пытается найти объяснение тому, что «немцы не делали попыток прорваться в город» (С. 106). В содержание первой части автор включает фактический материал: он сообщает о знакомстве в 2003 году с сыном командующего войсками на Ленинградском фронте фон Лееба и чтении дневников его отца, из которых стало ясно, что при ненависти Гитлера к городу, при наличии плана, «по каким улицам Ленинграда будут двигаться немецкие части», и подготовке 50 армейского корпуса и полицейской дивизии “SS” для входа в город — приходит указание «В город не входить» (С. 109).

В тексте находим попытки объяснить этот приказ: наступлением на Москву, на чём необходимо сосредоточить силы, усталостью дошедших до города солдат и т. п. Но, главное, «В Берлине решают — подождать, *Ленинград должен сдаться*», как пал Париж и другие города (С. 110). Этот тезис приобретает особое значение. Информация, введённая в текст, становится основанием для главного вывода в рассуждении: оборона города, стойкость его жителей приобретают абсолютное значение, что находит разрешение в диалоге с бывшим немецким офицером, кончающим роман, его практически последней реплике:

— Сказочный город... — Густав помолчал и добавил: — хорошо, что он уцелел. Что мы не вошли сюда.

— Хорошо, что мы не сдались, — сказал я.

Конец кажется прозрачным, но в пространстве романа «мы не сдались» не имеет прямолинейного наполнения, непосредственное противостояние — главное в его сюжете — дополняется множественностью составляющих самой жизни. Здесь было много и до конца непостигаемого: произошло чудо, как утверждал «один священник, умница»: *Но я не хотел согласиться с ним... И в то же время и тогда и теперь я ощущаю чудо спасения Ленинграда, казалось бы обречённого* (С. 110; 314);

к тому же *Гитлер круто изменил решение и дал указание в город не входить. Он был мистик, его посещали предчувствия, озарения* (С. 308–309). Загадки истории до конца не разрешимы.

При всём, что мы смогли прокомментировать в романе, стараясь показать широту охвата в нём действительности, нравственно-психологические изменения в характере человека XX века, включённость и роль культуры в том, что происходит в обществе, — все те черты, которые заложены в традициях «петербургского текста» русской литературы, важнейшим остаётся всё-таки нравственный подвиг Ленинграда. Д. А. Гранин пишет: «Я считаю, что страдания ленинградцев в блокаду не должны пропасть, не должны остаться втуне, ведь эти страдания требовали огромной духовной стойкости, требовали решения каких-то мучительных и важнейших нравственных проблем, проблем совести» (З., с. 56). На этом фоне знаменательно появление произведений о блокаде, авторами которых являются молодые люди, отделённые от войны десятилетиями. Назовём повесть Вадима Левенталя «Доля ангелов»[13]. Она может стать предметом специального разбора. Здесь же мы только отметим глубокое проникновение в жизнь блокадного города и стремление художественно осмыслить роль человеческого достоинства, утрата которого ведёт к поступкам, выходящим за границы общих страданий и бед.

Что касается языка романа Д. А. Гранина, то его особенности, как мы старались показать, обнаруживаются не только в найденных адекватно смысловым доминантам стилистических формах повествования и использования экспрессивно-эмоциональных средств, но и в строгом отборе языковых средств при ведении основных тематических линий повествования. Подобного рода наблюдения могли бы включаться в решение проблемы выявления и описания в каждом языке на базе типовых ситуаций употребления «универсального лексического набора, состоящего из универсальных лексических значений»[14].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Ларин Б. А.* Рассказ М. Шолохова «Судьба человека» (Опыт анализа формы) // Нева. 1959. № 9. С. 204

[2] *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. 1995. С. 259.

[3] *Гранин Д. А.* Мой лейтенант. М., , 2012. В дальнейшем цитируется это издание, в скобках указывается страница. Одновременно Д. А. Гранин выпустил книгу воспоминаний и размышлений — «Заговор» (М., 2012). В дальнейшем при цитировании в скобках указывается название (З) и страница.

[4] *Рубашкин А.* Гранин написал о «человеке, которого уже давно нет» // Невское время. 2011, 20 дек.

[5] *Мелехов А.* Новый Гранин: Даниил Гранин. Мой лейтенант // Знамя. 2012. № 6.

[6] Этому же посвящён и роман А. П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», который в своей основной части рассказывает о «жизни русских интеллигентов, вовремя направивших свои стопы» из столичных городов в Сибирь, в Среднюю Азию, и там, «переживавших тридцатые годы», сберегавших внутреннюю независимость, которую смогли передать своим потомкам (см. размышления об этом слое русской жизни: *Аверинцев С. С.* Опыт петербургской интеллигенции в советские годы — по личным впечатлениям // Новый мир. 2004. № 6).

[7] Сравнивая положение советской интеллигенции в Москве и Ленинграде, С. С. Аверинцев писал: «В советские десятилетия для города, именовавшегося тогда Ленинградом, была, как правило, свойственна большая, чем в Москве, жесткость репрессивно-идеологического климата. Ленинград был в свое время едва ли не эпицентром сталинских репрессий. Но и позднее, в послеоттепельные года, когда московская интеллигенция могла наслаждаться (смягчением режима), питерская жизнь была существенно иной» (*Аверинцев С. С. Указ. соч.*).

[8] *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избр. М., 1995. С. 259–367.

[9] О субъектной перспективе см., напр.: *Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 229 и след.

[10] Этот пейзаж в своём классическом виде появится в тексте в конце романа в эпизоде показа города героем немецкому гостю (С. 306).

[11] Известная картина В. В. Пакулина: дом на углу Моховой и Пестеля.

[12] Весь текст романа «синтетичен», что по наблюдениям В. Н. Топорова тоже составляет черту «петербургского текста»: он постоянно вызывает ассоциации с произведениями / строками поэтов XX века: А. Твардовского, В. Маяковского и др. В данном случае — с поэмой С. Есенина «Весна»: *А ночью / Выплыла луна.../ Она была лишь не видна / Из-за людской / Кровавой драки.*

[13] *Левенталь В.* «Доля ангелов» // Четыре шага от войны: Сб. СПб., 2010.

[14] *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* Ю. Д. Апресян как теоретик грамматических конструкций // Слово и язык: Сб. ст. к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2011. С. 555, а также: *Рахилина Е. В., Плунгян В. А.* О лексико-семантической типологии. URL: http://aquamotion.narod.ru/3-Rakhilina-Plungian.pdf

Н. Г. Бабенко

НОВАЯ СТРАНИЦА ПЕТЕРБУРГСКОГО ТЕКСТА:
ПОЭТИКА ПОВЕСТИ ЕЛЕНЫ ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ ЖЕНЩИН»

NATALYA G. BABENKO

NEW PAGE OF PETERSBURG TEXT:
POETICS OF THE NOVEL "THE TIME OF WOMEN" BY HELEN CHIZHOVA

Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна.

Петр Вайль. Гений места

Статья содержит анализ таких аспектов авторской интерпретации Петербургского текста, как тип повествования, временная и пространственная организация, репрезентация семантических оппозиций «жизнь / смерть», «мужское / женское», «природное / культурное», «свое / чужое», «материальное / духовное».

Ключевые слова: Петербургский текст, Елена Чижова, авторская интерпретация.

The article covers such aspects of expressing author's interpretation of the Petersburg text as a type of narrative, temporal and spatial organization of the text, representation of semantic oppositions "life / death", "masculine / feminine", "natural / cultural", "own / others"', "material / spiritual".

Keywords: Petersburg text, Elena Chizhova, author's interpretation.

Петербургский текст (далее — ПТ) пристально, любовно, а то и пристрастно рассматривается специалистами разных областей гуманитарного знания как уникальный и принципиально незавершенный, не подлежащий завершению сверхтекст. Каждое новое литературное произведение петербургской «привязки», его автор и читатель (то есть все участники литературной коммуникации) естественно и неизбежно втягиваются в семантическое пространство ПТ, подпадают под его влияние и вступают (в меру своих творческих и культурных возможностей) в активное (согласное или конфликтное) общение с ним.

Наталья Григорьевна Бабенко

Доктор филологических наук, профессор кафедры славяно-русской филологии Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
▸ slavphil@newmail.ru

Цель настоящей статьи — демонстрация того, как повесть Елены Чижовой «Время женщин» [7], вышедшая в свет в 2010 году, соотносится в своей поэтике с ведущими характеристиками Петербургского текста, выведенными в ставшем классическим труде В. Н. Топорова «Петербург и „Петербургский текст русской литературы“» [6], а также в работах его последователей. Именно Топоров определил источники, содержательные константы (= концептуальные смыслы) Петербургского текста и описал гарнитуру лексических средств, эксплицирующих эти константы, то есть осмыслил структуру и создал словарь ПТ и тем самым, образно говоря, отлил матрицу ПТ.

По мнению И. Калинина, «Топоров пытался выявить не просто устойчивую семантику, закрепившуюся за формальной организацией текста, а некое семантическое ядро, продуцирующее определенный порядок в реализации содержательных структур текста. Его интересовала

"память текста", причем не память, ретроспективно интерпретирующая претексты, а активная проективная память, отвечающая за сами механизмы текстопроизводства» [1]. Как известно, «механизмом текстопроизводства» и мощным регулятивом читательского восприятия является поэтика произведения, к анализу которой мы и обратимся. Место действия в повести Чижовой «Время женщин» — Ленинград, время — конец 50-х — начало 60-х годов прошлого века, а с учетом эпилога — конец 80-х, 90-е и далее.

В повести рассказывается о том, как деревенская девушка Антонина, работница одного из ленинградских заводов, становится матерью-одиночкой, по этой причине получает от завода комнату («роскошную» — девятиметровую) в коммунальной квартире и три ее соседки — три старухи (суровая Евдокия, легкомысленная в сравнении с ней Гликерия и образованная в сравнении с ними обеими Ариадна) берутся воспитывать, растить почти с пеленок ребенка Тони, особенную девочку — не немую, но немотствующую. Ревностно оберегая ребенка от праздного и ранящего любопытства посторонних, старухи пестуют его с любовью и неусыпной заботой. Так в ленинградской коммуналке образуется своеобразная семья из пяти женщин трех поколений, в центре которой растущий ребенок, вокруг него — три бабушки и чуть поодаль — много и тяжело работающая, вечно стирающая, варящая, моющая (потому и поодаль) — мама. Смертельная болезнь матери заставляет старух искать возможность не отдавать ребенка в детский дом, не лишать его Семьи. Из эпилога читатель узнает, что девочка заговорила, стала талантливой художницей и купила просторную квартиру — дом, в котором так хорошо жить всем вместе — ей и ушедшим в иной мир трем бабушкам, маме и отцу, которого она никогда не знала.

Из сказанного очевидно, чем мотивировано название повести. *Время женщин* наступает в городе с мужскими именами (Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, опять Санкт-Петербург), мужской повадкой и характером* после революций, войн, репрессий, унесших мужчин — отцов, мужей, возлюбленных, сыновей и внуков. В предложенных историей трагических обстоятельствах Петербург/Ленинград обретает женское лицо, но не московской хлебосольной хозяйки, домоседки или трепетной невесты, а стойкой, собранной, ответственной до самоотверженности, любящей и мудрой женщины. Заглавие повести является полифункциональным (одновременно тематизирующим и выражающим концептуальный смысл произведения) и определяет время как эпоху, проходящую под знаком женщины, ее не только численного, но и духовного доминирования. Актуализация женского полюса оппозиции «мужское ↔ женское» противоречит константной гендерной характеристике ПТ.

Художественное время произведения создается напластованием, перемежением нескольких временных проекций. **Во-первых**, в повести реализуется мифопоэтическое циклическое время — время вечного круговорота жизни природы:

> *– День открывался затемно, как долгий век. Дневное время, дальняя дорога, катилось с оглядкой на полосатые версты — раз навсегда.*
>
> *– В девять — встать, одеться, умыться. В десять сказка по радио. В два часа — обед. После обеда тихий час: спи, не спи, а полежать надо.*
>
> *– Меж верстами, в зависимости от погоды, занимались делами. Важнейшее — прогулка. Тут время не суетилось: подчинялось годовому кругу — по-деревенски.*

Обращение к мифопоэтической темпоральной модели создает эффект упорядоченности и поступательности, надежности и естественности течения жизни ребенка. Несуетное движение по годовому кругу от версты к версте обеспечивает стабильность детского существования воспитанницы трех старух — сначала полу-, а потом и полной сироты.

Во-вторых, действие в повести разворачивается линеарно — в текущем необратимо историческом времени: от венгерских событий 1956 года до начала 60-х и до наших дней в эпилоге. Условно-реальное время эксплицируется разнообразными хрононимами (*день, час, затемно, после обеда, Новый год, Рождество, зима, весна, лето, осень*) и косвенными хронологическими маркерами (*ноябрьские* — о празднике годовщи-

ны Октябрьской революции (7–8 ноября); *жаворонков станем печь* — о дне весеннего равноденствия (22 марта), в этот день призывали весну постными булочками в форме жаворонков).

В-третьих, исключительной смысловой нагруженностью характеризуется в повести ретроспективный временной пласт: кровоточащая память старух постоянно возвращает их к прошлому — временам репрессий, войн, блокады:

> *— Господи, — бабушка Евдокия заглядывает, — чего это у тебя там, в санках? Будто покойник какой. Чего, — говорит, — улыбаешься? Вот такто и возили в блокаду. В рогожу завернут, на санки положат и везут. Идешь, смотришь: маленький, значит, ребеночек. Сколько их в первую зиму-то свезли...*

Ретроспективный вектор времени задается и приемом топонимического двоемирия: старым женщинам привычнее называть улицу Декабристов Офицерской, Московский вокзал — Николаевским, а Кировский театр — Мариинским.

В-четвертых, в своем времени живет возможный мир, порожденный фантазией девочки:

> *Это же про ту девочку. Которая в шкафу живет.*
>
> *Створку распахнешь — является: стоит, смотрит. У нас и платья одинаковые — бабушка Гликерия шьет. И комната на нашу похожа: стол, занавеска, стены желтые. Только кровать одна — другой нету. Зато дверь у них. А еще лесенка. Отец ее по лесенке возвращается, из-за двери смотрит. Полюбуется на нее и снова уходит.*
>
> *У них квартирка маленькая: зачем им? — бабушек-то нету. Бабушки здесь, со мной живут. А мама ее не спит и не готовит. Только волосы перед зеркалом причесывает. Причешется и тоже уйдет...*

Все названные временные напластования заключены в рамку перволичного повествования: начало и эпилог повести даны от лица повествователя-персонажа — выросшей девочки, посвятившей свои воспоминания дорогим умершим.

Обратимся к анализу пространственной организации повести. В матрице ПТ «материковость» левобережья противопоставляется «островности» правобережья (Васильевскому, Петроградскому и др. островам по правую сторону Невы). Между тем материковость левобережья в приложении к его центральной части весьма условна. Персонажи Чижовой — жители левобережья, но трижды островитяне: во-первых, они островитяне, поскольку обитают на Казанском острове, граничащем с Коломенским (через Крюков канал), Спасским (через канал Грибоедова) и Адмиралтейским (через Мойку) островами; во-вторых, они жители малого внутреннего «островка» Казанского острова: немощь старух и малый возраст их воспитанницы топографически ограничивают освоенное, обжитое ими пространство; в-третьих, героини повести ведут замкнутый образ жизни, сознательно дистанцируются от «материка» большого города. Границы их островка на острове очерчены жестко: на севере — улицей Декабристов, на западе — Крюковым каналом, на юге — Грибоедовским каналом, на востоке — Фонарным и Львиным переулками. В замкнутом локусе, как в капсуле-обереге, мать и три бабушки растят дитя. За пределами их частного пространства — «другое», «чужое», опасное, а охраняют границу «своего» стражи Львиного мостика:

> *— Пойдем, голубушка моя, к мостику, на львов посмотрим, полюбуемся. Львы добрые, смирные. Сидят, караулят.*

«Прямизна» организации городского пространства, в целом свойственная Петербургу, в локусе героинь повести уступает место кривизне. Показательно, что *Грибоедовский* (*Екатерининский*) *канал* когда-то начинался с речки с говорящим названием *Кривуши*, а урбаноним *Крюков*, производный от фамилии подрядчика — строителя *Крюкова канала*, в контексте повести также выражает семантику кривизны. По мнению В. Серковой, кривизна локуса порождает его лабиринтность [5]. Можно сказать, что мотив лабиринтности является одним из текстообразующих мотивов повести «Время женщин», если понимать лабиринт метафорически — как опасную, остро проблемную ситуацию, из которой необходимо, но невозможно найти выход. Из лабиринта испытаний, уготованных маленькой героине произведения злой судьбой, ее выводят бабушки (одна из них носит знаковое имя *Ариадна*). Из лабиринта жизненных обстоя-

тельств (полунищета, агрессивность чужих, полная социальная незащищенность) мать и бабушки вырываются сами — *костьми ложатся*, но вырываются — ради ребенка.

В. Серкова устанавливает связь лабиринтности некоторых локусов Петербурга с мотивами неприкаянности и скитальничества (вспомним героев-скитальцев Пушкина, Гоголя, Достоевского), традиционными для ПТ. В повести «Время женщин» эти мотивы не заявлены, поскольку героини Чижовой своими усилиями превращают кривой абрис жизненного лабиринта в круг. При этом актуализируется положительная символика круга: идеи непрерывности развития мироздания, связи с женским началом и разграничения внутреннего и внешнего пространств. Заметим, что, говоря о маршруте прогулки с ребенком, Евдокия использует фразему *кружок сделаем*: *По каналу* ***кружок*** *сделаем и — домой*. Как видим, хронотоп повести организован таким образом, что по кругу-оберегу движутся и ребенок, и время его «выращивания».

Положение В. Н. Топорова о том, что «природа тяготеет к горизонтальной плоскости... культура — к вертикали, четкой оформленности, прямизне, устремленности вверх (к небу, к солнцу)» [6: 289], находит отражение в организации пространства, обжитого героинями повести, для которых колокольня Никольского собора — не только пространственный ориентир (*Если что,* ***колокольня высокая****. Ее отовсюду видно.* ***По ней и равняйся***), но и вертикаль культуры, духа, веры.

Исследователи ПТ придают серьезное значение точной атрибуции петербургских локусов, упомянутых в поэтических текстах [3]. В произведении Чижовой атрибуция места проживания героинь и маршрута «круговой» прогулки предельно точна, что способствует рождению еще одного литературного урочища Петербурга. Следующая цитата указывает внимательному читателю не только на памятник Глинке на Театральной площади, но и на тот дом, в котором живут персонажи повести:

> *Перед домом сквер. За ним* ***памятник: к площади передом, к нам — задом****. В теплый день дети по перилам лазают. Зимой перила скользкие, леденелые.*

Как известно, для выявления характеристик Петербурга, закрепившихся в ПТ, Топоров апеллировал к различным источникам. Так, в подтверждение «бесчеловечности Петербурга» приведена следующая цитата из книги Б. М. Эйхенбаума «Мой Временник»: «З д е с ь н е л ь з я ж и т ь, а нужно иметь программу, убеждения, врагов, нелегальную литературу, нужно произносить речи, слушать резолюции по пунктам, голосовать и т. д.» (цит. по: [6: 267]). В Ленинграде/Петербурге Чижовой **можно жить**, имея убеждения и программу, но морального, а не политического толка. Политики, идеологии героини повести чураются, видя в ней источник бед народных. Так, Евдокия говорит о семье сына: «*От коммунизьма и сгинули*».

Еще цитата. Максимилиан Волошин писал Вячеславу Иванову: «Только в Петербурге с его н е н а с т о я щ и м и л ю д ь м и и н е н а с т о я щ е й ж и з н ь ю я мог так запутаться раньше. <...> На этой земле я хочу с тобой встретиться, чтобы здесь н а в с е г д а з а к л я с т ь в с е т е м н ы е п р и з р а к и п е т е р б у р г с к о й ж и з н и» (цит. по: [6]). В повести «Время женщин» говорится о «ненастоящей жизни», которой живут «ненастоящие люди». Они населяют возможный мир, нафантазированный девочкой, — *тот* свет, где счастливо продолжается жизнь умерших. И заслуживает *тот* свет не заклятия, а благословения:

> *Глаза открыла — мама у створки стоит, причесывается. Снова на* ***тот свет*** *собирается.* ***Там хорошо, празднично****...*

Фантазия ребенка строит возможный мир, *тот* свет, отталкиваясь от впечатлений реального мира. При этом в единую цепь увязывается живое и неживое, земное и небесное:

> *– Шары цветные, рыбки, звери разные из картона. Еще птички стеклянные —* ***голуби****. А вместо лапок у них крючки. Это чтоб за елку цепляться. У церкви тоже* ***голуби****: только другие, важные. Ходят, с боку на бок переваливаются. Их крупой кормят. Вот они слетаются и клюют.*

*– Там, у церкви, старик страшный. Ездит на санках... Сам короткий, ноги пустые, вместо рук крючки воткнутые, из железа. Он их из проволоки согнул — крючками в землю упирается, сам себя толкает. Бабушка Гликерия сердилась: «Чего смотришь? Отвернись. Это — инвалид. Таким с войны пришел. Раньше много их было. Один теперь остался: другие-то поумирали, должно. Отмучились, **голуби**. Отдыхают на том свете».*

*– А... Догадалась... Это они здесь страшные, а там — уже **голуби**. На том свете елку им поставили. Вот они на ней и сидят. Не мучаются, крючками за ветки схватились.*

Уже в приеме создания возможного мира, параллельного реальному, сказывается особая интерпретация Чижовой темы смерти, неотъемлемой от ПТ: «Одна из несомненных функций Петербургского текста — поминальный синодик по погибшим в Петрополе, ставшем для них подлинным Некрополем» [Там же: 283]. Героини Чижовой много говорят и думают о смерти. Высокая частотность употребления слов тематической группы «Смерть» (*сгинуть* в значении 'погибнуть', *гроб*, *умереть*, *померли*, *мертвый*, *смерть*, *вымершие*) обусловливает выдвижение **мотива смерти** в семантическом пространстве произведения. Восприимчивый к речам взрослых и лишенный другой речевой среды ребенок усваивает этот мотив как ключевой **мотив жизни**, именно **жизни**, но другой, не **здесь**, а **там**. Если в представлении девочки «смягчаются», «ретушируются» значение и смысл смерти, торжествует выбор жизни и тем самым гасится противопоставление жизни и смерти, то в контексте всего произведения семантическая оппозиция «жизнь ↔ смерть» предельно обострена.

Как уже было сказано, топографическое пространство островка женщин замкнуто. Культурное же его пространство разомкнуто, изображению его открытости служит поэтика петербургских реалий, личных имен персонажей, числа, а также интертекстуальных рефлексов. Так, неповторимый художественный облик «островного» локуса, его уникальное культурное содержание составляют/передают такие отмеченные в повести реалии, как Львиный мостик и Никольский собор, Мариинский театр и чугунные решетки каналов, атланты *страшного дома* и *тритоны, раковины грота* в парадном родного дома девочки.

Но не только перечисленным создается питающая маленькую героиню культурная аура места. В тексте повести имплицированы многие «культурные следы». Например, обращение к происхождению имен старух раскрывает изоморфность семантики имен и личностных качеств их референтов: *Евдокия* сурова, непримирима и резка в суждениях, но значение ее имени — 'благоволение' — говорит о главном качестве ее натуры — об активной благой воле; особая женственность облика, повадок и умений *Гликерии* подчеркивается значением ее имени — 'сладкая'. А имя *Ариадна* выводит на миф спасения.

Нумерология текста актуализирует универсальную культурную символику триединства: все тройственное совершенно, все подлинное триедино. Три старухи ассоциируются с тремя мойрами — богинями человеческих судеб, но в иной интерпретации античных образов:

Распускать весело: нитка бежит, вьется, выскальзывает из петель. Гликерия за нитку дергает, Ариадна напротив сидит, наматывает. Как порвется, концы найдет, свяжет узелком. Комки пухлые, мягкие, старыми петельками завитые. Постирают — на веревку вешают, под каждый — мешочек с песком. Это чтобы петли выпрямить. А то новое начнешь, а старые петли и не лягут. А так — нитка гладкая, только рваная очень. Свяжут, вывернут — вся изнанка в узелках...

Мойры Чижовой прядут нить жизни, нить воспитания, исцеления девочки, упорно связывая и выпрямляя/выправляя то, что безжалостно порвано и изуродовано силами зла.

В трех вариациях реализуется в повести концептуально важный мотив сказки о «Спящей красавице»/мертвой царевне: русской (с имплицитными отсылками к Жуковскому и Пушкину), французской (оригинал Перро) и музыкально-пластичной (балет Чайковского). Добавим, что близость бывшей Офицерской улицы выводит на Блока (его место жительства), на мотив спящей красавицы в его поэзии и в поэзии Серебряного века вообще [4].

Фраза Евдокии *Одни бесы вьются* ведет читателя и к Пушкину (когда соотносится с ненастьем), и к Достоевскому (когда соотносится с резко отрицательной оценкой коммунистов). Установление межтекстовых связей становится приемом выявления, «проявления» реально существующей культурной ауры локуса женщин, в которой росло и выросло художественно одаренное дитя.

Заключая рассуждение о поэтике повести Чижовой «Время женщин», обратимся к тезису Ю. М. Лотмана о различении героев подвижных и неподвижных по их способности или неспособности преодолеть границу внутреннего пространства [2]. Этот тезис получает в произведении Чижовой свою интерпретацию: выросшая в топографически замкнутом и культурно открытом локусе, девочка преодолевает его границы — учится в школе, Мухинском училище, становится художницей и так объясняет свой способ художественного мировидения:

> *Никакая комиссия не признала бы работы, в которой нарушена перспектива, как будто мир поделен надвое: верх и низ. Однажды, когда во Дворце готовили выставку, я попыталась объяснить, что вижу линию, которая идет от края до края — по самой середине листа. То, что внизу, должно оставаться мелким: для этого и нужна перспектива, чтобы оно уходило вдаль.* ***Но там, наверху, все поворачивается, подступает ближе, чтобы мы видели, как оно всплывает обратно — из глубины. Если нарисовать по правилам, так, как полагается, все важное станет плоским — уйдет в землю.***

Художественная модель словесного полотна Чижовой в полной мере отвечает принципу обратной перспективы: мелкое принадлежит низу, главное, непреходяще ценное — верху. Предпочтение верха, «укрупнение» концептуальных смыслов самоотверженности, стойкости и веры на фоне тяжелейших испытаний делает «Время женщин» текстом спасения, безусловно обогащающим и развивающим ПТ.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Гоголевскому приему персонификации двух главных городов России суждена долгая жизнь: Петербург остается мужественным, а Москва женственной и в XX веке, в чем можно убедиться, обратившись, например, к произведениям Евгения Замятина («Москва — Петербург») и Андрея Битова («Вольная птица»). См. об этом: *Бабенко Н. Г.* «Москва — женского рода, Петербург — мужеского» // Русская речь. 2007. № 1. С. 25–29.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Калинин И.* «Петербургский текст» московской филологии // Неприкосновенный запас. 2010. № 2 (70). URL: http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/ka27.html.

2. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.

3. *Минц З.Г., Безродный М.В., Данилевский А.А.* «Петербургский текст» и русский символизм. URL: http://www.ruthenia.ru/mints/papers/pbtekst.html

4. *Михайлова О. В.* Сюжет о спящей царевне в поэме А. Блока «Ночная фиалка. URL: http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid =177&binn_ rubrik_pl_articles=318

5. *Серкова В.* Неописуемый Петербург (выход в пространство лабиринта) // Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып. 1. Метафизика Петербурга. СПб., 1993.

6. *Топоров В. Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избр. М., 1995. С. 259–367.

7. *Чижова Е. С.* Время женщин. М., 2012.

[хроника]

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ЯНВАРЬ–ДЕКАБРЬ 2013 ГОДА

(Окончание, начало на с. 59 и 76)

9 — 185 лет со дня рождения Льва Николаевича Толстого, величайшего русского писателя и мыслителя (1828–1910).

Ноябрь

30 — 100 лет со дня рождения детского писателя-прозаика, автора рассказов для детей, Виктора Юзефовича Драгунского (1913–1972).

Декабрь

5 — 210 лет со дня рождения русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева (1803–1873).

6 — 200 лет со дня рождения Николая Платоновича Огарева, русского поэта, публициста (1813–1877).

Н. А. Афанасьева

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

NATALIA A. AFANASYEVA
LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF TRADITIONAL POETIC IMAGES: TO THE PROBLEM STATEMENT

В статье рассматриваются вопросы лексикографического описания традиционных поэтических образов, предлагаются принципы структурирования словаря и словарной статьи, позволяющие исследовать динамику образности в русской лирике.

Ключевые слова: русская лирика, поэтическая лексикография, поэтическая образность, традиционный поэтический образ.

The article considers the problems of lexicographic description of traditional poetic images. It offers the modes of structuring a dictionary and vocabulary entries that are to help in research of dynamics of figurativeness in the Russian lyric poetry.

Keywords: Russian lyric poetry, poetic lexicography, poetic figurativeness, traditional poetic image.

Интерес к **поэтической лексикографии** появился в России в конце XIX века. Первым опытом составления словаря языка поэта стал «Словарь к стихотворениям Державина» академика Я. Грота[1].

В течение XX века активно развивалась и продолжает свое развитие в настоящее время как практическая, так и теоретическая авторская (в том числе поэтическая) лексикография: разрабатываются теоретические вопросы, уточняются предмет, цель, функции, принципы лексикографического описания, создаются лингвистические и общефилологические авторские словари[2].

Наталья Андреевна Афанасьева

Ассистент профессора,
Университет Кемён
(г. Тэгу, Республика Корея)
► nat31371@mail.ru

Среди наиболее значимых событий в авторской лексикографии XX века — выход в свет «Словаря языка Пушкина»[3] (толкового словаря языка писателя); «Словаря автобиографической трилогии М. Горького»[4] (полного объяснительного стилистического словаря); «Поэт и слово. Опыт словаря»[5] (сводного словаря поэтической речи). В настоящее время вышло несколько томов «Словаря языка русской поэзии XX века»[6], сводного (по 10 поэтам) контекстного поэтического словаря тезаурусного типа, который «соединяет в себе элементы регистрирующего и объяснительного справочников»[7].

В сфере внимания исследователей теоретические вопросы лексикографии, в том числе типологии авторских словарей и их места в общей лексикографии. Например, Л. В. Щерба считал словарь языка писателя словарем-справочником[8]; Б. А. Ларин выделил два типа словарей писателя: дифференциальные и полные[9]; О. И. Трофимкина писала о слова-

рях с историко-языковым и со стилистическим уклоном[10]; О. И. Фонякова[11] и Л. Л. Шестакова[12] предлагают классификации авторских словарей с разветвленной системой критериев.

В типологии Л. Л. Шестаковой по основному объекту описания наряду со словарями языка автора и стилистическими словарями выделяются **словари образов**.

Словарем образов (тропов) одного поэтического сборника («Часть речи») И. Бродского является «Словарь тропов Бродского» В. Полухиной и Ю. Пярли[13], предлагающий грамматическую классификацию тропеических выражений в позициях субъекта, предиката, объекта, атрибута, адверба, приложения, обращения, а также в сравнении.

Метафорическое словоупотребление поэтов начала XX века — в центре исследований Н. А. Тураниной. В учебное пособие «Метафора В. Маяковского» включен «Словарь метафор В. Маяковского»[14], который содержит метафорические употребления слов разных частей речи. Ученым написано несколько монографий и создан «Словарь образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского»[15].

Свод всех парадигм образов русской словесности XVIII–XX вв. представляет собой «Словарь поэтических образов» Н. В. Павлович: «Парадигма образа — это инвариант сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления («время — вода»)»[16]. Исследованию образных парадигм посвящена и монография Н. В. Павлович «Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке»[17].

Принцип семантического поля (тезаурусный принцип группировки тропов) в основе «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX веков» Н. А. Кожевниковой и З. Ю. Петровой[18]. Авторы «Материалов...» стремились к полноте включения в словарь всех семантических типов тропов.

Образные средства языка поэзии — поэтические номинации — объект систематизации «Словаря языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.)» Н. Н. Ивановой, О. Е. Ивановой[19]. Единицы языка поэзии — описательно-метафорические сочетания, перифрастические сочетания, слова-символы, признаковые словосочетания и качественные слова в абсолютивном употреблении представлены по группам — денотативным множествам.

Как видно, в последние десятилетия внимание лексикографов к поэтическому образному словоупотреблению было весьма серьезным. В свет вышли как сборные, так и монографические словари, предлагающие разные подходы к описанию образных средств языка русской поэзии. На этом фоне был бы актуален словарь, стремящийся к полноте описываемого материала и вниманию к семантике каждого реализованного в поэтическом контексте образа; также важно, чтобы сама структура словаря была ориентирована на выявление динамических процессов в развитии поэтической образности определенной эпохи. Таким словарем может стать **словарь традиционных поэтических образов**.

Под традиционным поэтическим образом (ТПО) понимается образ, имеющий длительную традицию употребления в поэзии, обладающий относительно устойчивым семантическим ядром и словесным выражением. К таким образам относятся: путь, огонь, вино, чаша, нить, театр, игра — ‘жизнь’; огонь, вино, болезнь — ‘любовь’ и др. Образ может создаваться как названными именами существительными, их парадигматическими вариантами, так и словами разных частей речи семантического поля указанных лексем. Например, *любовный* ***пламень*** (Фонвизин)[20], *И с* ***пламенной*** *слезой любви* (Карамзин)[21]; ***пламенно*** *любим* (Карамзин)[22]; «*Любовь! любовь! любовь! / Ты сердце мне зажгла и* ***воспламенила*** *кровь*» (Дубровский)[23]. Безусловно, большее внимание составителями словарей всегда оказывалось имени существительному в образном употреблении.

Актуальность словаря традиционных поэтических образов обусловлена рядом причин.

Обращение в поэтическом творчестве к овеянному традицией образу — это, как правило, сознательная установка автора одновременно на традицию и новаторство. Словарь ставит своей целью максимально полно описать способы пре-

образования ТПО, осветить авторский замысел, опираясь на контекст его употребления, а значит — выявить то новое в плане формы и содержания, что привнесено поэтом в образ. Материал такого словаря позволил бы проследить динамику и развитие ТПО в русской лирике, характерные особенности его преобразования в рамках той или иной поэтической эпохи, школы, идиостиля.

Так как традиционные образы имеют некий универсальный характер (пришли на русскую почву из европейской, классической и библейской литератур), то сопоставление функционирования данных образов в русской и в европейских литературах позволило бы выявить национальную составляющую, привнесенную бытованием образа на русской поэтической почве.

Традиционный образ как никакой другой компонент поэтического текста непосредственно воспринимался поэтами-подражателями и становился клише. Но без этих отсылающих к экзистенциальному и ментальному поэтических категорий не мог обойтись ни один значительный художник слова. При каких условиях традиционный образ воспринимается как стершийся, банальный, а что делает его использование оригинальным? Ответы на эти вопросы помогут получить материалы словаря.

Для представления общих тенденций развития русской литературы, ее образной системы важно, чтобы лексикографическое описание образов охватывало три века русской поэзии, начиная с творчества первых русских авторов (очевиден больший интерес исследователей к поэтическому языку XIX — нач. XX века). Значимым для представления о литературном процессе будет и включение в словарь максимального количества контекстов реализации ТПО. Многие современные словари образов не ставят подобной задачи, и поэтому в качестве иллюстраций в них часто даны яркие индивидуальные случаи реализации образа, не всегда позволяющие сделать вывод обо всех особенностях словоупотребления данной эпохи.

Разрабатываемый нами словарь должен максимально отражать характерные черты реализации образа в данном стихотворном тексте, авторские способы его преобразования, при этом опираясь на **структуру и схему реализации образа**.

В основе структуры ТПО обычно лежит метафора, благодаря чему происходит сопряжение абстрактных понятий с конкретными (жизнь — путь, поле, море, сон, темница, пир, чаша; страсть, любовь — огонь, отрава, рана), т. е. в рамках ТПО взаимодействуют слова, принадлежащие разным семантическим полям (СП). Поскольку узуальные СП абстрактных понятий (жизнь, чувства) пересекаются с СП «человек», при развертывании ТПО часто в тексте наблюдается взаимодействие трех СП: конкретного представления, абстрактного понятия и СП «человек».

Другой аспект структуры и динамики ТПО связан со способами его линейного развертывания в поэтических текстах. Здесь мы обращаемся к области синтагматики и вводим понятие схемы ТПО. Поскольку развертывание ТПО влечет за собой обращение к компонентам сразу трех СП, то наличие слов трех СП (абстрактного (А), конкретного (К) и СП «человек» (Ч)) в ТПО будет соответствовать реализации полной схемы ТПО: К-А-Ч. При этом основная схема развертывания образа (К-А) допускает отсутствие компонента Ч (слов СП «человек»). Отказ от экспликации абстрактного компонента схемы (А) ведет к семантическому напряжению и осложнению образа[24].

Словарь традиционных поэтических образов подчиняется хронологическому принципу. Так, первая часть словаря охватывает творчество А.Кантемира и первых трех русских поэтов XVIII века: М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. С. Сумарокова, с чьими именами связывают период становления русской литературы. Вторая часть включает словоупотребления поэтов, чье творчество относится ко второй половине XVIII века, к тому времени, когда наблюдается некоторая стабилизации образной поэтической системы.

Внутри каждой части, соответствующей определенной поэтической эпохе, традиционные образы организованы в группы по основному слову — конкретному компоненту образа. Например, ТПО **огонь — вдохновение / творчество, огонь — любовь, огонь — жизнь, огонь —**

война, огонь — чувства объединены в одну группу и представлены в разделе «ОГОНЬ». Другие разделы могут содержать меньшее число ТПО или быть сформированы на основе одного образа, к примеру, раздел «КНИГА» содержит только ТПО **книга — жизнь**.

Поскольку цель словаря — выявить способы преобразования образа, характерные той или иной эпохе, то **структура словарной статьи** должна отражать все основные направления трансформации образа в русской лирике. В ходе наших предварительных исследований[25] было выявлено, что ведущими способами преобразования ТПО, нашедшими отражение в русской поэзии всех трех веков, являются: расширение семантических полей компонентов образа, стремление к реализации образа в схеме К (к индивидуальной экспликации абстрактного компонента или имплицитно выраженному смыслу), семантические сдвиги или смысловая многоплановость содержания.

Расширение семантического поля конкретного компонента образа в результате обновления парадигмы образа, включения новых тематических групп и т. д. проявило себя одной из ярких тенденций преобразования традиционных поэтических образов в русской лирике. В связи с этим основное внимание при структурировании словарной статьи ТПО обращено на лексику, входящую в семантическое поле конкретного компонента данного ТПО. Естественно представление в начале статьи слов-образов, выраженных существительными (от доминантных к более редким в структуре образа, редкие слова даны в алфавитном порядке), далее располагаются слова других частей речи: прилагательные, наречия, глаголы, причастия, деепричастия. Принцип расположения слов — гнездовой. Так, словарная статья ТПО **огонь — вдохновение (творчество)** второй половины XVIII века содержит следующие лексемы: *огонь, пламя, жар, искра, кремень, лед, стужа, воспаляться, гореть, греть, жечь, пылать*. В зону лексемы *пламя* входят следующие производные слова и формы слов: *пламенный, воспламенять, воспламенить, воспламеняться, воспламеняясь*; а в зону лексемы *гореть — сгореть, сгорая, горящая*. Для удобства пользования в квадратных скобках даются бесприставочные глаголы, отсутствующие в тексте, но имеющие производные однокоренные образования.

Справа от лексемы представлены примеры использования данной лексемы в структуре образа в творчестве поэтов описываемой эпохи. Словарь претендует на исчерпывающее включение материала указанных изданий[26] названных авторов. Так, лексему *огонь* при ТПО **огонь — вдохновение (творчество)** иллюстрируют 8 примеров реализации образа разных авторов второй половины XVIII века, а лексему *жар* к этому же ТПО — около 20. Безусловно, более популярный ТПО **огонь — любовь**; здесь в зоне лексемы *огонь* приведено около 30 примеров, а лексемы *пламя* — почти 60. Например, зона лексемы *пламя* ТПО **огонь — война** выглядит следующим образом:

ПЛАМЯ

Как войны потухнет ***пламень,*** */ Мы искать с тобой пойдем / Кроющий героя камень, / Сердце будет нам вождем* (А — войны) (Дмитриев268); *Когда войны погаснет* ***пламень*** (А — войны) (Дмитриев270);

Но ***пламень*** *потушить войны* (А — войны) (АС471);

Россия, ***пламенем*** *военным быв разжженна, / Восстала, яко лев ловцами, раздраженна* (А — военным) (М304); *Как* ***пламенем*** *войны сжигаем был весь свет, / Когда и Марс рыдал, смотря на лютость бед* (А — войны) (Б142); *Еще семейств невинных домы / Пылают* ***пламенем*** *войны* (А — войны) (АС471);

[ПЛАМЕННЫЙ]
пламенны

Да не тревожит брань от днесь сии места, / Да флаги мирные на сей пучине веют, / И вихри ***пламенны*** *смущати их не смеют* (А — брань) (М306);

Кто ***пламенну*** *теперь войну / В пределах мирных возжигает?* (А — войну) (Х64)

Расположение примеров внутри каждой зоны, представленной именем существительным, определяется функцией данного существительного в семантической структуре предложения.

Зона, в которой описываются глаголы, дополняется основными глагольными моделями.

Например, так выглядит часть зоны лексемы *гореть* ТПО **огонь — любовь**.

ГОРЕТЬ

Сердце (кровь, душа) горит (кем, к кому, любовью)

Бедно сердце всё щемит, / Тает, тлеет, изнывает — / Нет надежды, а ***горит*** (А в ближ. конт. — любовь, Ч — сердце) (Дмитриев332); *Кем сердце восхищалось, /* ***Горело****, распалялось* (А — нет, Ч — сердце)(Костров186); *Горячее солнца знойна / Сердце к милому* ***горит*** (А в ближ.конт. — любовь, ч — сердце) (Н52); *Вынь сердце, зри, как то страдает / И как* ***горит*** *любовью кровь* (А — любовью, Ч — кровь) (Хемницер199); *Во мне* ***горит*** *уж кровь; / Я чувствую любовь* (А — любовь, Ч — кровь) (Л1 27); *Душа моя* ***горела*** */ Любовью страстной к ней <...> Оно [сердце]* ***горит*** *Эльвирой, / Не в власти я твоей»* (А — любовью, Ч — душа) (Дмитриев312);

Кто горит кем

И, зря пременной нрав, всегда ***гореть*** *тобою* (А — нет, Ч в конт.ст. — сердце) (Р291); *Запоешь про солнце красно, / Запоешь ты про зарю, / И как верно, нежно, страстно / Мной ты, — я тобой* ***горю*** (А в конт.ст. — любовь, любить) (Державин278); *Я стану повторять всечасно, / Что я одним* ***горю*** *тобой* (А в конт.ст. — страстью, нежность с нежностью) (Костров185); *Я тобою вновь* ***горю*** (А в конт. ст. — не любить) (АС459); *Елмирой сей пастух* ***горел*** (А в ближ. конт. — любовь) (Л1 29)

Если в контексте реализации образа присутствуют сразу несколько слов СП конкретного компонента, то такой контекст будет встречаться в словаре несколько раз. Например, следующие строки стихотворения Н. М. Карамзина: *Тебе ли думать, друг бесценный, / Что есть изменники в любви? / Огонь, тобою воспаленный, / Погаснет ли когда в крови? / Погаснет с жизнию, не прежде!* (Карамзин)[27] будут использованы в качестве иллюстрации при лексемах *огонь, воспаленный, погаснуть*.

Схема реализации традиционного поэтического образа — один из важнейших параметров при объективации и трансформации образа — также внесена в словарную статью. Каждый пример снабжен комментарием, в котором указано, какое слово / словосочетание является абстрактным компонентом образа, а какое относится к семантическому полю «человек»: *Но сердцем овладел толь страсти* ***огнь*** *жестокий* (А — страсти; Ч — сердцем) (Козельский)[28]. В случае, если абстрактный компонент образа отсутствует в минимальном контексте, но есть в контексте стихотворения, используются следующие пометы: в ближ. конт. (в ближайшем контексте); в конт. ст. (в контексте стихотворения); в нач. ст. (в начале стихотворения); название ст. (название стихотворения). Например, *Нет в ее душе* ***огня!*** */ Тщетно пламенем пылаю — / В милом сердце лед, не кровь!* (А в ближ. конт. — с любовью, Ч — в душе, в сердце) (Карамзин)[29]; *Я* ***пламень****, а ты лед против употребляешь* (А в конт. ст. — любил) (анонимное стихотворение)[30]; *И совсем меня погубишь, / Если* ***пламень*** *мой презришь* (А — название ст. «Я люблю тебя и стражду...», Ч — мой) (Попов)[31]. Степень удаленности абстрактного и конкретного компонентов также может свидетельствовать о стремлении автора к усложнению прочтения образа. Выделение абстрактного компонента образа в словаре даст представление о структуре семантического поля этого компонента в тот или иной период развития русской литературы.

Обращаясь к традиционному образу, поэты часто усложняют его содержание. **Семантическое развитие образа**, его смысловая усложненность или многоплановость — еще одно из направлений динамики традиционной образности в русской лирике, нашедшее отражение в лексикографическом описании. Когда значение образа множится, в словаре указывается второе значение после пометы С+. Так, в разделе ТПО **огонь — любовь** приведены строки И. Ф. Богдановича: *Двоякий* ***пламень*** *жжет внутрь стихотворцев кровь, / В них действует огонь священный и любовь* (А — любовь, Ч — кровь) (С+ **огонь — творчество**) (Богданович)[32]; эти же строки даны в разделе ТПО **огонь — вдохновение / творчество** со следующими пометами: (А — стихотворцев) (С+ **огонь — любовь**).

Принципы составления словаря традиционных поэтических образов, ставящего своей целью описание традиционных образов с учетом путей их преобразования в русской лирике, стремящегося к полноте представленного материала

и к определению значения / семантической многоплановости каждого конкретного контекста реализации, — позволят уточнить многие особенности динамического развития образа в русской лирике с точки зрения его формы и содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Грот Я.* Словарь к стихотворениям Державина // Соч. Г. Р. Державина. Т. 9. СПб., 1883.

[2] Об истории отечественной и мировой писательской лексикографии см.: *Винокур Г. О.* Проект словаря языка Пушкина. М.; Л., 1949. Об истории авторской лексикографии в России: *Цейтлин Р. М.* Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958; Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология. М., 2003; *Фонякова О. И.* 1) У истоков русской писательской лексикографии // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. Л., 1990. Вып. 4; 2) Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: Межвуз. сб. памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 1993; *Шестакова Л. Л.* Авторская лексикография в отечественном языкознании. URL: http://www/gramota.ru/biblio/magazines/gramota/slovari/28_102.

[3] Словарь языка Пушкина. В 4 т. М., 1956–1961.

[4] Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Л., 1974–1990.

[5] Поэт и слово: Опыт словаря / Отв. ред. В. П. Григорьев. М., 1973.

[6] Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 1–3. М., 2001–2008.

[7] О ходе работы над «Словарем языка русской поэзии XX века». Доклад на ученом совете ИРЯ РАН 20 апреля 2006 г. URL: http://www.ruslang.ru/doc/group_dict_poetry/paper.pdf

[8] *Щерба Л. В.* Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2004. С. 269.

[9] *Ларин Б. А.* Основные принципы Словаря автобиографической трилогии М. Горького // Словоупотребление и стиль М. Горького. Л., 1962. С. 4.

[10] *Трофимкина О. И.* О разных типах словарей писателя // Вопросы стилистики: Межвуз. научн. сб. Вып. 5. Саратов, 1972.

[11] *Фонякова О. И.* Очерк развития...

[12] Шестакова Л. Л. Авторская лексикография...

[13] *Полухина В., Пярли Ю.* Словарь тропов И. Бродского (на материале сборника «Часть речи»). Тарту, 1995.

[14] *Туранина Н. А.* Метафора В.Маяковского. Словарь. Таблицы. Комментарий. Белгород, 1997.

[15] *Туранина Н. А.* 1) Метафора В. Маяковского...; 2) Именная метафора в русской поэзии начала XX века. М., 2000; 3) Словарь образных средств Александра Блока, Сергея Есенина и Владимира Маяковского. М., 2009.

[16] *Павлович Н.* Словарь поэтических образов: В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. XXIX.

[17] *Павлович Н. В.* Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. М., 1995.

[18] *Кожевникова Н. А., Петрова З. Ю.* 1) Матер. к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 1: «Птицы». М., 2000; 2) Матер. к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. Вып. 2: «Звери, насекомые, рыбы, змеи». М., 2010.

[19] *Иванова Н. Н., Иванова О. Е.* Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII — начала XX в.) М., 2004.

[20] Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 1. Л., 1972. С. 314.

[21] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1966. С. 101 (Библиотека поэта).

[22] Там же. С. 84.

[23] Поэты XVIII века... С. 142.

[24] Подробнее о структуре и схеме реализации традиционных поэтических образов см.: *Афанасьева Н. А.* О структуре и динамике традиционного поэтического образа в русской лирике // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 3: СПб., 2006.

[25] *Афанасьева Н. А.* 1) Традиционные поэтические образы: история и современность // The Korean Association of Russian Language and Literature. Seoul, Korea. 2008.20.2; 2) Традиционные поэтические образы в современной поэзии // Словоупотребление и стиль писателя. Вып. 4. СПб., 2009.

[26] При составлении словаря использовались собрания стихотворений, вышедшие в Большой серии «Библиотеки поэта», многие из которых размещены на сайте Русской виртуальной библиотеки (http://rvb.ru/about/publications.html).

[27] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений... С. 145.

[28] Поэты XVIII века... С. 456.

[29] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений... С. 124.

[30] Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 2. Л., 1972.С. 448.

[31] Там же. Т. 1. Л., 1972. С. 525.

[32] *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 155 (Библиотека поэта).

Т. Н. Солдатенкова, В. А. Жеребов

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РКИ: ПОДХОД МНОЖЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

TATJANA N. SOLDATJENKOVA, VLADIMIR A. ZHEREBOV

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: THE MULTIPLE INTELLIGENCE APPROACH

Татьяна Николаевна Солдатенкова
Доктор наук, профессор, адъюнкт-профессор, заведующая департаментом «Языки и Регионы» Лёвенского Католического университета (Бельгия), председатель бельгийского отделения МАПРЯЛ (Фландрия), директор Центра Российских Исследований
► Tatjana.Soldatjenkova@arts.kuleuven.be

Владимир Алексеевич Жеребов
Аспирант кафедры Славистики и Восточной Европы Лёвенского Католического Университета (Бельгия)
► Vladimir.Zherebov@student.kuleuven.be

В статье рассматривается связь процессов развития методики обучения иностранным языкам со структурным, функциональным и когнитивно-коммуникативным направлениями теоретической лингвистики. Особое внимание отводится подходу Множественного интеллекта, разработка которого актуальна по применимости к большим группам учащихся, которые составляют наиболее распространённую форму обучения русскому языку за рубежом. Образец методической разработки, данный в конце статьи, может быть использован не только как конкретный материал обучения, но и как исходное положение для совершенствования предлагаемой методики.

Ключевые слова: теоретическая база и методическая интерпретация; коммуникативность и семантика языка; теория множественного интеллекта и ее методическое применение.

The following paper considers a link between the development of methods of teaching foreign languages and structural, functional, cognitive and communicative approaches in theoretical linguistics. The Multiple Intellect approach appears in the spotlight, as its development is of current interest in order to deal with the larger groups of students, which are most frequent in Russian as a foreign language teaching practice abroad. A methodological example, provided in the paper can be used as a practical material for teachers and above that, it provides the basis for development of such methodology.

Keywords: theoretical base and methodological interpretation, communicativeness and semantics of language, multiple intellect theory and its practical application.

Когда в конце девятнадцатого века лингвисты и специалисты по языкам думали о том, как улучшить преподавание языков, они обращались к общим принципам и теориям о том, как человек овладевает языком, каким образом языковая компетентность представлена и организована в памяти, какова структура самого языка. Прикладная лингвистика, в лице Henry Sweet (1845–1912), Otto Jespersen (1860–1943), Harold Palmer (1877–1949), использовала различные теоретические подходы для разработки программ, курсов, материалов по обучению языкам. Несомненно, множество конкретных деталей осталось за рамками их исследований, и не все предложенные ими методы прошли испытание временем. Основоположники прикладной лингвистики старались найти рациональное решение вопроса о принципах выбора языкового материала, последовательности представления лексики и грамматики. Ни один из них не видел в существующих теориях и подходах идеального воплощения своих идей. И несмотря на то, что за истекшее время

философия языка обогатилась новыми теориями, нашедшими свое применение в практике преподавания иностранных языков, вопрос о выборе и поиске наиболее эффективных методов обучения сегодня столь же актуален, как и тогда.

Разработка новых дидактических идей непосредственно связана с развитием теоретической лингвистики, философии языка. Слабый теоретический фон ведет к бессвязному, бессистемному методу обучения, созданию плохо построенных пособий. Любой дидактический материал отражает в первую очередь определенный взгляд на сущность языка. Если метод преподавания, как, например, метод Опоры на физические действия (*Total Physical Response*), основывается на таких командах, как: *Подойдите к доске; Закройте дверь; Поднимите правую руку*, то за этими выбранными структурами скрывается теоретическая трактовка языка как структуры. Центральное место в этой структуре отводится глаголу, который считается центром предложения и фразы. Из чего следует: используя императивные конструкции, можно обучить не только основным языковым структурам, но и значительному количеству лексики. Подход Опоры на физические действия исходит из положения об имитации в процессе обучения языку процесса усвоения родного языка детьми: дети учатся языку, выполняя просьбы/команды старших.

Любой теоретический подход открыт для методической интерпретации. Опираясь на него, мы получаем метод. Метод, в отличие от подхода, не свободен, он четко фиксирован. В его содержание входят указания о составе и организации дидактического материала, о роли преподавателя и ученика. Так, например, в упомянутом выше методе Опоры на физические действия преподаватель играет главную роль, он ведет процесс обучения, роль ученика достаточно пассивна. Итогом разработанного метода является технология преподавания — детальные разработки представления грамматического и лексического материала, упражнения по его отработке, указания к действиям преподавателя.

Попытка прояснить связь между теорией языка и соответствующим ей подходом была предпринята в 1963 году американским лингвистом Эдвардом Энтони (Edward Antony) [17: 19]. Подход в его понимании содержит теоретические представления о языке как таковом и о процессе его усвоения. Относительно теоретической сущности языка в дидактике известно по крайней мере три установившиеся точки зрения.

Первая точка зрения со структурализмом, где язык рассматривается как система структурно связанных элементов, использующихся для кодирования значения. Целью обучения служит усвоение учащимися компонентов этой системы, которая, в свою очередь, подразделяется на фонологический (фонемы, аллофоны), грамматический (фразы, предложения), лексический (лексика, грамматические и структурные слова) компоненты, а также компонент грамматических операций (добавления, перестановка, трансформация элементов). На его основе в 50-е годы был разработан американскими учеными Ч. Фризом и Р. Ладо [7] Аудиолингвальный метод (*Audiolingual Method*) — один из самых распространённых в мире методов обучения. Суть его состоит в том, что язык трактуется как составная часть «поведения» человека, которому следует обучить. Язык в соответствии с данным методом обучения должен быть представлен в виде «небольших по объему и градуированных по трудности структур, которыми учащиеся овладевают путем их повторения, подстановки, трансформации» [2: 18]. Важную роль здесь играет имитация, дрилл. Небезынтересно упомянуть, что еще в 50-е годы Р. Ладо писал о том, что изучение языка неразрывно связано с проникновением в культуру народа, определяющую систему понятий изучаемого языка, и разработал систему элементарных значимых частиц культуры, так называемые EMU (elementary meanings units).

Философии структурализма обязаны упомянутый выше метод Опоры на физические действия [3; 4] и Тихий метод К. Гаттегно [9]. Системность языка сочетается здесь с таким подходом обучения, при котором основную роль играет учащийся. «Тишайшая» роль отводится преподавателю, старающемуся всеми способами помочь учащемуся «решить проблему», т. е. овладеть какой-либо частью структуры языка.

Вторая точка зрения на сущность языка, представленная функциональным направлением, связана с его пониманием как механизма, который используется для выполнения различных функций и сопутствующих им значений, как, например, выражения возможности / невозможности, необходимости, желательности и т. д. Коммуникативность и семантика языка занимают в теории функционализма главное место. Представление грамматики здесь вторично: материал организован по принципу «от значения к форме». Сам по себе коммуникативный метод вырос из нужд Евросоюза в семидесятые годы, когда западноевропейские страны стали испытывать потребность в обучении взрослых людей иностранным языкам. Коммуникативный подход Д. Гаймса [13] явился следствием противодействия теории языковой компетентности Н. Хомского. Коммуникативная компетентность Д. Гаймса описывает знания говорящего — язык и культуру, которые необходимы ему для успешной коммуникации в обществе. Теория Хомского исходила из абстрактных языковых знаний говорящего, необходимых для продуцирования грамматически правильных предложений. В России в это же время, или даже чуть раньше, коммуникативный метод был разработан основателем липецкой методической школы Е. И. Пассовым. Именно в это время Советский Союз вкладывал значительные средства в развитие РКИ.

И все же работа, которая оказала наибольшее воздействие на развитие коммуникативного метода, принадлежит британскому ученому Д. А. Вилкинсу [22]. На основе проведённого им анализа коммуникативных значений, необходимых учащемуся для понимания языка и самовыражения, были разработаны сертификационные уровни владения иностранными языками

Важное место в теории коммуникативности занимают работы английских ученых М. Хэллидея [10; 11; 12] и Анри Виддовсона [19]. Согласно Хэллидею, только в процессе употребления языка можно изучить все функции и все компоненты языковых значений. В своей книге «Обучение языку через коммуникацию» Виддовсон [Ibid.] произвёл анализ отношений между лингвистическими системами и их коммуникативной ценностью в тексте и дискурсе.

Наряду с коммуникативным подходом как таковым в конце семидесятых годов преподавателем испанского языка в Калифорнии Т. Тереллом (Tracy Terell) и лингвистом Стефаном Крашеном (Stephen Krashen) был разработан Натуральный подход (The Natural Approach) [14]. Корнями этот метод уходит в конец девятнадцатого — в начало двадцатого века, когда противниками формального (классического) образования он был выдвинут в качестве разновидности Прямого метода (Direct Method)), который опирался на процесс обучения, имитирующий процесс усвоения детьми родного языка. Важная роль в нём отводилась монологам преподавателя с последовательным повторением текста, формальным вопросам и ответам, правильности произношения. Натуральный Подход делает ударение на *input* data, на т.н. входных данных. Учащийся, прежде чем он сам начинает говорить, проходит посредством слушания долгий период привыкания к языку. Наряду с коммуникативностью важное место в этом методе обучения отводится пониманию языка.

В рамках теории функциональности разработаны для множества языков программы по обучению официантов, сотрудников гостиниц, врачей и т. д.

Третья точка зрения трактует язык как механизм взаимного влияния людей друг на друга в процессе диалога. В дидактике преподавания иностранных языков эта теория известна под названием «интерактивность» (Interactional view). Язык здесь рассматривается как средство для создания, развития и поддержания социальных отношений. Под интерактивностью подразумевается взаимодействие читателя и автора произведения, или адресата в письме. Интерактивное направление получило развитие в теории преподавания иностранных языков в 1980-е годы, оно объединяет различные подходы. Размеры статьи позволяют рассмотреть лишь некоторые из них.

Подход с опорой на коммуникативные задания (Task-Based Language Learning) представляет собой набор коммуникативных задач, которые преподаватель предъявляет студентам. В поис-

ке правильного решения учащиеся выполняют речевые и неречевые (жесты, мимика) действия, вступают в контакт друг с другом, с другой группой учащихся, с преподавателем. В задачи этого подхода не входит строгий отбор и организация учебного материала. Подразумевается, что формирование компетенции на иностранном языке требует в первую очередь создания условий для успешного решения коммуникативных задач, а не систематизации языковых явлений. Грамматическая компетентность стоит в этом подходе на втором месте.

Подход с опорой на коммуникативные задания получил в конце восьмидесятых — начале девяностых годов широкое распространение. Более полную информацию читатель найдет в работах английских педагогов-супругов Виллис [20,21], а также в работе учёных Бигейта, Скехана и Свайна [5].

Нейролингвистическое программирование (Neurolinguistic Programming). Этот подход был разработан в середине семидесятых годов американскими психиатрами Джоном Гриндером И Ричардом Бандлером (Jonh Grinder, Richard Bandler). Учёные исследовали поведение и речь людей, добившихся в жизни больших успехов, и пытались выяснить природу коммуникации, ведущую к таким достижениям. Метод достаточно сложен, а вот расшифровка названия проста. Нейро — относится к процессам мышления и восприятия, а лингвистический — к языковым моделям, играющим важную роль в достижении успешной коммуникации. Только позже этот подход нашёл применение в преподавании иностранных языков. Центральное место в этом подходе занимает раскрытие и активизация резервных возможностей личности в процессе погружения в иноязычную языковую среду. Например, преподаватель может предложить студентам почувствовать в русском языке категорию «состояния», которая выражается глаголами несовершенного вида. Эту категорию он иллюстрирует эпизодом поедания вкуснейшего куска торта. Преподаватель, активизируя свои рецепторы вкуса, начинает монолог о том, что он чувствует при поедании куска торта. Затем он разыгрывает этот монолог со студентами, прося их повторить, дополнить. Затем основные словосочетания с глаголами, типа откусываю кусок, слюнки текут, кусок тает во рту, исходит аромат и т. д., записываются на доске. В конце занятия студентам предлагается описать свои чувства и состояние, когда они делают что-либо другое, например, при прослушивании хорошей музыки.

Литературу о применении Нейролингвистического программирования в обучении иностранным языкам читатель найдёт в работах английских ученых [15; 16].

Одним из интереснейших методов обучения последнего десятилетия является подход Множественного или Многогранного интеллекта (Multiple Intelligences, MI/МИ), на основе которого пересмотрены программы в некоторых ведущих американских школах [17: 117]. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть применение этого подхода при обучении РКИ. Наш выбор объясняется насущной и постоянной проблемой, с которой сталкиваются преподаватели языковых курсов во многих странах западной Европы, таких, например, как Бельгия и Голландия, где работать приходится с большими группами (до 35 человек в группе) учащихся разных возрастов (от 16 до 80), разного уровня образования (от рабочих до специалистов высокого уровня) и разных языковых способностей.

Подход Множественного интеллекта основан на философии обучения, трактующей присущий человеку интеллект как множество эквивалентных интеллектов, которые необходимо в первую очередь осознать и затем продолжать развивать в процессе обучения. Этот подход был в восьмидесятых годах разработан в рамках когнитивных наук американским учёным Говардом Гарднером [8] в противовес классическому IQ тесту, основанному на идее единственности, врождённости и неизменности интеллекта. Гарднер заметил, что IQ тест измеряет только логические и языковые способности, в то время как педагогическая практика показывает, что люди приобретают знания многими различными способами. Следовательно, человеческий мозг обладает ещё и другими эквивалентными типами интеллекта.

По мнению Г. Гарднера, неправомерно утверждать, что ребёнок, медленно запоминающий таблицу умножения, менее умен, чем ребёнок с быстрой памятью. Вполне возможно, что медленное запоминание помогает ребёнку постигнуть логические операции, стоящие за математической системой умножения. Гарднер утверждает, что всем людям присущи все типы или всё множество интеллекта. Различие же состоит в степени обладания и в комбинации типов интеллекта. Одним из постулатов подхода Множественного интеллекта является убеждение в том, что все типы интеллектуальных способностей можно и необходимо развивать. Другими словами, подход МИ принадлежит к группе методов обучения, внимание которых сосредоточено на различиях между учащимися и необходимости учитывать эти различия в процессе обучения.

Итак, Г. Гарднер различает восемь относительно автономных типов интеллекта.

1. Лингвистический тип интеллекта (способность творчески пользоваться языком, как, например, писатели, журналисты).
2. Логико-математический тип интеллекта (как, например, у инженеров, специалистов по информатике).
3. Пространственный тип интеллекта (формирование ментальных моделей мира, как, например, у архитекторов, скульпторов, художников).
4. Музыкальный тип интеллекта.
5. Телесно-кинестетический тип интеллекта (хорошая координация тела, как, например у спортсменов).
6. Межличностный тип интеллекта (способность работать с другими людьми).
7. Внутриличностный тип интеллекта (способность понимать самого себя и применять успешно свои таланты).
8. Естествоиспытательский тип интеллекта (способность понимания и создания моделей природы).

Вкратце теория процесса обучения у Г. Гарднера выглядит следующим, на наш взгляд, чрезвычайно элегантным образом. Отправной точкой служит общепринятая точка зрения [18], в соответствии с которой интеллект содержит т.н. фактор общего интеллекта G — упрощенно говоря, среднее арифметическое из суммы всех возможных человеческих интеллектов. У Гарднера фактор G — это среднее арифметическое из множества (их 8) автономных типов интеллекта или интеллектуальных способностей. На вершине фактора G находится наиболее развитый тип интеллекта какого-либо индивидуума. Соответственно фактор G соотносит высшую точку интеллекта (G+) с высокой скоростью и эффективностью невральных процессов. Чем выше фактор G у индивидуума, тем выше скорость и эффективность головного мозга в выполнении когнитивных операций. Учитывая множественность интеллекта, получается, что скорость и эффективность невральных процессов будет выше, когда наиболее эффективно будет использоваться один из самых развитых типов интеллекта; так если, например, у учащегося наиболее развит музыкальный тип интеллекта, то этот человек быстрее и наиболее эффективно овладеет языком, если процесс обучения будет протекать в музыкальном оформлении.

Язык, по Гарднеру, соотносится не только с лингвистическими способностями, он охватывает все множество интеллекта, т. е. все восемь составных его частей, поэтому в подходе МИ отсутствуют цели только для развития лингвистических способностей. Целью служит холистическое развитие личности. К сожалению, чёткая структура и конкретное содержание курса автором не представлены. Для восполнения этого пробела в области преподавания языков в рамках МИ последователями была разработана последовательность этапов в обучении.

Этап 1. Пробуждение интеллекта. Посредством умственных возможностей и всех органов чувств — обоняния, осязания, зрения, слуха и вкуса — учащиеся должны открыть для себя новые аспекты какого-либо предмета.

Этап 2. Расширение интеллекта. Студенты развивают свои интеллектуальные способности посредством выбора предмета исследования, определения вместе с другими учащимися условий и контекстов употребления этого предмета.

Этап 3. Учи с умом, развивая ум (Teach with/for the intelligence). На этой стадии студенты работают над индивидуальными заданиями, или в небольших группах над малыми проектами.

Преподаватель систематизирует полученный материал в диалоге с учащимися.

Этап 4. Трансфер интеллекта. Посредством рефлексии о пройденных трёх этапах учащиеся применяют полученные знания к реальным жизненным ситуациям. То, что в классической дидактике называется «выход в речь».

Наряду с последовательностью этапов обучения была также разработана таксономия (систематизация и классификация) организации учебного процесса [6: 1–14]. Пределы статьи позволяют привести лишь часть из неё:

языковые способности (лекции, дискуссии в больших/малых группах, книги, языковые задания, языковые игры, прослушивание дисков, доклады студентов, рассказ/пересказ, дебаты, изложение, запоминание, подготовка к изложению);

логические / математические способности (научная демонстрация, логические проблемы и головоломки, научное мышление, логико-последовательная презентация какого-л. предмета, кодирование информации, проблемы в повести/рассказе, вычисление, схематическая презентация);

пространственные способности (схемы, карты, диаграммы, видео, слайды, фильмы, выдумывание рассказов, телескопы и микроскопы, визуализация, фотографии, рисование, коллажи, оптические иллюзии);

внутриличностные способности (индивидуальные задания, индивидуальные проекты, программы для самообучения, дедуктивное обучение, изложение материала, постановка цели).

В соответствии с подходом МИ, преподаватель самостоятельно разрабатывает учебный материал, основываясь на вышеперечисленных инструкциях. Попробуем и мы это сделать. Для разработки возьмём трудоёмкую тему, но прежде подумаем о теоретической рамке подачи материала: будем предоставлять материал через структурность, функционализм или коммуникативность. По нашему мнению, центральное место в этом подходе занимает структура и развитие интеллектуальных способностей. Так как язык входит, по Гарднеру, во все восемь интеллектуальных способностей человека, то развитие интеллектуальных способностей будет неизбежно проходить через структуру языка. Следовательно, философия, стоящая за этим подходом, трактует язык как структуру.

Одной из самых сложных тем первого курса является категория вида в русском языке. Разработаем первое занятие. Для начала кратко обговорим методику подачи данного языкового материала, вспомнив о том, что у несовершенного вида существует множество значений, а у совершенного вида есть только два значения — конкретно-фактическое и результативное значение. Эти значения пересекаются, поэтому многие лингвисты считают, что у совершенного вида есть только одно конкретно-фактическое значение [1: 19]. Самым трудным в усвоении аспектуальности русского глагола является так называемая конкуренция видов, т. е. когда в одной и той же ситуации можно употребить и глагол несовершенного вида в общефактическом значении, и глагол совершенного вида в конкретно фактическом значении. Например, встретив знакомого на пляже, можно спросить: *Вы уже купались?* (НСВ) или *Вы уже искупались?* (СВ). Идя от простого к сложному (вершина — видовая конкурентность), ограничим подачу языкового материала. На первом занятии, как правило, дидактическая литература рекомендует дать оппозицию процессного значения несовершенного вида и результативного значения совершенного вида. Нам кажется нелишним на первом занятии представить и оппозицию узуального и конкретно-фактического значения. Затем проведём опрос студентов о наличии у них талантов посредством вопроса «Что вы любите и умеете делать?». Представим, что в нашей группе находятся студенты, у каждого из которых наиболее сильно развит один из следующих (сокращённых) типов интеллектуальных способностей: лингвистических, логико-математических, пространственных и внутриличностных. Каждой из групп предоставим задания в соответствии с этапом 1 — Пробуждение интеллекта.

Группа 1 Лингвистических способностей. Попросим прочитать текст приблизительно такого содержания:

Каждое утро наш маленький сын просыпается в семь часов утра, но сегодня он проснулся в пять утра. Мой муж просыпается каждое утро тоже

в семь часов утра, а сегодня он проснулся, как и наш сын, — в пять часов утра. Каждое утро мы завтракаем в 7 часов 30 минут, но сегодня, потому что наш сын проснулся очень рано, мы позавтракали в 5 часов 30 минут. За завтраком мой муж долго пил кофе, ел бутерброды и читал газету. Через 2 часа он прочитал всю газету, выпил весь кофе, съел все бутерброды. Потом он почистил зубы и пошёл на работу.

В *задании 1* попросим студентов ответить на вопросы, целью которых служит проверка понимания текста, типа *Когда эта семья обычно просыпается? Когда они проснулись сегодня? Почему?* и т. п. Во втором задании попросим составить пары похожих глаголов. В третьем задании попросим студентов подумать о различии в употреблении этих глаголов.

Группа 2 Логико-математических способностей. Этой группе предлагаем рассмотреть неупорядоченный перечень известных им глаголов с коррелятом совершенного вида, типа :

делать, написать, читать, пить, сделать, изучать писать, говорить, прочитать, сказать, брать, просыпаться, взять, проснуться, выпить, изучить.

В задании 1, составленном на родном языке учащихся, попросить студентов составить пары глаголов с одной и той же семантикой. У учащихся должно получиться все, кроме говорить — сказать и брать — взять — ничего дурного здесь нет, пусть останется интеллектуальный вызов. В этом же задании попросить студентов подумать и указать разницу в формировании каждой глагольной пары. Таким способом они сумеют самостоятельно выделить способы образования совершенного вида — приставочный, суффиксальный, приставочно-суффиксальный и др. В задании 2., предложив для рассмотрения несколько оппозиционных предложений, попросить учащихся сформулировать предположения о различии в значении и употреблении глаголов:

Миша читал книгу два часа. — Сейчас он больше не читает, он прочитал книгу.

Мой муж пил кофе 10 минут. — Кофе больше нет. Муж выпил (все / весь) кофе.

Каждое утро я просыпаюсь в *7 часов.* — Сегодня воскресенье, я проснулся в *9 часов.*

Каждый день = обычно я завтракаю в *8 часов.* — Но сегодня воскресенье, поэтому я позавтракал в *10 часов.*

Группа 3 Пространственных способностей. Учащимся этой группы предоставим задание 1-й группы Логико-математических способностей с той только разницей, что глаголы в нём будут представлены в некоем математическом пространстве, например:

читать	делать	**просыпаться**
сделать	прочитать	**проснуться**

Оппозиционные предложения второго задания группы Логико-математических способностей нужно постараться представить наглядно, например с помощью картинок. В зависимости от найденных иллюстраций предложения можно слегка изменить

Миша читал книгу два часа

А Маша уже прочитала книгу

Группа 4 Внутриличностных способностей. Предоставить первое и второе задания группы Лингвистических способностей, т. е. текст с употреблением видов глагола и формирование видовых пар. Третье задание может содержать информацию о временной структуре русских глаголов, например:

Задание 2. Прочитайте предложение, обращая внимание на время глаголов. Ваши выводы представьте в таблице:

Я работаю каждый день: Я сегодня работаю. Я вчера работал. Я завтра буду работать.

— Вы прочитали эту книгу?
— Нет, я прочитаю её завтра.
— Да, я уже прочитал её.

Время глаголов	
Глаголы группы А	Глаголы группы В
Настоящее время:	Настоящее время:
Прошедшее время:	Прошедшее время:
Будущее время:	Будущее время:

После работы в группах по интеллектам, где мы старались в соответствии с целями первого этапа обучения пробудить интерес у учащихся посредством предложенных им заданий, переходим ко второму этапу обучения. Напомним, что целью данного этапа является т.н. «расширение интеллекта»: студенты, делясь друг с другом своими находками и предположениями, должны установить условия и контексты употреблений исследуемого предмета. Для успешного выполнения этой задачи предлагаем переформировать группы, сформированные по интеллектам, в группы, содержащие по одному представителю каждого типа интеллектуальных способностей. В инструкции попросить учащихся обсудить результаты, полученные в работе групп по интеллектам в порядке «от значения к форме». Имеется в виду, что студентам вначале предлагается обсудить различия в употреблении глаголов, затем рассмотреть их морфологическое содержание и закончить работу рассмотрением временной схемы глаголов. Предполагаем, что представители всех групп будут иметь предположения об условиях и контекстах употребления глаголов совершенного и несовершенного вида, представитель группы Логико-математических способностей сможет внести дополнительную ясность по поводу формирования глагольной пары, т. к. его внимание посредством соответствующего задания (задание 1) было направлено на исследование способов формирования глагольного вида. Представитель группы Внутриличностных способностей сможет поделиться своими мыслями по поводу временной схемы, потому что именно этой группе было предложено исследовать временное употребление глаголов. Предполагаем также, что по всем поставленным вопросам у учащихся в процессе обсуждения возникнут вопросы и сомнения. Это должно, на наш взгляд, послужить сигналом для перехода к третьему этапу обучения — Учи с умом, развивая ум. Центральное место на этом этапе отводится преподавателю — полученная от студентов информация корректируется и схематично суммируется на доске в том же самом порядке «от значения к форме». При этом на каждый этап должно быть отведено около двадцати минут. После трёх этапов предполагается сделать перерыв, а затем приступить к четвёртому этапу «Трансфер интеллекта».

Целью этого этапа служит перенос полученных знаний на реальные жизненные ситуации, т. е. то, что в дидактике иностранных языков принято называть «выход в речь». Поскольку на первых трёх этапах отсутствует отработка исследуемого материала, нам кажется необходимым ввести специальный тренировочный этап обучения, на котором с помощью различных, в зависимости от типа интеллекта, упражнений, дрилла и игр учащиеся смогут отработать и усвоить новый материал. Для ясности назовём этот этап четвёртым этапом, переместив таким образом «Трансфер интеллекта» в пятый этап обучения. Отработке нового материала считаем нужным отвести полный академический час классного времени.

На заключительном пятом этапе учащиеся посредством ролевых игр, диалогов и полилогов стараются применить полученные знания в ситуациях, близких к реальной жизни. Работа может проводиться как в группах каждого из типов интеллектуальных способностей, так и вне их. Существенным нам кажется наличие хотя бы одного-двух заданий для каждого типа интеллекта.

В заключение хотелось бы отметить наиболее сильные и слабые стороны подхода Множественного интеллекта. Безусловно, возможность систематически учитывать и использовать различия в интеллектуальных способностях учащихся относится к сильным сторонам этого подхода. Слабость нам видится в отсутствии ясной, выработанной связи между теорией Множественного интеллекта и конкретной теорией процесса обучения [17: 117], однако это и неудивительно, учитывая, что применение этого подхода в дидактике иностранных языков относится к недавнему времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Введение в русскую аспектологию. М, 2000.
2. Кашина Е. Г. Традиции и инновации в методике преподавания иностранного языка. Самара, 2006.
3. *Asher J.* Learning another Language through Actions: The Complete Teacher's Guide Book. Los Gatos, 1977.
4. *Asher J.* The strategy of the total physical response: An application to learning Russian // International Review of Applied Linguistics. 1965. N 3. P. 291–300.
5. *Bygate M., Skehan P., Swain M. (eds.)* Task-Based Learning: Language Teaching, Learning, and Assessment. Harlow, Essex, 2000.
6. *Christison M.* An Introduction to multiple intelligences theory and second language learning // Reid J. (ed.) Understanding Learning Styles in the Second Language Classroom. Englewood Cliffs. New Jersey, 1997. P. 1–14.
7. *Dougghty C., Willians J. (eds.)* Focus on Form in Classroom Second Language Acquisitions. Cambridge, 1998.
8. *Gardner H.* Multiple Intelligences: The Theory and Practice. New York, 1993. URL: http://www.chaight.com/Wk%2011%20 Gardner%20-%20Multiple%20Intelligences.pdf
9. *Gattegno C.* Teaching Foreign Languages in Schools: The Silent Way. New York, 1972.
10. *Halliday M. A. K.* Explorations in the Functions of Language. London, 1973.
11. *Halliday M. A. K.* Language as Social Semiotic. London, 1978.
12. *Halliday M. A. K.* Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language. London, 1975.
13. *Hymes D.* On communicative competence // *Pride J. B., Holmes J. (eds.)* Sociolinguistics. Harmondsworth, 1972. P. 269–293.
14. *Krashen S., Terrell T.* The Natural Approach: Language Acquisition in the Classroom. Oxford, 1983.
15. *O'Connor J., McDermott I.* Principles of NLP. London, 1996.
16. *Revell J., Norman S.* Handing Over: NLP-Based Activities for Language Learning. London, 1999.
17. *Richards J., Rodgers T.* Approaches and Methods in Language Teaching. 2011.
18. *Spearman Ch.* The Nature of "Intelligence" and the Principles of Cognition. 1923.
19. *Widdowson H. G.* Teaching Language as Communication. Oxford, 1978.
20. *Willis J., Willis D. (eds.)* Challenge and Change in Language Teaching. Oxford, 1996.
21. *Willis D., Willis J.* Doing Task-based Teaching. Oxford, 2007.
22. *Wilkins D. A.* Notional Syllabueses. Oxford, 1976.

[представляем новые книги. рецензии]

ЧЕЛОВЕК С «ВИДЕОРЯДОМ»
(*Смирнов И. П.* Видеоряд. Историческая семантика кино. — СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2009)

Книга И. П. Смирнова «Видеоряд»[1] наделяет читателя, говоря словами самого автора, «активным зрением и умозрением». Ее интеллектуальное воздействие соотносимо с воздействием фильма Дзиги Вертова «Человек с киноаппаратом». Исследователь гармоничных и агональных взаимоотношений кино и литературы не может миновать эту книгу, если стремится перейти на более высокий уровень их осмысления.

О чем она? — О философии медиальности, феномене медиальной истории, рубежах и особенностях киноэволюции, кинооптике литературы, воздействии кинематографа на романное творчество и защите социокультурной значимости литературы. Разнообразие поставленных вопросов манифестируется следующим неполным перечнем функционирующих в ней слов с корнем «кино»: *кинемедиальность, киногенность, кинореминисценция, киноключ, киномысль, кинокод, киномир, киночеловек, киноантропология, кинопространство, киновремя, кинообщество, киноостранение, киноэстетика, киноцитата, киностиль, киноинтертекст, киногегемонизм, киноэквивалентность, киноморфность, кинообраз, киносюрреализм, кинособственность, кинозрение, киномедиальность, киноистория, киномышление, киноавангард, киноразвитие, кинополитика, киноэквивалентность, киномедиосфера, кинопроизведение, кинопрактика, киновсеядность...*

В «Видеоряде» осуществлен анализ взаимопересечения аудиовизуальной медиальности с различными типами дискурсов: философским, историческим, риторическим, филологическим (проникновение кинотерминологии в труды Р. Якобсона [4], Б. Эйхенбаума [3], Ю. Тынянова [2]) и живописным (К. Малевич, А. Дейнека, Р. Магрит, В. Кандинский, К. Петров-Водкин).

Как известно, вокруг взаимоотношений кино и литературы накопилась гора штампов (один из самых распространенных — так называемая «зримость» литературы). Отвергая олитературирование кино, И. П. Смирнов обнаруживает его онтологическую специфику. В «Видеоряде» философия кино сопрягается с философией текста. Глубоко осознавая степень воздействия кино на весь символический порядок в XX веке, И. П. Смирнов исследовал не только воздействие фильма на романное творчество, но и «меры, предпринимаемые литературой, дабы защи-

тить свою социокультурную значимость от стороннего влияния» [1: 9], что является радикально новым в раскрытии темы.

Показателен сам выбор романов Пастернака и Набокова в условиях разрушения этого жанра. Оценивая степень изученности вопроса, И. П. Смирнов абсолютно прав, говоря о том, что «Доктор Живаго» «утаивает свой киногенезис и пока еще не был понят исследователями как продукт взаимодействия, разыгрывавшегося между фильмом и литературой. Второй, набоковская „Лолита“, напротив, считается образцовым кинороманом, но его главный фильмический текст остался невыявленным» [Там же: 297].

В «Видеоряде» впервые предложена трактовка киноромана как текста нового типа. Исследуя кинокод «Доктора Живаго», И. П. Смирнов ведет читателя по кинематографическому следу, реконструируя порождение текста. Весомым научным результатом стало бы уже само выявление фильмов, с которыми корреспондируют литературные тексты, но эта задача, с блеском решенная автором, оказывается для него лишь первым шагом в осмыслении «Доктора Живаго» как киноромана и в парадоксальном отрицании кинороманной природы набоковской «Лолиты».

Характер интрамедиальной полемики «Доктора Живаго» с кинотекстом раскрывается на абсолютно новом витке анализа: «Роман берет разгон в тех же тематических пунктах, что и фильмы, создававшиеся на заре русской кинематографии, дабы затем двигаться вперед по собственному плану, представляющему собой не столько последовательную полемику с источниками, сколько попросту иное, чем там, выстраивание сюжета» [Там же: 326].

Фактография «Видеоряда», раскрывающая отношение Пастернака и Набокова к кинематографу, глубоко впечатляет, демонстрируя высокий профессионализм исследования и его трудоемкость (канцеляризм, понимаемый буквально, здесь вполне уместен). Но в еще большей степени впечатляет переосмысление кинематографичности, осознанной как «эволюционно продвинутое мировидение, обновляющее средства художественной передачи реальности» [Там же: 302].

Одного перечня киноприемов, обнаруженных И. П. Смирновым в тексте романа Пастернака, было бы достаточно не на одну публикацию: разъятие сплошного пространства в изолированных друг от друга кадрах; наезд камеры на объект съемки; взаимоналожение зрительных образов; ракурсы, преувеличивающие и приуменьшающие размеры объектов; наплыв (flash-back); стоп-кадр; обратное движение киноленты; немые сцены; закадровый звук; световые эффекты, подчеркнуто искусственные по происхождению; сценарная декомпозиция движений в мизансценах, разлагающая их на прерывистые составляющие, и др. Но для автора «Видеоряда», в котором роман Пастернака впервые предстает как имплицитная кинотеория, это нечто само собой разумеющееся. Ему важнее показать, как «литературный текст соревнуется у Пастернака с киноискусством, демистифицируя „фабрику грез“» [Там же].

И. П. Смирнов ставит перед читателем вопросы — от самых общих до, казалось бы, частных — и дает на них нетривиальные ответы: почему киноискусство мифологизирует стихии воздуха, земли, огня, воды? Можно ли говорить о революционной роли цифровых технологий в кино? Почему кинематограф так тяготеет к изображению насилия и зла? Чем объясняется повышенный интерес к летчикам в фильмах 1930–40-х гг.?

Одна из важнейших тем книги — киносталиниана. Сталинская эпоха получает в ней точную номинацию — «срежиссированное кинообщество». И. П. Смирновым обосновано родство советской и голливудской киносистем, а также дифференциация сталинистских и нацистских фильмов (что нетипично как для массовой, так и для элитарной отечественной литературы). Киноповествование о Сталине-теоиде подчиняется демагогическим риторическим стратегиям демобилизации/мобилизации общественного сознания, строится на противопоставлении лидеров монархического (Сталин) и харизматического типа (Гитлер).

И. П. Смирнов накладывает на себя временно́е ограничение, доводя рассмотрение до шестидесятых годов XX века, при этом основные положения книги, несмотря на отказ автора от анализа кинематографичности новейшей литературы, находят подтверждение в творчестве В. Сорокина, Т. Толстой, Л. Петрушевской, И. Полянской, С. Болмата, А. Королева, Л. Улицкой, М. Палей, В. Пелевина и др. современных прозаиков.

Книга И. П. Смирнова — нелегкое чтение: она написана сложно о сложном, с множеством смысловых лакун, мостики через которые читатель должен перебрасывать самостоятельно, и надо заметить, что автор не облегчает его труд. Но несомненно и другое: человек с «Видеорядом» заряжается энергией смыслопорождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнов И. П.* Видеоряд: Историческая семантика кино. СПб., 2009.

2. *Тынянов Ю. Н.* Об основах кино // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

3. *Эйхенбаум Б. М.* О литературе: Работы разных лет. М., 1987.

4. *Якобсон Р. О.* К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия. М., 1972. С. 82–87.

И. А. Мартьянова,
д-р филол. наук, проф. РГПУ им. А. И. Герцена

МЫ ТАКИЕ РАЗНЫЕ... И ВСЕ-ТАКИ МЫ ВМЕСТЕ!

(Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: Коллективная монография / Т. И. Попова, И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова и др.; Под ред. Т. И. Поповой. — СПб.: Эйдос, 2012. — 224 с.)

Еще несколько лет назад исследователи (и в научных изданиях, и в СМИ) рассуждали о «языке Интернета», «интернет-дискурсе» и пытались каталогизировать обобщенные свойства «виртуальной языковой личности». В изучении интернет-коммуникации господствовала установка на выявление нового, странного, отличного от «обычной» коммуникации, с одной стороны, и на поиск признаков, которые были бы присущи любому тексту в Интернете, — с другой. Но в последние годы выясняется, что интернет-коммуникация и не такая странная, и не такая монолитная, как казалось прежде. Она дробится на многие не сводимые друг к другу сегменты, каждый из которых в отдельных чертах напоминает какие-либо, не связанные с Интернетом, формы коммуникации. Соответственно и представления о «виртуальной языковой личности» как о чем-то особом и целостном оказываются заметным упрощением. Такое изменение представлений об интернет-коммуникации связано не только с тем, что исследователи стали всматриваться в нее под другим углом зрения, но и с тем, что к Интернету, в том числе русскоязычному, присоединяется все больше людей. Сегодня он является естественной для многих коммуникативной средой. Поэтому закономерно, что пользователи Интернета перестают быть в представлении исследователей некими особыми «виртуальными личностями» с «особым языком». Становится понятным, что пользователи Интернета — это мы все.

Новое отношение исследователей к интернет-коммуникации отражено в коллективной монографии Т. И. Поповой, И. М. Вознесенской, Д. В. Колесовой и В. М. Савотиной. Правда, название «Интернет-пространство: речевой портрет пользователя» в некоторой степени провоцирует подозревать, что перед нами еще один поиск, так сказать, инварианта «виртуальной языковой личности». Но знакомство с самой книгой развеивает эти опасения.

Коллективная монография состоит из пяти глав. В первых четырех представлены речевые портреты участников интернет-форумов, блогеров, пользователей фотосайтов и фотохостингов, авторов комментариев на сайтах массовых журналов для мужчин и женщин. В рамках каждого из этих речевых жанров (а авторы обоснованно утверждают, что перечисленные явления представляет собой отдельные речевые жанры) анализируется несколько типов речевого поведения и, соответственно, несколько типов коммуникантов.

В частности, речевое поведение участников интернет-форумов различается в зависимости от фактора их целеполагания: на информативном форуме оно иное, нежели на форуме — обмене мнениями или на форуме фатического общения. Более того, как явствует из представленного анализа, для всех трех основных типов интернет-форумов невозможно создать некую универсальную методику изучения. Для информативного форума важнее всего различие ролей инициатора (топик-стартера) и других участников обсуждения. Форумы, представляющие собой обмен мнениями, дифференцируются в зависимости от того, рассчитаны ли они на специалистов или на неспециалистов в отдельных вопросах: им свойственны разные способы выражения несогласия с оппонентом, аргументации. Наконец, речевое поведение участников форумов фатического общения различается в соответствии с направленностью коммуникации на сферу говорящего или на сферу адресата.

Интересно, что для описания блогов (в отличие от форумов) в монографии предложена универсальная схема. Каждый типаж блогера рассмотрен в четырех аспектах: особенности использования языковых единиц; особенности речевого поведения; речевое поведение читателей блога; речевой портрет блогера. В книге (очевидно, в качестве примеров, демонстрирующих возможности схемы описания) представлены характеристики лишь трех типажей, выявленных в соответствии с тематической направленностью блога и свойствами речевого поведения: «социально активный рациональный информатор», «созерцатель-интеллигент» и «русская бабушка-забота». Разумеется, в действительности этих типажей больше. Глава, посвященная речевому портрету блогера, как представляется, демонстрирует прежде всего возможности упомянутой универсальной схемы описания.

Особый подход предложен и для описания обсуждений фотографий на фотосайте и фотохостинге. Отмечено, что речевое поведение коммуникантов дифференцируется в зависимости от жанра обсуждаемой фотографии (пейзажная, жанровая, портретная). Правда, материал обсуждений трех фотожанров, на что указывает автор главы, взят с разных сайтов, каждый из которых характеризуется своеобразием состава и взаимоотношений зарегистрированных пользователей: делятся ли они на группировки, различаются ли среди них любители и профессионалы и т. д. Остается открытым вопрос, не сильнее ли влияют на речевое поведение участников

обсуждений именно эти факторы, а не жанр обсуждаемой фотографии.

При выделении типов речевого поведения коммуникантов, комментирующих статьи, опубликованные на сайтах массовых журналов, за основу взяты гендерные характеристики целевой аудитории этих журналов (и, соответственно, авторов комментариев). Выявлены доминанты речевого поведения мужчин и женщин при обсуждении журнальных текстов, адресованных, соответственно, мужчинам и женщинам.

Заключительная глава коллективной монографии посвящена (мета)языковой рефлексии участников интернет-коммуникации. Авторы классифицируют стратегии реагирования на ошибки в речи, анализируют случаи выступления участников интернет-коммуникации в качестве наивных лингвистов, а также их суждения о правилах речевого поведения в Сети.

Каждая глава книги содержит образцы тонкого и детального стилистического и прагматического анализа конкретных фрагментов полилогов в Интернете — анализа, показывающего, с одной стороны, всю сложность и пестроту интернет-коммуникации, с другой — типичные разновидности речевого поведения ее участников. Книга, помимо прочего, убеждает в том, что для содержательного анализа интернет-коммуникации можно (и, вероятно, нужно) обходиться достаточно простым терминологическим аппаратом. Авторы опираются на традиционные для дискурсивной лингвистики понятия — в частности, понятия жанра, речевого поведения. Коллективная монография значима не только в практическом (анализ интернет-коммуникации), но и в теоретическом (разработка понятий речевой стратегии и речевого портрета) аспекте.

Н. В. Кузнецова,
канд. филол. наук, доц. ТюмГУ

Интернет-пространство: речевой портрет пользователя:
Коллективная монография / Т. И. Попова, И. М. Вознесенская, Д. В. Колесова и др.;
Под ред. Т. И. Поповой. — СПб.: Эйдос, 2012. — 224 с.

Как это ни покажется странным, свидетельством новизны, актуальности данного монографического исследования, свидетельством самостоятельного независимого взгляда на речевую практику Интернета является неиспользование авторами категории *стиль*, *стилистический*. В многочисленных появившихся в последнее время исследованиях слова *стилистика* и *стилистический* по авторскому произволу начали наполняться столь различным содержанием, что стали терять свою описательную силу. Авторы изучают речевую практику Интернета в аспекте речевого поведения, положив в основу категориальный аппарат теории, изучающей стратегии и тактики речевого поведения. Данный подход и обеспечил успех исследования.

В немалой степени успех исследования обеспечен был и тем, что в качестве единицы членения речевой практики Интернета автора избрали сформировавшиеся здесь коммуникативные сообщества. Как устойчивые речевые коллективы авторы рассматривают интернет-форумы, фотосайты, фотохостинги. Проведенный анализ выявляет сформировавшиеся здесь правила речевого поведения. Эти правила, с одной стороны, складываются стихийно, с другой — являются результатом сознательного регулирования речевого поведения.

Весьма интересным выглядит анализ речевого поведения временных коммуникативных коллективов, которые формируются при массовом комментировании той или иной публикации. Авторы выявляют особенности такого речевого поведения, зависящие от типа издания, гендерных факторов, характера содержания. Интересны наблюдения над динамикой коммуникативного статуса участников обсуждения.

Результаты проведенного авторами исследования показывают, что коммуникативная среда Интернета предстает перед нами как коммуникативная среда совершенного нового типа. В сферу традиционной печатной словесности (прежде всего художественная и научная литература) доступ получали лишь профессионалы речи под пристальным руководством редактора и издателя. Сфера печатных и электронных СМИ оказалась слегка приоткрытой и для непрофессиональной речи, для обычного слушателя, зрителя, читателя, вследствие развития интерактивных форм общения. Коммуникативная среда Интернета — следующий этап развития публичной речевой практики. Здесь речь профессионала соседствует с речью обычного человека. В монографии хорошо показана как проявляются в данной коммуникативной среде различные виды непрофессиональной социальной речевой активности.

Вполне логично авторы заканчивают поэтому монографию размышлениями о метаязыковой рефлексии пользователей Интернета, обращая особое внимание на правила речевого поведения, на сетевой этикет, который, как показывает исследование, находится еще в стадии формирования.

Несомненным достоинством монографии является большое количество хорошо подобранного иллюстративного материала, который делает изложение теоретического материала убедительным и обоснованным. Выскажем, однако, сомнение в целесообразности использования в данном исследовании категории «модель речевого жанра», предполагающей веру в существование универсальной модели.

Подводя итог, мы можем констатировать факт, что значение рецензируемой монографии не ограничивается полученными результатами, поскольку коллективный труд прочерчивает ясно видимые перспективы дальнейших исследований подобного типа.

В. И. Коньков, д-р филол. наук, проф. СПбГУ

Филологические заметки о новой книге для чтения «Мелодия Чайковского: русская проза конца XX — начала XXI века»

В 2011–2012 гг. на кафедре русского языка как иностранного РГПУ им. А. И. Герцена (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. Т. Г. Аркадьева) были созданы: учебное пособие по литературному чтению «Мелодия Чайковского: русская проза конца XX — начала XXI века» (авторы-составители И. И. Толстухина, Л. А. Вольская, Н. А. Макаричева, Н. С. Цветова; под ред. Н. С. Цветовой. СПб.: ВВМ, 2011); сборники научных статей «Проблемы изучения русской литературы в иностранной аудитории» (2011), «Русская литература в иностранной аудитории» (2012). Труд составителей, членов редакционных коллегий — всех, кто принял непосредственное участие в рождении этих актуальных изданий, свидетельствует о постоянно ведущейся на кафедре целенаправленной работе по различным аспектам преподавания русской литературы как иностранной: литературоведческому, лингвистическому, культурологическому, лингвокультурологическому, собственно методическому.

Авторы пособия «Мелодия Чайковского» создавали его с ориентацией на II–III сертификационные уровни владения русским языком студентами-«лингвистами». Они представляют сейчас основной контингент студентов-иностранцев, обучающихся в РГПУ им. А. И. Герцена. Учитывая, с одной стороны, характер филологической подготовки иностранных учащихся, с другой — сокращенный срок их обучения в России, составители книги для чтения создали своего рода методический модуль, ориентированный на этот контингент учащихся.

Как известно, в основу программ филологического факультета положен историко-хронологический принцип изучения русской литературы: от фольклора до наших дней (см. об этом статью Д. У. Якибовой в сб. «Русская литература в иностранной аудитории»). Кафедры русского языка, работающие с иностранными учащимися лингвистического профиля, сосредоточивают внимание на истории русской литературы XX века. Слушая и конспектируя лекции, студенты узнают о жизни и творчестве А. П. Чехова, М. Горького, Б. Пастернака, М. Шолохова, В. Шукшина, Б. Окуджавы, Т. Толстой (напр.: Рябинина Н. В. Изучаем историю русской литературы XX века. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2008). В курсе лекций учащиеся знакомятся с особенностями стиля писателя, страноведческими и культурными реалиями России, развивают навыки аудирования и конспектирования. На практических занятиях читают и анализируют произведения названных авторов.

Авторы рецензируемого пособия «Мелодия Чайковского» сосредоточили внимание на авторах второй половины XX и уже XXI века. Отбор художественных текстов осуществлялся как с учетом актуальности и эстетико-этической ценности, так и возможностей для осуществления творческой работы со студентами по развитию разных видов речевой деятельности. Пособие содержит развернутый методический аппарат к каждому тексту.

Основу содержания книги составляют рассказы: В. Шаламова «Галстук», В. Астафьева «Мелодия Чайковского», Г. Корниловой «Звенящее море», Ф. Искандера «Авторитет», В. Распутина «Видение», Б. Екимова «Не ругай меня...», Т. Толстой «Поэт и муза», А. Геласимова «Жанна», С. Шаргунова «Как я был алтарником», а также отрывок из романа А. Кима «Белка». Это писатели, ставшие уже классиками, и более молодые, но уже заслужившие признание. Предлагаемые читателю произведения отличаются разнообразием тем и стилей. В книге использованы неадаптированные тексты. Концептуальным стержнем пособия стала духовно-нравственная проблематика: отношения человека с природой, обществом, искусством, Богом, поиски духовности и смысла бытия, самостояние и взросление личности. Темы, проблемы произведений во многом отвечают интересам иностранных студентов (что, например, показало анкетирование учащихся в 2011 году в Академии музыки им. Гнесиных).

Одной из сквозных тем пособия стал вопрос о роли искусства в жизни человека. Она мощно прозвучала в рассказе Астафьева «Мелодия Чайковского», что дало «имя» всему сборнику. В рассказе вновь ожило известное в искусстве противопоставление двух состояний общества — «война и мир». Музыка стала синонимом мирной жизни, духовного богатства, силы человека. Вернуться к вере в жизнь, в красоту мира юному герою, уставшему от войны, помогает музыка великого русского композитора. В рассказе Геласимова музыка, исполнение Эдит Пиаф становятся знаком принадлежности к жизни подлинной, к миру искренних, глубоких чувств, помогая героине в трудные минуты её жизни. В произведениях Ю. Кима и Т. Толстой различное отношение героев к искусству — как средству самоутверждения, достижения жизненного благополучия или как к наслаждению творчеством, восхищению перед чудом таланта — помогает отделить бескрылых прагматиков от служителей Вдохновения.

Тема любви, человеческих отношений, вопрос о сохранении достоинства в непростых социальных ситуациях и в собственной семье всегда важен для молодых людей, вступающих в жизнь, и книга дает возможность задуматься над этими, всегда актуальными нравственно-психологическими вопросами. Произведения В. Распутина, Б. Екимова, Ф. Искандера помогут юным читателям лучше понять людей старшего поколения, при-

близиться к миру их культуры, а рассказы В. Шаламова и В. Астафьева введут в атмосферу трагических периодов русской истории. Таким образом, выбор имен писателей и отбор их текстов является первым достоинством книги «Мелодия Чайковского».

Достижением авторов-составителей является и разработка структуры пособия — четкой, методически обоснованной, обеспечивающей учебное занятие материалами по каждой теме и в то же время оставляющей пространство для творчества преподавателя. В каждом из десяти разделов рассматривается одно произведение; обширный методический аппарат дает преподавателю возможность выбора собственного пути анализа в зависимости от уровня подготовки и интересов группы, от конкретных задач обучения. Единообразие подачи материалов в каждом из разделов сочетается с особым подходом к анализу текста писателя. Так, в работе с рассказом Шаламова особое внимание уделяется эстетическим принципам писателя — создателя «новой прозы», с рассказом Екимова — нравственным вопросам, Распутина — духовным проблемам, Астафьева — наблюдениям над художественной ролью разговорной и просторечной лексики. Предложенный аппарат свидетельствует о глубоком понимании методистами специфики художественного текста и задач преподавателя-русиста, организующего чтение текста.

В начале раздела предлагается **очерк жизни и творчества писателя**, дается **список** основных его **сочинений**. Эти сведения помогают расширить фоновые знания студентов, понять своеобразие творческого пути, характер мировоззрения художника, представить его место в картине современной прозы.

Предтекстовые задания направляют внимание читателя на тематику и проблематику текста. Так, например, перед чтением рассказа Искандера читателям предлагается вспомнить, в каких известных им произведениях изображен конфликт поколений и как он разрешается. Чтению рассказа Т. Толстой предшествует задание: вспомнить, что известно об «отношениях» художников, писателей, композиторов с музой в творчестве и реальной жизни.

За текстом идут лингвостилистические и культурологические **комментарии**, которые снимают языковые и иные преграды для восприятия текста инокультурным читателем и способствуют полноценному пониманию произведения. Комментарии свидетельствуют о высоком уровне проделанной лексической работы; в них содержится толкование значений малопонятных для иностранца единиц текста, стилистические и грамматические пометы. Кроме того, даются видовые пары глаголов, приводятся примеры употребления слова в прецедентном тексте. Например:

Палит кого, что — от палить / спалить (разг.) — жечь; зд.: о боли, вызывающей жжение кожи. Ср.: *А солнце палит их полуденным зноем* (Н. А. Некрасов).

Горница — зд.: светлая, чистая комната крестьянского дома. *В горнице моей светло, Это от ночной звезды* (Н. Рубцов).

Обогащает книгу то, что ко многим, наиболее трудным лексическим единицам предлагается комментарий в виде цветных иллюстраций. Так, несомненно, облегчит восприятие рассказа В. Астафьева визуальный комментарий к военной лексике, а рассказа С. Шаргунова — богатый комментарий к лексике православной церкви, что актуально для нашего времени.

Далее следует важная часть методического аппарата — **вопросы и задания к тексту.** Их, вероятно, следует рассматривать как послетекстовые задания. Они разделены на восемь рубрик. Вопросы первой проверяют, как студенты поняли фактическое содержание текста на уровне основных сюжетных линий. В некоторых учебных ситуациях достаточно будет ограничиться ею. Эта часть заданий может быть также использована студентами для самопроверки.

Группа **лексико-грамматических заданий** направлена на развитие лингвистических знаний студентов второго и третьего сертификационных уровней. Все задания строятся на основе лексического материала конкретного текста с его грамматическими и стилистическими особенностями. Особое внимание уделяется грамматическим темам, трудным для иностранцев: видам глагола и глаголам движения, причастным и деепричастным конструкциям, употреблению предлогов и др. Полнота выполнения этих заданий зависит от степени заинтересованности в совершенствовании языковых навыков студентов. Работа с этим видом упражнений является как самостоятельной задачей, так и подготовительным этапом к дальнейшим, более сложным заданиям.

В рубрике **Анализ языка и стиля** внимание студентов заостряется на стилевых особенностях текста в связи с его содержанием. Требуется определить модальность текста, способы создания экспрессии, роль стилистически окрашенной лексики в раскрытии характеров персонажей и авторского замысла. Раздел важен для обучения студентов медленному, вдумчивому чтению, для знакомства с идиостилем писателя.

Четвертая рубрика — **Говорим о героях рассказа —** побуждает читателей высказать свое мнение о персонажах произведения, найти художественные средства, с помощью которых писатель создает их характеры, выявить авторскую оценку. Реализация заданий этих двух рубрик развивает речевую деятельность учащихся, активизирует их мыслительные способности и внимание к эстетическому аспекту текста.

Вопросы для обсуждения развивают интеллект учащихся, помогают организовать в группе дискуссии. Приведенные составителями критические отзывы (иногда несходные) стимулируют размышление о прочитан-

ном, учат прислушиваться к чужому мнению, помогают сформулировать собственное.

Рубрика **Итоговые вопросы** выводит студентов на новый уровень обобщения, предлагает сделать выводы об основных параметрах произведения, об авторском замысле и собственной позиции, выйти от проблематики произведения к проблемам реальной жизни.

Творческие задания (подготовка устных и письменных высказываний, написание сочинений, эссе) способствуют развитию навыков письменной литературной речи и являются завершающим этапом работы над текстом. Студентам, владеющим третьим сертификационным уровнем русского языка, кроме названных, предлагаются более сложные задания — по ***поэтике*** текстов.

Каждый раздел пособия завершается списком новейшей литературы по теме.

Итак, структура данного методического пособия и реальное содержание его разделов отличаются высоким методическим уровнем, производят самое хорошее впечатление. Знакомясь с методическим аппаратом к художественным текстам для учащихся второго и третьего сертификационных уровней, можно с удовлетворением отметить, какой шаг вперед сделала методическая мысль за истекшие 25 лет. Если сравнить этот аппарат с предложенным в книге Л. С. Журавлевой и М. Д. Зиновьевой «Обучение чтению (на материале художественных текстов)» (М.: Русский язык, 1984, 1988), то становится очевидным и такое достижение составителей пособия «Мелодия Чайковского», повышенное внимание к организации учебного диалога культур на занятиях по литературе, что прослеживается в ряде рубрик методического аппарата: «Говорим о героях рассказа», «Вопросы для обсуждения», «Познакомьтесь с отзывами критиков, выскажите свое мнение», «Итоговые задания», «Творческие задания для самостоятельной работы». Несомненно, такой подход к изучению русской литературы в иностранной аудитории повышает мотивацию студентов к постижению русской литературы и расширяет их культурный кругозор.

Остановимся на тех методических особенностях пособия, которые требуют корректировки в следующих изданиях. Так, статьи о жизни и творчестве авторов написаны увлекательно, профессионально. Однако, на наш взгляд, упущением является отсутствие необходимого историко-культурного комментария к ним. Например, в очерке об А. Геласимове присутствуют упоминания о первой Чеченской войне, премии Аполлона Григорьева и нек. др.; в биографии В. Астафьева такие реалии и имена, как раскулачить, детский дом, орден «Красной звезды», «деревенская проза», перестройка, В. Некрасов, В. Богомолов, К. Воробьев, народный депутат СССР; в эссе о Г. Корниловой: Литературный институт, К. Паустовский, кандидат филологических наук, Булат Окуджава, А. А. Ахматова. При отсутствии комментариев биографические очерки в большей степени становятся источником сведений для преподавателей, чем для студентов.

Учитывая далекий от нас характер родной культуры учащихся и их слабые знания в области русской литературы, целесообразно, с нашей точки зрения, дать предварительно некоторые сведения о рассказе, который будут читать студенты, а также познакомить студентов с литературоведческими понятиями, необходимыми для анализа данного текста (гротеск, гипербола, ирония и др.).

Несмотря на высказанные замечания, необходимо отметить, что предлагаемая система работы удачно реализует идею целостного анализа текста с целью обеспечения его адекватного восприятия инокультурным читателем, способствует углублению филологической и культурологической компетенций учащихся. Глубина анализа произведений и многообразие заданий позволяет сделать вывод о возможности и желательности использования пособия не только в иностранной, но и в русской аудитории. Следует отметить также, что пособие хорошо оформлено: приведены цветные портреты писателей, фотографии исторических, страноведческих реалий; для работы с книгой удобно и то, что разные типы заданий набраны разным шрифтом.

Хочется пожелать увеличить тираж этой прекрасной книги, чтобы обеспечить ею преподавателей и студентов, желающих с ней работать.

М. Д. Зиновьева (Москва),
К. А. Рогова (Санкт-Петербург)

[от редакции]

В № 3 журнала «Мир русского слова» за 2012 год по техническим причинам не был указан составитель материала о городе Владимире (с. 110–116) — Виктория Константиновна Никитина, ст. преподаватель кафедры журналистики Владимирского государственного университета.

XVII МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РИТОРИКА И КУЛЬТУРА ОБЩЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

Риторы России и их иностранные коллеги, объединённые в Российскую ассоциацию исследователей, преподавателей и учителей риторики, собрались в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина, где 30 января — 1 февраля 2013 года состоялась XVII Международная научно-методическая конференция «Риторика и культура общения в общественном и образовательном пространстве».

Конференция была открыта приветственным словом ректора Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина проф. Ю. Е. Прохорова, высказавшего мысли о перспективах исследования новых речевых технологий в современном обществе. На пленарных заседаниях выступили постоянные докладчики: проф. Н. А. Ипполитова (Москва, МПГУ), проф. И. А. Стернин (Воронежский ГУ), проф. А. К. Михальская (Литературный институт им. А. М. Горького), проф. А. А. Волков (МГУ им. М. В. Ломоносова), проф. О. И. Марченко (СПбГУ), Л. Г. Антонова (Ярославский ГУ им. П. Г. Демидова), проф. Д. А. Щукина (Санкт-Петербург, Горный университет), проф. В. И. Аннушкин (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина). С другой стороны, риторическое сообщество постоянно пополняется новыми людьми и их творческими наработками: с интересными идеями о риторике масс-медиа выступила недавно защитившая докторскую диссертацию доцент факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова И. В. Анненкова; выступление в защиту русского языка от иностранных заимствований прозвучало из уст профессора Сибирского Федерального университета Т. М. Григорьевой.

К началу работы конференции выпущен сборник, в предисловии к которому сказано не только о достижениях возрождённой в нашем Отечестве риторики, но и о проблемах риторического и шире культурно-речевого образования.

Решение конференции говорит о достижениях наших учёных и педагогов. К ним относится появление ряда книг. Из современных работ отметим выход в свет фундаментального словаря «Эффективное общение» объёмом свыше 50 п. л., подготовленного в Сибирском Федеральном университете (гл. ред. проф. А. П. Сковородников), в котором представлена основная терминология речеведческих дисциплин.

С особым вниманием было воспринято издание «Риторики» Николая Фёдоровича Кошанского, профессора русской и латинской словесности Царскосельского лицея (издание подготовили В. И. Аннушкин, А. А. Волков, Л. Е. Макарова). Кошанский, читавший первую вступительную лекцию 19 октября 1811 года на открытии Лицея, был первым учителем, взрастившим Пушкина, а его «Риторика», переиздававшаяся с 1829 по 1849 год, была не только энциклопедией словесных наук пушкинского времени, но и учебником, по которому училось не одно поколение лучших людей России.

Российская Риторическая ассоциация имеет разветвлённые связи со многими зарубежными коллегами. В 2012 году в Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина защищены кандидатские диссертации коллегами из Вьетнама (Нгуен Тхи Занг — о риторике деловой презентации) и Индии (Анджу Мехта — о русском торжественном политическом красноречии). Особенно стоит отметить коллег из Китая (Сианьский институт иностранных языков), аспирантов, защитивших диссертации по риторике: Линь Мэй — о специфике русского телефонного диалога, Ван Ци — об эволюции русских терминов *слово — язык — речь*. Доцент Линь Мэй — не только постоянный автор статей в российских научных изданиях, но и преподаватель риторики как учения о речи, использующий методы и приёмы эффективного коммуникативного обучения в вузе.

В решении конференции отмечено развитие научно-педагогических центров преподавания риторики (Риторический Центр «Златоуст» в Международном фонде славянской письменности и культуры в Москве, курсы риторики и делового общения Центра коммуникативных исследований Воронежского университета, дистанционные курсы риторики диалога «ЗУУНЦ» (Пермь), ряд курсов в Санкт-Петербурге, специализация по риторике на филфаке МГУ, школы риторики в МПГУ, курсы ораторского искусства для всех желающих в Мордовском государственном университете и др.).

XVII Международная конференция констатировала, что в Совет Ассоциации входят 17 авторитетных ученых и педагогов из разных городов России, в Ассоциации 17 региональных отделений, которые действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Воронеже, Саратове, Перми, Екатеринбурге, Красноярске, Туле, Салехарде, Самаре, Барнауле, Ярославле, Астрахани, Волгограде, Смоленске, Пятигорске, Гродно (Белоруссия). На 1 января 2013 года Ассоциация насчитывает более 470 членов.

Приглашаем коллег к участию в очередной XVIII Международной конференции по риторике, которая состоится 30 января — 1 февраля 2014 года в Ярославском государственном университете им. П. Г. Демидова на базе факультета филологии и коммуникации, кафедры теории и практики коммуникации. Тема конференции «Риторика в современной России: традиции и новые задачи».

В. И. Аннушкин,
председатель Российской ассоциации исследователей,
преподавателей и учителей риторики

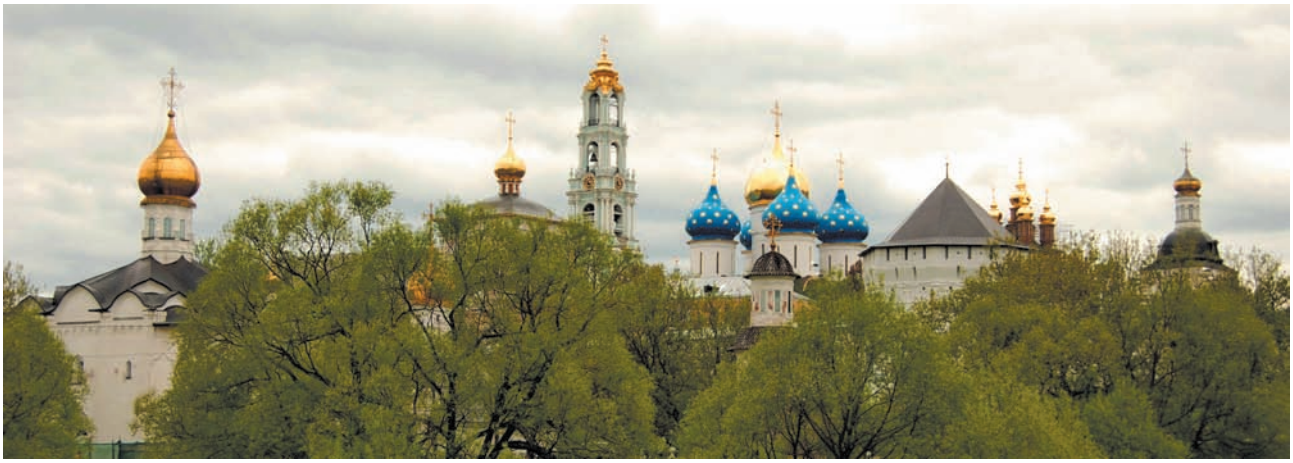
РЯЗАНЬ

Удивительно красив город Рязань! Современные воздушные шары позволяют человеку парить над городом, а когда-то, очень давно, наш земляк подьячий Крякутной сделал мяч большой, надул его дымом поганым и вонючим, от него сделал петлю, сел в нее и, наверное, тоже хотел увидеть город Рязань с высоты птичьего полета, но, как говорится в рукописи, «нечистая сила подняла его выше березы и после ударила его о колокольню, но он уцепился за веревки, чем звонят и остался так жив».

Город Рязань — административный, промышленный и культурный центр России, расположенный на северо-западе Рязанской области. Площадь 223,7 кв. км, находится в 198 км от Москвы. Численность населения на 1 апреля 2011 года составила 524,1 тыс. человек.

Город основан в 1095 году. Первоначально он именовался Переяславлем Рязанским. Современное наименование город получил по указу Екатерины Великой, как достойный преемник героической столицы древнерусского Рязанского княжества, разрушенного татаро-монголами. Обладая богатым историческим прошлым, он привлекателен своими архитектурными памятниками, среди которых Историко-архитектурный музей-заповедник «Рязанский Кремль». Его ансамбль — это семнадцать памятников истории и архитектуры.

Фотографии студентки Рязанского государственного университета Анастасии Лесив.



Старый Кремль, заложенный в XI веке, расположен на берегу Трубежа, где в него впадает река Лыбедь. Стены не сохранились, остался только земляной вал, но на высоком берегу Трубежа возвышаются соборы: Христорождественский (заложен в XV в., в 1826 году перестроен в классицистком духе); одноглавый Архангельский собор сохранил облик XVI века (надстроен в 1647 году); Успенский собор в стиле «нарышкинского барокко» (конец XVII в., архитектор Я. Бухвостов, высота 60 м) с колокольней конца XVIII — начала XIX века; двухшатровая церковь Святого духа (1642 г., архитектор В. Х. Зубов); Архиерейские палаты конца XVII века (известны как «Дом Олега»). Палаты соединены с Успенским собором каменным переходом. Близ Старого Кремля — Спасский монастырь XVII века. Его церковь Богоявления имеет шатровую колокольню. Сохранились дома массовой застройки XIX века — деревянные, с резными наличниками и декором, а также массовая каменная застройка конца XIX века.

Центр города сохраняет регулярную планировку екатерининских времен в виде «трезубца» улиц, сходящихся к Соборной площади. Рязань называли городом церквей и соборов. В центральной части города сохранились церкви: Благовещения (1673), Входа в Иерусалим (1680), Воскресения и Бориса и Глеба (обе — зодчий Я. Бухвостов), Спаса-на-Яру с шатровой колокольней (1695). Среди памятников гражданской архитектуры большинство принадлежат к стилю классицизма — Присутственные места (1796), дом Морозова (XVIII в.), Дворянское собрание (начало XIX в.), торговые ряды (первая половина XIX в.), гимназия (1815), больница (1816), гауптвахта (1836), дом Рюмина (начало XIX в.). Сегодня в этом здании располагается художественный музей. Свое неофициальное название «Рязанская третьяковка» он вполне оправдывает. Здесь можно увидеть великолепные полотна Айвазовского, Тропинина, Саврасова, Шишкина, Репина, Архипова, Левитана, Сурикова, Серова, Малявина и многих других выдающихся художников, а также скульптуры, произведения декоративно-прикладного искусства, графики. Музей носит имя художника Ивана Петровича Пожалостина. Ведь переданная им коллекция стала основой для создания рязанского художественного музея.

Музей академика, знаменитого гравера Ивана Пожалостина расположен в поселке Солотча, который находится в 20 километрах от Рязани. Солотча известна как здравница и замечательное место отдыха, но не только. В центре поселка, на самом высоком месте князем Олегом Ивановичем рязанским в конце XIV века был воздвигнут монастырь, который до настоящего дня является хранителем великолепного ансамбля памятников архитектуры XVI–XVII веков. В дореволюционных изданиях Солотчу называли Рязанской Италией. Такое сравнение, конечно, преувеличено, но, тем не менее, у этого места есть своя необыкновенная привлекательность, аура. Отсюда, из Солотчи начинается Мещера.

На сегодняшний день Рязань является не только промышленным, но и крупным научным и культурным центром, где бережно хранится богатое наследие прошлого.

В Рязани открыто множество вузов, как гражданской, так и военной направленности. Крупными вузами являются Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязанский государственный радиотехнический университет, Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, Рязанский государственный

медицинский университет, Академия ФСИН России, Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (военный институт) имени генерала армии В. Ф. Маргелова.

Рязань прославили многие люди. Среди них известные ученые и конструкторы Иван Павлов, первый русский нобелевский лауреат, основоположник учения о высшей нервной деятельности, Константин Циолковский, основоположник космонавтики, Иван Мичурин, биолог и селекционер с мировым именем, Андрей Марков (старший), автор теории цепей Маркова, Павел Костычев (талантливый русский ученый в области биологии и микробиологии почвы, в области физики и химии почв), Николай Кравков (выдающийся деятель естествознания, один из основоположников современной фармакологии), Петр Дубовицкий (ученый, один из основоположников отечественной хирургии), Сергей Чаплыгин (ученый в области теоретической механики и гидроаэродинамики), Пётр Семёнов-Тян-Шанский (выдающийся географ с мировым именем, путешественник, статистик, общественный деятель), Владимир Уткин, генеральный конструктор, создатель ракетно-космических систем.

В Рязани родились или работали поэты и писатели Сергей Есенин, Константин Паустовский, Михаил Салтыков-Щедрин, Яков Полонский, Константин Симонов, Александр Солженицын; деятели изобразительного искусства Иван Пожалостин, Петр Боклевский; актеры Эраст Гарин, Александр Фатюшин, Владимир Балашов; певцы и музыканты Александр Александров, Александр Пирогов.

Рязань — город музеев. Наиболее известными являются Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, Рязанский государственный областной художественный музей им. И. П. Пожалостина, Музей-усадьба академика И. П. Павлова, Музей военной автомобильной техники, Музей истории воздушно-десантных войск, ГУК «Музей истории молодежного движения». Наиболее популярным является Государственный музей-заповедник С. А. Есенина (село Константиново) — ценнейший памятник истории и культуры, научно-исследовательское и научно-просветительское учреждение, государственное хранилище мемориальных, исторических и архитектурных памятников, книжных и изобразительных фондов, связанных с жизнью великого русского поэта. Органично вписанный в природный ландшафт памятных есенинских мест, музей представляет собой целый комплекс, где всюду живет память о великом русском поэте, стихи которого до сих пор волнуют и восхищают нас, заставляя трепетать наши сердца и души. Ежегодно в области проводятся Всероссийские фестивали, посвященные С. А. Есенину, в день рождения поэта в с. Константиново — Всероссийский праздник поэзии.

Рязань — театральный город. Любители Мельпомены могу посмотреть классику и современные пьесы в Рязанском государственном областном театре драмы, Рязанском государственном областном театре для детей и молодёжи (Рязанский театр юного зрителя), Рязанском государственном областном театре кукол; послушать современную и классическую музыку в Концертном зале им. С. Есенина, Рязанском областном музыкальном театре. Большой популярностью театралов пользуются Студенческий театр РГУ «Переход», Театральное товарищество «ПРЕМЬЕР-А», Театральная лаборатория Костин Дом, Театр-студия Экспромт.